

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (10) 2015

Главный редактор:

Андреев А.А., канд. юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Казаков А.А., канд. ист. наук, доцент

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор

Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Кениспаев Ж.К., д-р филос. наук, доцент

Корякин И.П., д-р юрид. наук

Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор

Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент

Федулов Б.А., д-р пед. наук, профессор

Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Суверов Е.В., д-р ист. наук, доцент

Богуцкий А.В., канд. ист. наук, доцент

Шатилов С.П., канд. юрид. наук, доцент

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент

Мягков А.В., канд. юрид. наук, доцент

Титаренко А.П., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О.В., канд. юрид. наук

Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор

Бойко Ю.Л., канд. юрид. наук, доцент

Яценко С.В., канд. юрид. наук

Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент

Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Корректурa, компьютерная верстка:

Ю.С. Жолобовой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Включен в систему РИНЦ
23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД
России.
Свободная цена.

Адрес редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский
край, г. Барнаул, Барнаульский
юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://www.vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 14.05.2015.
Выход в свет 01.06.2015.
Заказ № 304. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 15. Тираж 113 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2015

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

№ 2 (10) 2015

Editor-in-Chief:

Andreev A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Deputy Editors-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor

Responsible for Issue:

Kazakov A.A., (Candidate of Historical Sciences),
assistant-professor

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Anisimov P.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kenispaev Z.K., Ph.D. (Doctor of Philosophical Sciences),
assistant-professor
Koryakin I.P., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences)
Mazunin Ya.M., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Sumachev A.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor
Fedulov B.A., Ph.D. (Doctor of Pedagogical Sciences),
professor
Sharapov R.D., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Suverov E.V., Ph.D. (Doctor of Historical Sciences),
assistant-professor
Bogutskiy A.V., Ph.D. (Candidate of Historical Sciences),
assistant-professor
Shatilov S.P., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Anokhina S.Yu., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Myagkov A.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Titarenko A.P., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Ermakova O.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Kim D.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Boiko Yu.L., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Yatsenko S.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Bublik I.G., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Chesnokov A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading, desktop publishing:

Zholobova Yu.S.

The journal is registered
in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass
Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index
in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law
Institute of the Ministry
of the Interior of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law
Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
Chkalovastr., 49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 14.05.2015.
Issue date 01.06.2015.
Order 304. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 15.
Issue 113 copies.

© Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of Russia, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Карнов Р.А.</i> Некоторые вопросы становления, комплектования и деятельности алтайской милиции в начале 20-х гг. XX в.	7
<i>Лен К.В.</i> Губернская администрация Западной Сибири и городское самоуправление в 70-90 гг. XIX в. Аспекты взаимодействия и сотрудничества	10
<i>Шатилов С.П.</i> Основные направления взаимодействия правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны	14
<i>Юнусов А.А., Гуриц С.Д.</i> Правовые основания использования труда военнопленных ...	19

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Гайдукова О.М.</i> Право на религиозную безопасность и некоторые особенности его правового регулирования	23
<i>Котляров И.И., Пузырева Ю.В.</i> Кризис на Украине: прошлое, настоящее, будущее	27
<i>Степанченко А.А.</i> Некоторые международно-правовые аспекты постконфликтного миростроительства.....	33

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А.</i> Досмотр как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая участковыми уполномоченными полиции	38
<i>Мягков А.В., Анохина С.Ю.</i> К вопросу об особенностях назначения административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений	41
<i>Нехорошева С.С.</i> Повышение эффективности деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних	45
<i>Цуканов Н.Н.</i> К вопросу о соотношении ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 27.12.1 КоАП РФ при реализации ст. 6.9 КоАП РФ.....	48

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Беляева Л.И.</i> Принудительные меры воспитательного воздействия (характера) по законодательству стран СНГ	52
<i>Брагина А.Г.</i> Уголовно-правовая характеристика состава разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа.....	60
<i>Ермакова О.В.</i> Характеристика основных теорий объекта преступления	64
<i>Семенюк Р.А.</i> Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с гражданами в области профилактики преступлений, совершаемых в состоянии опьянения	69
<i>Герентьева В.А., Панкова М.А.</i> Некоторые особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	72
<i>Тулегенов В.В.</i> Захват политической власти как детерминанта криминального профессионализма.....	76

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Головкин О.Е.</i> Отсутствие ущерба доказыванию как условие передачи вещественных доказательств на хранение	81
<i>Лукиянова А.А.</i> Административная юстиция в механизме обеспечения права личности на судебную защиту в уголовном процессе	84
<i>Мешков В.М.</i> Об основе криминалистического обеспечения деятельности ОВД по расследованию преступлений: к вопросу о подготовке специалистов	88
<i>Терехов М.Ю., Григорьев И.Б.</i> Ограничения права каждого на тайну сообщений: к вопросу о реализации конституционно-правовых норм в уголовно-процессуальном законодательстве	93
<i>Тишкин К.В.</i> Основные признаки, характеризующие специальные знания в уголовном судопроизводстве	98
<i>Троицкий С.В.</i> Разумный срок уголовного судопроизводства в призме практики Европейского Суда по правам человека	100

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Блинова Ю.В.</i> Новое в коллизионном регулировании личного закона юридического лица.....	104
<i>Серебряков А.А.</i> Правовые режимы информации в гражданском праве.....	107
<i>Трунцевский Ю.В., Чесноков А.А.</i> Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства.....	111

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ИМЕНА, СОБЫТИЯ, ДАТЫ

60-летний юбилей Сергея Ивановича Давыдова.....	115
---	-----

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Karpov R.A.</i> Some Issues of the Formation, Manning and Activities of the Altai Militia in the Early Twenties of the XX th Century	7
<i>Len K.V.</i> Provincial Administration of Western Siberia and City Government in the 70-90 Years of the XIX th Century. Aspects of Interaction and Cooperation	10
<i>Shatilov S.P.</i> Principal Areas of Cooperation among Law Enforcement Agencies in the Great Patriotic War	14
<i>Yunusov A.A., Gurits S.D.</i> Legal Grounds for the Use of Prisoner Labor	19

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Gaidukova O.M.</i> Right to Religious Security and Some Features of its Legal Regulation	23
<i>Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V.</i> Ukraine Crisis: Past, Present and Future	27
<i>Stepanchenko A.A.</i> Some International Legal Aspects of Post-conflict Peacebuilding	33

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Grishakov A.G., Pribytko Ju.A.</i> Search as a Measure of Maintenance of Administrative Proceedings Applicable by Precinct Police Commissioners	38
<i>Myagkov A.V., Anokhina S.Yu.</i> Revisiting the Peculiarities of Imposition of Administrative Punishment for Committing Several Administrative Offences	41
<i>Nehorosheva S.S.</i> Improvement of Effectiveness of Juvenile Divisions' Activity Relating to Parents or Other Legal Representatives of Minors	45
<i>Tsukanov N.N.</i> Revisiting the Relationship of the Art. 44 of the Federal Act of January 8, 1998 № 3-FZ «About Narcotics and Psychotropic Substances» and the Art. 27.12.1 of the Code of Administrative Offences of Russia in Implementation of the Art. 6.9 of the Code of Administrative Offences of Russia	48

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Belyaeva L.I.</i> Compulsory Measures of Educational Influence (Character) According to the CIS Legislation	52
<i>Bragina A.G.</i> Criminal Law Characteristics of a Crime of Information Disclosure about Security Measures, Regarding an Official of Law-enforcement or Controlling Body	60
<i>Ermakova O.V.</i> Characteristics of the Main Theories of Crime	64
<i>Semeniuk R.A.</i> Interaction of Police Commissioners with Citizens for the Prevention of Crimes Committed Intoxicated	69
<i>Terentieva V.A., Pankova M.A.</i> Some Features of the Qualification of Crimes, Associated with Drug Trafficking	72
<i>Tulegenov V.V.</i> Seizure of Political Power as a Determinant of Criminal Professionalism	76

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Golovkin O.E.</i> Absence of Damage to Proof as a Condition of Transfer of Material Evidences on Storage	81
<i>Lukyanova A.A.</i> Administrative Justice in the Mechanism of Ensuring the Human Rights to Judicial Protection in Criminal Proceedings	84

<i>Meshkov V.M.</i> Concerning Criminalistics Securing of the Internal Affairs Agencies' Activities for Crimes Investigation: Revisiting Specialists Training.....	88
<i>Terekhov M.Yu., Grigoriev I.B.</i> Restrictions of the Common Right to Message Privacy: on the Enforcement of Constitutional and Legal Norms in the Criminal Procedure Legislation.....	93
<i>Tishkin K.V.</i> Main Features That Characterize Special Knowledge in Criminal Proceedings.....	98
<i>Troitski S.V.</i> Reasonable Period of Criminal Proceedings in the Light of the Practice of the European Court of Human Rights.....	100

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Blinova Ju.V.</i> New in the Collision Regulation Personal Law of a Legal Entity.....	104
<i>Serebryakov A.A.</i> Legal Regimes of Information in Civil Law	107
<i>Truntsevsky Yu.V., Chesnokov A.A.</i> Some Issues of the Use of Information Sources about Abuses in Bankruptcy Proceedings.....	111

LAW: NAMES, EVENTS, DATES

60 th Anniversary of Sergey I. Davidov.....	115
--	-----

История государства и права

УДК 351.74(571.15)

Р.А. Карпов

соискатель Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: karpovruslan71@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ, КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ МИЛИЦИИ В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ. XX В.

Автором статьи рассматриваются особенности формирования и деятельности алтайской милиции в начале 20-х гг. XX в., обсуждаются причины кадровых проблем.

Ключевые слова: милиция, Алтайская губерния, милиционер.

R.A. Karpov

external doctorate student of Polzunov Altai State Technical University

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: karpovruslan71@mail.ru

SOME ISSUES OF THE FORMATION, MANNING AND ACTIVITIES OF THE ALTAI MILITIA IN THE EARLY TWENTIES OF THE XXTH CENTURY

The author of the article considers some features of the formation and activities of the Altai militia in the early 20-ies of XXth century, the causes of staffing problems.

Key words: militia, Altai province, militiaman.

Во время гражданской войны деятельность милиции была направлена на обеспечение прочного тыла Красной Армии. В подразделениях алтайской милиции было введено обязательное обучение военному делу; сотрудников обучали в соответствии с постановлениями и уставами, принятыми в Красной Армии. Военному ведомству предоставлялось право производить инспекции милиции по строевой подготовке.

Вновь созданные милицейские соединения после установления советской власти на Алтае в начале 1920 г. по требованию Революционного Военного Совета могли привлекаться для ведения боевых действий против противников советской власти. Как вооруженному исполнительно-

му органу рабоче-крестьянской милиции было присвоено звание вооруженных частей особого назначения.

Алтайские милиционеры находились в составе сибирской милиции, координационным центром которой был Сибревком, образованный Постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. (Сибревком – высший орган государственной власти в Сибири в 1919-1925 гг. С ноября 1919 г. Сибревком дислоцировался в г. Омске, а с лета 1921 г. – в г. Новониколаевске).

Формированием сибирской милиции занимался отдел управления, являвшийся административно-организационным органом Сибревкома на правах наркомата внутренних дел

(НКВД) Сибири [3]. В составе управления Сибревкома был ряд подотделов. В их число входило управление советской милиции Сибири. Управление ведало делами общей милиции, уголовного розыска, железнодорожной и речной милиции. Ему подчинялось управление рабоче-крестьянской милиции (РКМ) Алтайской губернии.

Находились в непосредственном подчинении Отдела управления Сибревкома отделы управления губревкомов. Одной из задач губревкомов была выработка мер по охране революционного порядка, содействие при посредстве милиции всем органам центральной и местной власти в проведении в жизнь их постановлений [7, с. 37].

Алтайская губерния была поделена на 20 милицейских участков. Общий штат сотрудников в 1920 г., включая железнодорожную, речную милицию и уголовный розыск, составлял 1300 человек. В составе Барнаульской городской милиции находилось 128 человек, при штате в 132 человека. Из них постовую службу несли 29 человек [1]. До марта 1921 г. милицией оказывалась помощь в реализации политики «военного коммунизма», осуществлялся запрет на частное предпринимательство, проводилась продразверстка и др.

На органы правопорядка были возложены задачи по поддержанию порядка на железных дорогах, по охране телеграфа, телефона, почты, водопровода, фабрик, заводов, рудников, лесов, складов топлива, сырья, принудительных концентрационных лагерей.

Служба в милиции объявлялась добровольной, но каждый принятый был обязан прослужить не менее 1 года. Лишь в исключительном случае на службу в милицию призывались мобилизацией. В милицию могли приниматься только лица, достигшие 21 года, грамотные, пользующиеся избирательным правом в Советы.

В 20-е гг. первоначально проводилась политика максимальной открытости милиции. Публиковались в печати списки подавших заявление в милицию, проводились вечера «спайки с рабочими», сотрудники милиции регулярно выступали с докладами и отчетами на сельских сходах.

В первое время комплектование милиции происходило путем выдвижения кандидатур из местного населения. Но вскоре эта затея была оставлена. Способ оказался крайне неэффективным. Избранные милиционеры часто несли службу вяло, не предпринимали решительных мер по борьбе с беззаконием. Повсеместно наблюдалось панибратство между сотрудниками

милиции и местным населением. Хаос и беззаконие охватывали некоторые алтайские села, где фактически отсутствовала советская власть, нередко были случаи пьянства среди населения. В некоторых районах Каменского уезда скопилось большое количество дезертиров, которые игнорировали милицию, не подчиняясь их законным требованиям [2].

В органы внутренних дел не принимались граждане, состоящие под следствием или судом по обвинению в различных преступных деяниях: краже, мошенничестве, присвоении имущества, подлоге, лихоимстве, взяточничестве, ростовщичестве, спекуляции, а также лица, совершившие укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад краденого в виде промысла или полученного через обман имущества.

Руководители милицейских подразделений постепенно стали лично отвечать за вновь принятых сотрудников. Агенты уголовного розыска принимались на службу лично начальником отделения с испытательным сроком 1 месяц [5].

Запрещалось принимать в милицию лиц, прибежавших к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовой доход: на проценты с капитала, всех частных торговцев и торговых посредников, служителей разных культов, сотрудников бывших жандармских отделений и чинов бывшей полиции, а также представителей бывшего императорского дома [12, с. 813].

Младший милиционер с. Улала Ойротской области И. Быков был уволен из милиции в связи с дачей ложных показаний о себе в анкете, когда выяснилось, что он скрыл службу в рядах колчаковской милиции [11].

Беспрецедентный классовый приоритет при наборе в милицию нередко приносил свои горькие плоды. Лица с темным прошлым, прикрываясь своим пролетарским происхождением, с легкой подачи работников кадров становились сотрудниками советских правоохранительных органов.

Недостаток людских ресурсов приводил к тому, что немало случайных, психически не подготовленных людей попадало в алтайскую милицию. Среди сотрудников алтайской милиции встречались случаи применения физических мер воздействия к задержанным. Не были редкостью незаконные аресты, изъятие вещей и другие противоправные деяния [13, с. 39].

На основании приказа Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции от 9 февраля 1920 г. штаты милиции устанавлива-

лись следующим образом: 1 милиционер на 3000 жителей в уезде и 1 милиционер на 4000 жителей в городе. Район определялся в 50000 жителей. Каждый район был разделен на 4 участка. Из всего штата 5 милиционеров были старшими – они являлись конными милиционерами [6]. Штатные должности в Алтайской губернии не всегда были заполнены. Трудно было найти человека, отвечавшего всем многочисленным требованиям и готового за символическую зарплату ежедневно рисковать своей жизнью и здоровьем.

На заседаниях Сибревкома заслушивались различные вопросы, связанные с деятельностью милиции. 13 мая 1920 г. в Сибревкоме был заслушан доклад заведующего отделом управления Сибревкома В.М. Косарева о штатах милиции на территории Сибири. В связи с большой площадью и небольшим населением в уездах Сибири утверждался 1 милиционер на 2000 жителей, а в сибирских городах 1 милиционер приходился на 300 жителей [4], что было значительно выше, чем в европейской части России.

Однако в связи с сокращением государственных расходов уже в 1922 г. произошла ликвидация управления Сибмилиции, а в 1923 г. и отдела управления Сибревкома, что осложнило работу по установлению порядка и борьбе с преступностью. Скучные сведения стали поступать в Сибревком о работе алтайской милиции, особенно в деревне [14, с. 45]. Численность милиции в Сибири, соответственно и Алтай, стала резко сокращаться, что привело к обострению кадровой проблемы.

Таким образом, процесс становления и комплектования алтайской милиции в начале 20-х гг. прошлого века проходил в непростой социально-экономической ситуации. Кадровый вопрос так и не был решен. Множество случайных людей попадало в милицейские ряды, что значительно снижало эффективность деятельности милиции Алтайской губернии. Усугубляло ситуацию отсутствие в регионе специализированных учебных заведений и полноценной профессиональной подготовки, а также недостаточное финансирование.

Литература

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р. 531. Оп. 1. Д. 24. Л. 170.
2. ГААК. Ф.Р. 39. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 318. Л. 61.
4. ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 97.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 15. Д. 4. Л. 31.
6. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 7. Л. 18-18 об.
7. Известия Сибревкома. 1920. № 1.
8. Карпов Р.А. Борьба милиции с преступностью в Алтайской губернии (конец 1919 – 1925 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4.
9. Карпов Р.А. Охрана сотрудниками рабоче-крестьянской милиции общественного порядка в населенных пунктах Алтайской губернии 1920-1925 гг. // Армия и общество. 2014. № 5 (42).
10. Карпов Р.А. Структурные подразделения милиции в Алтайской губернии (1920-1925 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. № 11. Ч. 2.
11. Отделение архивной информации Информационного центра при ГУ МВД России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 87.
12. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 76.
13. Суверов Е.В. История алтайской милиции (1917-1953 гг.): учеб. пос. Барнаул: БЮИ МВД России. 2013. Ч. 1.
14. Харлов Н.А. Милиция в 20-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 2002.

УДК 342.25(571.1)

К.В. Лен, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В 70-90 ГГ. XIX В. АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Данная статья посвящена анализу различных аспектов взаимодействия губернских администраций сибирского региона с органами городского самоуправления как в период подготовки городской реформы 1870 г., так и в годы ее реализации.

Ключевые слова: городское положение, городская реформа 1870 г., городской голова, городская управа, губернская администрация, магистратуры.

*K.V. Len, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

PROVINCIAL ADMINISTRATION OF WESTERN SIBERIA AND CITY GOVERNMENT IN THE 70-90 YEARS OF THE XIXTH CENTURY. ASPECTS OF INTERACTION AND COOPERATION

This article is devoted to the analysis of various aspects of cooperation of the provincial administrations of the Siberian region with the authorities of the municipal government within the preparation period of urban reform of 1870 and during the years of its implementation.

Key words: city regulations, urban reform of 1870, Mayor, City Council, provincial administration, magistracies.

В исторической науке очень прочно сформировалось представление о тотальном противостоянии интересов городов и государства, о негативном воздействии различных уровней государственной власти на процессы становления, функционирования системы городского представительства, созданной в результате проведения реформы 1870 г.

Специфика взаимоотношений общественных управлений городов Западной Сибири с государственной властью была значительно полней и многогранней, определялась целями и задачами городской реформы 1870 г.

В отличие от крестьянской и земской городской реформа не угрожала сибирской администрации подрывом собственных позиций в регионе. Если в ходе подготовки крестьянской реформы позиция Кабинета вступала в явное противоречие с государственными интересами, а во время подготовки земской реформы огромную роль играли опасения фискального порядка, то при обсуждении проектов городской реформы у

администрации Западной Сибири отсутствовали причины опасаться городской реформы. Здесь необходимы пояснения. Земская реформа 1864 г. в силу неизбежного введения новых сборов могла ослабить небогатое сельское население в удаленных от центра регионах, следовательно, подорвать интересы казны. Расширение сборов и налогов, связанное с проведением городской реформы, предполагало относительное ухудшение жизни только горожан, удельный вес которых был незначительным в составе населения Сибири.

В каком-то смысле реформа 1870 г. облегчила жизнь представителям государственной власти. Создание представительного, общественно-управления, расширение его хозяйственной самостоятельности снимало бремя забот с администрации региона: за плохое состояние благоустройства, освещения, народного образования и здравоохранения. Вместе с тем городская реформа 1870 г. не освобождала города от традиционных расходов на государственные потреб-

ности (полицию, воинский постой, содержание тюрем).

Заинтересованность государственной власти в скорейшем проведении городской реформы привела к тому, что преобразование городского управления осуществлялось с учетом особенностей каждого города (двухразрядная избирательная система, упрощенное управление, предоставление в собственность общественным самоуправлениям городов усадебной земли). Известен случай, когда представители государственной власти даже сознательно шли на нарушение закона только для того, чтобы ускорить сроки проведения реформы. Так, губернатор Томской губернии Родзянко без разрешения МВД, собственной властью разрешил ввести в Каинске и Колывани городскую реформу. Главное управление Западной Сибири в период подготовки реформы 1870 г. сознательно пыталось уменьшить для ряда городов ценз (т.е. показать центру меньшую численность населения) [2, с. 75]. Прежде всего для Тобольска, Тюмени и Омска. В противном случае в Тобольске оказалось бы всего 6 избирателей. Все известные административные лица региона, а среди них томские губернаторы А.Д. Озерский (1857-1864), Г.Г. Лерхе (1864-1866), И.В. Родзянко (1867-1872) и генерал-губернатор Н.Г. Кознаков не являлись принципиальными противниками городской реформы. Во всяком случае, их деятельность была направлена на выполнение распоряжений правительства. А.Д. Озерский, собирая в 1862-1863 гг. материалы «особых комиссий», критиковал городских представителей за непонимание основных идей правительственной программы.

В период правления Г.Г. Лерхе наряду с самодурством, взяточничеством и конфликтом с Томской городской думой не проводились подготовительные работы по возможному введению городской реформы, поэтому нельзя определить, являлся ли он ее сторонником или противником. Н.В. Родзянко, руководя губернией, отвечал на вопросы правительства без каких-либо серьезных расхождений с последним. Возникшие противоречия обуславливались «исключительным положением» самого региона [2, с. 86].

Городская реформа в 1870-1871 гг. охватила 41 губернский и областной центр и 4 портовых города. Она незамедлительно вводилась в городах внутренних русских губерний, Бессарабской области. Вместе с тем реформа вводилась постепенно. Правительству было необходимо учесть все особенности каждого региона империи. Только в 1874 г. вышел закон о распространении

Городового положения на города Закавказского края, в 1875 г. – на города Западных губерний, в 1877 г. – на города Прибалтийских губерний. Городская реформа так и не была введена на территории Средней Азии, Польши и Финляндии. К 1892 г. реформа была осуществлена в 621 из 707 городских населенных пунктов. В большинстве городов страны новое городское управление было введено в первое десятилетие [3, с. 33].

Как известно, земская реформа 1864 г. не была проведена в Сибири в силу целого ряда причин: более слабое экономическое развитие региона в отличие от центра страны, отсутствие дворянского землевладения, крестьянский состав населения, необходимость больших затрат со стороны казны и Кабинета.

После проведения городской реформы функционирование городского самоуправления было невозможным в отрыве от регионального государственного управления.

Внимание государства к проблемам городского самоуправления органично вытекало из системы управления России. Правовед XIX в. Градовский определил статус-кво управления империи как «средство для обеспечения господства данной государственной власти над всеми слоями и элементами народа и поддержания государственного порядка, т.е. определенной формы правления» [2, с. 89].

Юриспруденция рассматривала местное самоуправление в качестве административной единицы, в которой управление осуществляют ее жители, а не органы центральной власти, т.е. как составную часть государственного управления.

В отличие от стран Западной Европы, где административная децентрализация проводилась после завоевания политических свобод, в России создание органов самоуправления предшествовало конституции. Инициаторы как городской, так и земской реформ не рассчитывали на создание «зародыша» конституционного строя, полагая, что органы самоуправления будут функционировать только для удовлетворения местных экономических потребностей. Так, Валуев рассматривал местное самоуправление России как противовес стремлениям к конституции.

Правительственная политика в сфере городского самоуправления включала широкий круг направлений: обеспечение политических интересов самодержавия, контроль деятельности самоуправлений как из центра страны, так и регионов, совместное участие государства и обще-

ственных управлений в решении государственных задач.

Более отчетливо классовая природа политики самодержавия в области городского самоуправления проявлялась в подходе к проблеме представительства и бессловной городской власти. Исключительно из-за политических интересов в Городовом положении присутствовали трехрядная избирательная система, совмещение в должности городского головы функций законодательной и исполнительной власти. Самодержавие исключало возможность создания центрального органа, координирующего работу городских дум в масштабах страны, не шло на включение в состав избирательного корпуса «квартиронанимателей», а с начала 80-х гг. XIX в. предлагало ряд мер, способных изменить соотношение сил в пользу дворян в органах городского самоуправления. Государство, опасаясь политического «фрондирования» городских дум и управ, огромное внимание уделяло персональному составу городских голов. Именно на руководителей городских управлений, согласно закону от 13 июня 1867 г., ложилась ответственность за действия общественных собраний, а утверждение городских голов и их заместителей в должности позволяло правительству влиять на их подбор.

Еще с середины 60-х гг. наблюдалось стремление правительства к усилению губернской власти. Ярким примером служит закон от 22 июля 1866 г., по которому власть губернатора распространялась на все учреждения и ведомства, находившиеся в губернии. Так, губернатору давалось право на общие и внезапные ревизии во всех учреждениях губернии, а также право издавать обязательные постановления, имевшие силу закона.

Вместе с тем генерал-губернатор не мог издавать обязательные постановления, затрагивающие полномочия самоуправлений без участия представительной власти городов.

В ст. 103 Городового положения был перечислен весь список вопросов, по которым думы имели право принимать обязательные постановления. Муниципальное законодательство предусматривало контроль со стороны государства за нормотворчеством дум. Так, проекты постановлений до утверждения должны были сообщаться городской управой начальнику местной полиции, дававшему основное заключение. В том же случае если полиция и дума не находили согласия, то вопрос передавался в губернское по городским делам присутствие. В конечном итоге состоявшиеся постановления сообщались губер-

натору, который и придавал им силу закона. Исторический материал свидетельствует о том, что в большинстве случаев вмешательство представителей государства в нормотворческую практику городских самоуправлений не выходило за рамки закона, даже было оправданным явлением [1, с. 4-9]. Нередко административный прессинг со стороны администрации объяснялся патерналистскими соображениями государства и позитивно отражался на городском развитии. Дело в том, что функционирование городского самоуправления осложнялось низким качеством состава гласных и их безразличием к общественным делам. Вмешательство сибирской администрации было особенно необходимым тогда, когда речь шла о решении чрезвычайных задач, требующих немедленного решения. Практически все известные обязательные постановления городских самоуправлений по соблюдению правил пожаробезопасности, санитарии, борьбы с эпизоотиями являлись инициативой не самоуправлений, а западносибирской администрации. Губернские власти в приказном порядке требовали от городских представительств создания санитарных кордонов против холеры, серьезных предупреждающих мер по борьбе с этой эпидемией. Интересно, что Англия, чья модель местного самоуправления была самой децентрализованной в Европе, хуже всех остальных европейских государств смогла справиться с эпидемией холеры во второй половине XIX в.

Губернские по городским делам присутствия – своеобразный орган надзора за законностью в деятельности городских самоуправлений – не выходили обычно за пределы своих полномочий (автор пока еще не встречал ни одного случая, когда бы решения присутствий базировались не на правовой базе). В спорных вопросах решения губернского по городским делам присутствия были результатом работы профессиональных юристов (губернских прокуроров, председателей губернского суда и казенной палаты).

Деятельность ряда представителей региональной государственной власти объективно способствовала улучшению многих элементов жизни западносибирского города, показывала примеры заинтересованности в решении назревших городских проблем. Так, в 1871 г. генерал-губернатор А.П. Хрущов ходатайствовал перед правительством об избавлении городов Западной Сибири (хотя бы на 5 лет) от наплыва уголовных ссыльных. Благодаря энергии генерал-губернатора Н.Г. Казнакова в 1875 г. удалось продвинуть вопрос о строитель-

стве Сибирского университета. Томский губернатор Родзянко не раз ходатайствовал о наделении городов Алтайского горного округа земель, выгоном, сенокосом. В 1891 г. городское самоуправление Томска поддержало инициативу начальника Томской губернии Тобизена по созданию в городе телефонной сети. Тобольский губернатор А.С. Соллогуб в 1870 г. предоставил в городскую думу Тюмени перечень мероприятий, которые, по его мнению, должны были увеличить доходы города. Его

предложения легли в основу проведения бюджетной политики города. Тобольский губернатор В.А. Лысогорский совместно с городским самоуправлением Тюмени участвовал в строительстве железной дороги Екатеринбург – Тюмень [4, с. 577]. Таким образом, взаимоотношения городских самоуправлений Западной Сибири с государством не следует рассматривать исключительно как противостояние. Гораздо перспективнее оценивать эту проблему и как сотрудничество.

Литература

1. Лен К.В. Городовое положение 1870 г.: аспекты историко-правового компромисса // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6).
2. Лен К.В. Подготовка и проведение городской реформы в Западной Сибири (на материалах Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
3. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984.
4. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты и документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень. 2000.

УДК 351.74

С.П. Шатилов, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ основных направлений взаимодействия правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: милиция, НКВД, охрана общественного порядка, прокуратура, группы охраны порядка.

S.P. Shatilov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

PRINCIPAL AREAS OF COOPERATION AMONG LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Historical and legal analysis of the principal areas of cooperation among law enforcement agencies in the Great Patriotic War is given in the article on the basis of archival materials.

Key words: militia, NKVD, protection of public order, prosecutor's office, security groups.

В годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) советским государственным органам необходимо было эффективно взаимодействовать в процессе реализации правоохранительной функции в основной и вспомогательной деятельности на различных уровнях. Взаимодействие государственных органов стало более важным и значительным фактором, способствующим эффективной реализации правоохранительной функции.

В годы ВОВ активно использовалось несколько основных уровней взаимодействия органов милиции с органами государственной власти в процессе реализации правоохранительной функции, а именно на государственном, региональном и местном уровнях.

Содержательную сторону процесса взаимодействия определяет сочетание его субъектов [2, с. 85]. Участвующих во взаимодействии по реализации правоохранительной функции в годы ВОВ субъектов условно можно подразделить на несколько основных групп:

1. Участники, имеющие государственно-конституционный статус:

а) органы государственной власти, компетенцией которых в большей степени являлось управление, в меньшей – реализация правоохранительной функции: высшие органы государственной власти (Верховный Совет СССР; в силу военного положения – Государственный комитет обороны; Совет Народных Комиссаров СССР); высшие органы государственной власти субъектов СССР (Советы Народных Комиссаров союзных республик; Верховные Советы АССР); местные органы государственной власти (Советы депутатов трудящихся);

б) органы государственной власти, непосредственно занимающиеся реализацией правоохранительной функции: суд; прокуратура; Народный комиссариат внутренних дел; Народный комиссариат юстиции; другие субъекты, наделенные государственно-властными полномочиями, однако не нашедшие прямого закрепления в Конституции СССР 1936 г.;

2. Добровольные объединения граждан (МПВО, ООП и т.д.), как правило, организованные по территориальному принципу. Формирование подобных образований являлось, с одной

стороны, результатом инициативы, самостоятельно проявляемой самим населением, с другой – правоохранительными органами, в частности органами милиции.

С началом войны объем работы, возложенной на сотрудников правоохранительных органов, не уменьшился, а значительно возрос. Обострение криминогенной обстановки в стране потребовало от правоохранительных органов нахождения новых эффективных форм борьбы с преступностью.

Одной из них стали комплексные, массивованные «зачистки» отдельных районов и местностей силами НКВД, милиции, внутренних и конвойных войск, истребительных батальонов, населения, получившие название чекистско-войсковые операции.

Для проведения такого рода мероприятий составлялись весьма подробные планы. В их реализации принимали участие сотрудники органов милиции, внутренних войск НКВД, прокуратуры и т.д. Так, в соответствии с одним из таких планов, утвержденным руководством УНКВД Краснодарского края в марте 1943 г., г. Краснодар был разделен на 5 районов, к операции было привлечено 920 человек, личный состав разбивался на оперативные группы. Каждая группа должна была провести «зачистку» закрепленного за ней участка. Помимо этого, при каждом участке действовал пункт фильтрации. В эти пункты должны были доставляться все задерживаемые, где с ними проводилась последующая работа [5, л. 1]. В результате этой операции было задержано 622 человека [5, л. 2].

В связи с передвижением войсковых соединений Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) к границам СССР германское командование усилило переброску в прифронтовые районы диверсионных групп с целью организации систематических диверсионных актов, парализующих движение армии.

Эффективная борьба с диверсионными группами была возможна только при эффективном взаимодействии всех правоохранительных органов. Органы государственной власти на местах в полной мере осознавали данное обстоятельство, поэтому, отталкиваясь от целесообразности, принимали важные решения, способствующие активизации совместной деятельности правоохранительных органов в данном направлении. Так, 12 января 1943 г. начальник УНКВД по Краснодарскому краю принял директиву, в которой указывалось о необходимости силами милиции и истребительных батальонов систематически проверять все места, где могли найти себе

убежище диверсанты (притоны, лесные караулки, балаганы, отдаленные хутора, брошенные дома и т.д.) [4, л. 10].

Особое распространение в годы войны получило проведение массовых операций по выявлению и изъятию дезорганизаторов работы тыла – дезертиров, диверсантов, лиц, уклоняющихся от воинской службы. В связи с этим по стране стали проводиться массовые облавы в крупных населенных пунктах с использованием значительных сил милиции, войсковых частей, бригад содействия милиции, групп охраны общественного порядка. Особенно тщательно проверялись железнодорожные станции, дома приезжих, домовладения, общежития, бараки, подвальные и чердачные помещения [8, с. 60]. Операции по изъятию дезертиров, лиц, уклоняющихся от воинской службы, шпионов, диверсантов и т.д., как правило, проводились в ночное время.

Однако не всегда массовые мероприятия давали положительные результаты. Например, красноречиво об этом свидетельствуют результаты первых операций в г. Калининграде, проводившихся с 1 по 18 сентября 1942 г. с привлечением бойцов 136-го, 139-го, 145-го и 262-го стрелковых полков 6-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, сотрудников территориальных органов НКВД и милиции. Было организовано сплошное прочесывание местности и осмотр населенных пунктов от передовой линии застав войск НКВД в крайних западных районах неоккупированной части области до ее восточных границ.

В результате операции было задержано 537 человек, в т.ч. дезертиров – 42, бандитов – 2, вражеских ставленников и пособников – 16, подозреваемых в шпионаже и диверсиях – 5, мародеров – 6, числящихся в розыске – 3 и без документов – 460 человек [1, с. 38].

Однако итоги операции, по мнению руководства УНКВД, не достигли желаемых результатов. Причины неудач крылись в самом ее замысле – воинские подразделения не могли тщательно осматривать значительную территорию и заботились только о том, чтобы в срок выйти на заданные рубежи. Анализируя ход операции, руководство УНКВД пришло к выводу, что большинство населенных пунктов, лесных массивов, труднопроходимых мест не осматривалось; предварительная проработка маршрутов, разведка местности не проводилась; бойцы двигались друг за другом и группами по дорогам, не поддерживая тесного взаимодействия с соседними подразделениями. Не было четкой связи между штабом дивизии и УНКВД, командова-

нием полками и местными отделами и отделениями органов внутренних дел. Слабым звеном являлись вопросы планирования, управления силами и средствами, материального снабжения войск [1, с. 39].

В годы войны уголовная преступность тесно переплеталась с бандитизмом, особенно в местностях, освобожденных от гитлеровской оккупации. Основную роль в борьбе с этим видом преступности играл отдел по борьбе с бандитизмом. Данная деятельность отдела по борьбе с бандитизмом строилась в тесном взаимодействии с органами государственной безопасности. Территориальные подразделения УНКВД активно использовали оперативные приемы борьбы с враждебными элементами. Большое внимание уделялось созданию и укреплению негласного аппарата. Об этом свидетельствует, в частности, докладная записка начальника Верхнебаканского райотдела УНКВД по Краснодарскому краю от 20 октября 1943 г. В ней, в частности, говорилось о том, что «на выявление бандитско-дезертирского элемента завербовано два человека... В местах возможного появления бандитско-дезертирского элемента систематически высылаются 2 оперативно-поисковые группы в количестве 4 человек». Группами была проверена лесогорная местность Верхнебаканского района. Кроме того, использовался метод массовых проверок. В частности, такие проверки были проведены сотрудниками Верхнебаканского РО УНКВД в станице Раевская и райцентре Верхнебаканский. Эта работа проводилась с привлечением бойцов истребительных батальонов и военнослужащих местного гарнизона, сотрудников НКВД, милиции. В результате этих проверок было задержано 23 человека, из них проживающих без регистрации – 16 человек, не состоящих на учете военнослужащих – 7 человек [6].

Взаимодействие правоохранительных органов по некоторым направлениям, способствующим реализации правоохранительной функции, осуществлялось менее эффективно. В частности, это относится к розыску лиц, самовольно покинувших место работы или дезертировавших с предприятий военной промышленности, заочно осужденных или скрывавшихся от суда.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. НКВД СССР, НКЮ СССР и прокурор СССР 11 февраля 1942 г. издали приказ, которым устанавливался порядок розыска лиц, дезертировавших с предприятий военной промышленности и скрывавшихся от суда.

Однако установленный совместным приказом порядок розыска давал сбои, число дезертировавших с предприятий военной промышленности росло, поэтому приказом НКВД СССР, НКЮ СССР и прокурора СССР от 10 августа 1942 г. был введен новый порядок розыска [5, л. 16]. Получив материалы, подтверждавшие факт дезертирства рабочего или служащего с предприятия, прокурор выносил постановление о привлечении дезертира к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. и об избрании меры пресечения (арест). Постановление направлялось прокурором в органы милиции для исполнения в части ареста дезертира. После ареста материал возвращался милицией прокурору, а последний направлял его в военный трибунал для рассмотрения дела.

Приказ обязывал органы милиции производить местный розыск с использованием всех имевшихся на предприятии сведений о возможном месте нахождения дезертира, его последнем месте жительства до работы на данном предприятии, месте проживания его родственников, а также путем активных оперативных действий (опрос соседей по квартире, родственников, знакомых по месту работы и т.п.). В случае безрезультатности местного розыска органы милиции представляли прокурору соответствующую справку с указанием в ней всех материалов и адресов, по которым производился розыск, а также оперативных мер, принятых к розыску.

По мнению НКЮ СССР, работа НКВД СССР и особенно органов милиции в этом направлении деятельности была признана неудовлетворительной, что отражено в Справке НКЮ СССР от 7 апреля 1943 г. [7] об исполнении приговоров в отношении лиц, заочно осужденных за самовольный уход с работы. В справке отмечалось, что после издания директивы Главного управления милиции НКВД СССР от 13 февраля 1942 г. об активизации местного розыска и участии представителей местных органов милиции в систематической проверке исполнения приговоров по этим делам совместно с органами НКЮ и судами положение дел не улучшилось. Начальники отделений милиции не осуществляли никакого контроля за состоянием учета и приведением в исполнение приговоров, перепоручая это дело техническим работникам. В своей справке НКЮ СССР отмечал, что проверки, произведенные Наркоматом юстиции во II полугодии 1942 г., и материалы с мест показывали, что исполнение органами милиции приговоров в

отношении лиц, осужденных за самовольный уход с работы, продолжало оставаться крайне неудовлетворительным.

Многие отделения милиции возвращали в народные суды неисполненные приговоры, ссылаясь на то, что осужденные розыском не обнаружены, не подтверждая это никакими документами. Органы милиции при розыске лиц, осужденных к тюремному заключению, ограничивались, как правило, истребованием справок от адресных столов. В целом ряде случаев органы милиции требовали от народных судов, вынесших приговоры, дополнительные сведения об осужденном, не устанавливая эти данные непосредственно в порядке активизации розыска.

Несмотря на принимавшиеся меры, до конца Великой Отечественной войны правоохранительные органы так и не смогли кардинально улучшить ситуацию с розыском осужденных.

Значительное внимание вопросам взаимодействия правоохранительных органов, порой не всегда оправданное, уделяли партийные, городские комитеты обороны. Бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) 4 июля 1943 г. приняло специальное постановление «О состоянии борьбы с бандитизмом в крае», в котором отмечались «своевременные меры в борьбе с бандитизмом как со стороны органов НКВД, милиции, а также оперативных войск НКВД и войск НКВД по охране тыла» [4, л. 134].

В постановлении содержались основные последовательные этапы ликвидации бандформирований. В первую очередь, бюро крайкома обязывало начальника управления НКВД и начальника оперативных войск НКВД в месячный срок «ликвидировать основные очаги бандитизма в Мостовском, Тульском, Майкопском, Кошехабльском, Белореченском, Апшеронском, Упорненском, Спокойненском, Нефтегорском и Удобненском районах». В соответствии с данным постановлением в Майкопе была создана оперативная группа в составе секретаря Адыгейского обкома ВКП(б), заместителя командира дивизии НКВД, заместителя начальника УНКГБ, командира полка и заместителя начальника УНКВД. В течение месяца УНКВД при поддержке УНКГБ предстояло в основном завершить ликвидацию банд. Именно на этот срок в наиболее пораженные бандитизмом районы были направлены 50 оперативных сотрудников, которые должны были осуществлять мероприятия, связанные с ликвидацией банд совместно с эскадроном милиции, а также частями НКВД из других регионов страны [4, л. 54].

23 июня 1941 г. состоялось заседание бюро Ростовского городского комитета ВКП(б), посвященное проблемам, связанным с охраной социалистического порядка и общественной безопасности в Ростове-на-Дону. На заседании были подведены итоги совместной деятельности органов милиции и прокуратуры по проведению в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» обширной подготовительной работы, связанной с ознакомлением всего оперативного состава с создавшейся обстановкой и необходимостью усиления борьбы с преступностью. В качестве положительного момента было отмечено, что в результате совместных действий органы милиции и прокуратуры смогли произвести своевременное развертывание своих сил.

Однако в ходе заседания были отмечены и некоторые недостатки совместной деятельности прокуратуры и милиции. В частности, было указано на то, что органы милиции и прокуратуры не ведут активную деятельность по борьбе со спекуляцией, т.к. не устанавливают источник поступления спекулянтам остродефицитных и нормируемых товаров и не принимают жестких мер по пресечению торговли печеным хлебом, зерном и мукой. В связи с этим на заседании было принято решение об усилении совместных действий прокуратуры и милиции, направленных на борьбу с лицами, занимающимися антисоветской пропагандой и агитацией, грабежами, хулиганством, скупкой и спекуляцией продуктами питания. Расследование и рассмотрение дел об этих преступлениях необходимо было осуществлять в самые короткие сроки. На заседании было решено также возложить обязанность на районных прокуроров, судебные органы, милицию, руководителей предприятий и учреждений по своевременному рассмотрению любых жалоб граждан, причем жалобы семей красноармейцев должны находиться на особом контроле. При проведении проверок по жалобам необходимо было выявлять лиц, нарушающих социалистическую законность, и принимать к ним самые решительные меры по всей строгости военного времени.

Кроме того, в ходе заседания было отмечено, что обеспечивать сохранность социалистической собственности должны не только правоохранительные органы, но и руководители торгующих организаций и промышленных предприятий, т.к. из-за недостаточного контроля с их стороны продовольственные и промышленные товары из торговой сети путем хищения попадают в руки спекулянтов.

На основе всестороннего изучения архивных материалов мы пришли к выводу о том, что в годы войны имели место следующие главные направления взаимодействия правоохранительных органов:

– при совместном планировании их деятельности и распределении сил и средств с целью эффективной реализации правоохранительной функции;

– при проведении совместных мероприятий, направленных на реализацию правоохранительной функции;

– в ходе деятельности, связанной с профилактикой или другой работой, проводимой сотрудниками правоохранительных органов и сотрудниками иных государственных органов.

В годы Великой Отечественной войны взаимодействие правоохранительных органов прояв-

лялось во многих сферах общественной жизни, при этом не во всех сферах одинаково. В основном результат был положительный, но поскольку выработать общую стратегию по генеральным направлениям деятельности в годы войны было трудно, а порой и невозможно, иногда взаимодействие между субъектами было малоэффективным. Причинами тому были: во-первых, нормативно не урегулированная деятельность координирующих структур, работа которых зачастую ограничивалась совместными заседаниями и принятием ничего не значащих в юридическом плане документов; во-вторых, деятельность участников взаимодействия осуществлялась под полным контролем партийных или высших органов государственной власти, которые не знали специфики правоохранительной деятельности.

Литература

1. Демин В.А. Правоохранительная функция СССР в период Великой Отечественной войны: учеб. пос. Барнаул, 2005.
2. Лен К.В. Городские самоуправления и полиция: аспекты взаимодействия во второй половине XIX века // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1 (26).
3. Специальный фонд Информационного центра ГУВД Краснодарского края (СФИЦ ГУВД КК). Ф. 21. Д. 1.
4. СФИЦ ГУВД КК. Ф. 21. Д. 2.
5. СФИЦ ГУВД КК. Ф. 21. Д. 3.
6. СФИЦ ГУВД КК. Ф. 21. Д. 4. Л. 15.
7. СФИЦ ГУВД КК. Ф. 21. Д. 258. Л. 2.
8. Чуянов А.С. Сталинградский дневник. Волгоград, 1968.

УДК 341.34:331.102.325

А.А. Юнусов, доктор юрид. наук, профессор

Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина;

С.Д. Гуриц

адъюнкт Академии права и управления ФСИН России

e-mail: sergeyurits@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ

В статье авторы рассматривают нормы международного гуманитарного законодательства в области регламентирования труда военнопленных и примеры использования труда военнопленных на территории России во время различных военных конфликтов XIX-XX вв. В статье приведены разные точки зрения о трудовом использовании военнопленных.

Ключевые слова: военнопленный, трудовая занятость, спецгоспиталь, Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, Великая Отечественная война.

A.A. Yunusov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Chelyabinsk Institute of Economics and Law named after M.V. Ladoshin;

S.D. Gurits

a postgraduate student of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

e-mail: sergeyurits@mail.ru

LEGAL GROUNDS FOR THE USE OF PRISONER LABOR

In the article the authors examine the rules of international humanitarian law in the field of regulation of prisoner labour and examples of the use of prisoner labor in Russia during various military conflicts of the XIX-XX centuries. The article presents different points of view on labour use of prisoners.

Key words: prisoner, labor employment, special hospital, Patriotic War of 1812, the First World War, the Great Patriotic War.

Любой вооруженный конфликт – двусторонний или многосторонний, гражданская война или региональный конфликт с использованием сил частной военной кампании – несет за собой такое явление, как удержание военнопленного более или менее длительное время. Возможность привлечения к труду военнопленного исходит из необходимости его содержания. Для привлечения военнопленного к труду установлены жесткие нормативные правила, касающиеся ограничений медицинского характера, офицерского статуса, безопасности места работы, сама трудовая деятельность должна иметь исключительно пацифистский характер.

Рассмотрим использование труда военнопленных на примере вооруженных конфликтов с участием России как в период действия норм международного гуманитарного

права (далее – МГП), так и до начала их применения.

Проблема привлечения военнопленных к трудовой занятости в системе международного гуманитарного права является одной из наиболее значимых в механизме обращения с военнопленными. Трудовая эксплуатация военнопленного заключается в системе принудительного труда. Принудительный труд выступает объектом охраны международного права. В международных конвенциях по военнопленным не запрещалось привлечение неофицерского состава военнопленных к трудовой занятости, не связанной с военными действиями и посильной для военнопленного физически. За работу военнопленный должен получать вознаграждение, если это не связано с благоустройством.

Среди причин трудового использования военнопленных в вооруженных конфликтах с уча-

ствием России в XIX-XX вв. можно выделить следующие:

1. Необходимость привлечения специалиста-военнопленного. Самыми востребованными в данной категории специалистов являлись врачи и медобслуживающий персонал. Кроме врачей необходимы были военнопленные-коллаборационисты, проходившие специальную подготовку, ученые-конструкторы, имевшие особый статус, промышленные рабочие и даже сельхоззаготовители; однако целью привлечения к труду последних прежде всего была восстановительная функция.

Врачи и медперсонал в составе иностранного контингента военнопленных всегда обладали особым статусом. В период Отечественной войны 1812 г. С.К. Вязмитинов, министр полиции (данное ведомство имело доминирующую роль в исполнении обязанностей по регламентации обращения с военнопленными), в своем предписании от 1 апреля 1813 г. распорядился направить военнопленных лекарей в войска и госпитали с тем, чтобы они за свои труды получали жалование [1, с. 18].

Группы специалистов-военнопленных стали целенаправленным объектом поиска в период Великой Отечественной войны. В результате был проведен специальный учет военнопленных, по которому выявлено: докторов физико-математических наук – 2; докторов физики и химии – 2; профессоров физики и химии – 10; докторов и инженеров химии – 91; химиков – 39; инженеров-электриков – 139 и т.д., всего 581 специалист [11, с. 653-654].

Отдельной узкой категорией специалистов являлась охрана из числа военнопленных. Среди преимуществ такой охраны можно выделить следующее: не надо было искать охранников из числа вооруженных лиц русской армии, охранники-военнопленные владели национальным языком, конфликтов с охраной из числа военнопленных было меньше. Так, В.В. Познахирев приводит случаи установления на основании решения Сената круговой поруки среди военнопленных турецкой армии из офицерского состава периода русско-турецкого конфликта в конце XVIII в. [9, с. 23].

Охранники-военнопленные широко привлекались и советским руководством [5, с. 544]. Военнопленным, используемым на работе во вспомогательных командах для охраны, денежное вознаграждение выплачивалось в размере 50 руб. в месяц [8, с. 638].

В качестве еще одной причины эксплуатации военнопленных можно назвать необходи-

мость работы по благоустройству или хозяйственной работы. Военное ведомство не имело обязательств нанимать обслуживающий персонал для уборки и благоустройства мест нахождения военнопленных, поэтому данный вид работы исполнялся военнопленными. Хозяйственные работы рассматривались обязательными и не являлись оплачиваемыми как на основании внутрисоветских актов, так и на основании конвенций по обращению с военнопленными 1907 и 1929 гг. Положение о военнопленных 1914 г. только один раз упоминает характеристику хозяйственных работ. Команды военнопленных при войсках относительно общего благоустройства и внутреннего порядка содержались на тех же основаниях, что и местные части [3].

Категория военнопленных, привлекаемых на постоянной основе к работам по благоустройству в период Великой Отечественной войны, называлась хозобслуга. На более чем 30 тыс. военнопленных приходилось 2,5 тыс. хозобслуги [7, с. 438-439]. В качестве хозобслуги могли привлекаться только военнопленные 3-й категории трудовой годности, т.е. совсем не пригодные к физическому труду на производстве.

Труд военнопленных использовался также для восстановления разрушений, вызванных вооруженным конфликтом. Кроме того, военнопленные трудились и на промышленных объектах. Впервые в практике обращения с военнопленными возник вопрос о возможности и необходимости государственного привлечения военнопленных к труду в период Отечественной войны 1812 г. Для решения проблемы уменьшения затрат на военнопленных Комитет министров представил императору предложение, получившее высочайшее утверждение, в котором предписывалось для сокращения казенных издержек использовать военнопленных в различных сферах хозяйства и для государственных нужд [1, с. 18].

На основании ст. 59 Положения о военнопленных 1914 г. порядок привлечения военнопленных к работам казенным и общественным устанавливается по соглашению Военного Министерства с подлежащими ведомствами.

Та же последовательность соблюдалась и в период Великой Отечественной войны. На основании приказа НКВД следовало направить 2 100 000 военнопленных для трудового использования. Комплектование военнопленными строек и предприятий наркоматов необходимо было производить по мере готовности их к приему и раз-

мещению [10, с. 615]. Таким образом, система привлечения к трудовой деятельности исходила из юрисдикции как правоохранительных органов государства, так и промышленных министерств.

Стоит отметить и тот факт, что военнопленные к труду привлекались и по принципу добровольности. В период Отечественной войны 1812 г. привлечение было от безысходности пустоты казны, военнопленных масштабно привлекали к труду, но у них была альтернатива – перейти в подданство Российской Империи и работать за зарплату либо остаться военнопленным и принудительно работать на восстановление Москвы и других городов [1, с. 18].

В период Первой мировой войны привлечение к труду основывалось на согласии военнопленного. Но это правило применялось только в отношении военнопленных славянского происхождения, военнопленные немцы привлекались на работы принудительно [2]. Регламентировало привлечение к труду Положение о военнопленных 1914 г., которое основывалось на Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны».

В период Великой Отечественной войны труд военнопленных был принудительным и рассматривался обязательным для всех категорий военнопленных рядового и младшего начсостава [8, с. 635].

Таким образом, мы рассмотрели основания для привлечения военнопленных к труду и выявили взаимосвязь признаков принудительного труда в любой представленный вооруженный конфликт как XIX в., так и XX вв. Привлечение военнопленных к трудоиспользованию основывалось на правительственных актах. В период Первой мировой войны некоторые категории военнопленных могли добровольно привлекаться к труду.

Система привлечения военнопленных к трудовой занятости основывалась на возможности исполнения норм содержания военнопленных. В разгар коренного перелома в Великой Отечественной войне число военнопленных в кратчайшие сроки было доведено до миллионного

эквивалента. Нормы довольствия, как денежного, так и имущественного, зависели не только от госснабжения, но и расторопности начальников учреждений. В свою очередь, начальники учреждений имели в своем распоряжении только военнопленных. Выходом из ситуации с выполнением норм довольствия военнопленных стало привлечение максимального количества военнопленных к труду, в т.ч. и находившихся в оздоровительных лагерях и спецгоспиталях.

В ответ на возможность содержания колоссального количества людей руководство НКВД издает акт «О размещении и трудовом использовании военнопленных» [6, с. 652]. Для военнопленных создавалась система лагерей, в т.ч. лечебно-профилактические учреждения. Организация размещения военнопленных напоминала систему исправительно-трудовых лагерей для заключенных. Но она не имела общей взаимосвязи, была разделена по управлениям, хотя и находилась под общим руководством НКВД.

Исходя из представленных материалов, необходимо сделать следующий вывод. Нормы МГП допускают использование труда военнопленного, но с оговоркой на разделение по группам допуска к труду. Труд военнопленных использовался в каждом военном конфликте, при этом чем сильнее была конфронтация между сторонами, тем в больших масштабах происходила эксплуатация военнопленных. Труд не носил сам по себе меру наказания, он являлся необходимостью: для благоустройства мест пребывания военнопленных, для использования труда высокопрофессиональных специалистов-военнопленных и восстановления нанесенного ущерба в период вооруженного конфликта.

Привлечение военнопленных к труду в любой вооруженный конфликт с участием России не было связано с грубым нарушением прав человека, не носило характера геноцида, было основано на нормах МГП. Возможно, что это послужило причиной сохранения многих жизней и здоровья военнопленных.

Литература

1. Бессонов В.А. Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск: Терра, 2000.
2. Валитов А.А., Сулимов В.С. Труд военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. Т. 5.
3. Высочайше утвержденное Положение о военнопленных: указ Императора от 7.10.1914. URL: <http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1684> (дата обращения: 03.08.14).
4. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2248. Оп. 6. Ед. хр. 234. Л. 14.

5. Инструкция НКВД СССР о порядке охраны военнопленных, занятых на работах вне лагеря от 24 марта 1942 г. // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

6. НКВД СССР. Приказ № 002597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных от 28.11.1942» // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

7. О заболелаемости и смертности в лагерях МВД и спецгоспиталях МВД и Минздрава СССР для военнопленных за третью декаду марта 1948 г. Справка заместителя начальника 1 управления ГУПВИ НКВД СССР М.Я. Зетилова от 7 апреля 1948 г. // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

8. О трудовом использовании военнопленных. Положение НКВД СССР от 29 сентября 1945 г. // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

9. Познахирев В.В. Организационно-правовые меры предупреждения Побегов из плена в России в XVIII – начале XX века (на примере турецких военнопленных) // История государства и права. 2012. № 24.

10. Приказ НКВД СССР № 00698 о мероприятиях по выполнению постановления ГОКО № 8921сс от 4 июня 1945 г. от 15 июня 1945 г. // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

11. Справка А.З. Кобулова на имя Л.П. Берии о количестве немецких ученых и специалистов, выявленных в лагерях НКВД для военнопленных // Военнопленные в СССР 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 342.731

О.М. Гайдукова, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: gaidukova_om@mail.ru

ПРАВО НА РЕЛИГИОЗНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируется понятие «религиозная безопасность» как составляющая национальной безопасности и рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования понятия. Автор статьи подвергает анализу нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность религиозных организаций. В статье сделан акцент на необходимость взаимодействия государства и религиозных организаций в рамках социального партнерства.

Ключевые слова: религиозная безопасность, деструктивная религиозная организация, секта, межконфессиональное взаимодействие.

O.M. Gaidukova, Ph.D. (Candidate of Pedagogical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: gaidukova_om@mail.ru

RIGHT TO RELIGIOUS SECURITY AND SOME FEATURES OF ITS LEGAL REGULATION

The article analyzes the concept of «religious security» as a component of national security and discusses some aspects of legal regulation of the concept. The author of the article analyzes the normative-legal acts regulating the activities of religious organizations. The article focuses on the need for interaction between the state and religious organizations in the framework of social partnership.

Key words: religious safety, destructive religious organization, sect, interfaith interaction.

В Российской Федерации в сфере межконфессионального взаимодействия с конца XX в. особое место занимают разного рода деструктивные явления. В связи с этим вопрос о религиозной безопасности, выступающей частью национальной безопасности в целом, играет важную роль.

Отдельные положения, которыми регулируются вопросы религиозной безопасности можно встретить в ряде нормативных актов: Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об обще-

ственных объединениях», Федеральном законе от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», но они не регламентируют деятельность религиозных образований, носящих деструктивный или тоталитарный характер.

В Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

до 2020 года» не упоминается такое понятие, как религиозная безопасность [6].

Однако эта сфера общественной жизни не менее важна, чем все остальные. «Под религиозной безопасностью России мы понимаем состояние защищенности национальных интересов в религиозной сфере, определяющее развитие государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога. Национальные интересы России в религиозной сфере заключаются в соблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина в области удовлетворения религиозных потребностей, в поддержании баланса интересов личности и государства и религиозных объединений во всех сферах жизни общества, обеспечении мирного сосуществования различных религий, конфессий и их последователей на одной территории, в нейтрализации причин и условий возникновения и развития конфликтов на религиозной почве, в противодействии негативному влиянию объединений тоталитарной, деструктивной и оккультной направленности и минимизации последствий их деятельности» [2, с. 134].

Необходимо отметить, что часто встречающееся по отношению к деструктивным религиозным организациям понятие «секта» не имеет четкого правового определения. Есть противники выделения секты как деструктивной организации, которые считают, что недопустимо такое разграничение религиозных организаций с позиции недопущения оскорбления чувств верующих [3, с. 84]. Однако с позиции общественности этот термин несет однозначно негативную смысловую нагрузку.

Государство не должно оставаться равнодушным к процессам, происходящим в религиозной жизни, поэтому эта часть жизни общества, безусловно, должна быть подвергнута регулированию. В этой связи право на свободу совести может быть подвергнуто ограничению из соображений религиозной безопасности, но в том и смысл нормативного регулирования, чтобы эти противоречия свести к минимуму.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения "Христианская церковь прославления"» сказано, что государство вправе предусмотреть преграды целью недо-

пущения легализации сект, нарушающих права человека и воспрепятствовать их деятельности, которая сопровождается несоблюдением конституционных прав и неправомерным воздействием на людей [7]. По сути, в постановлении дано определение секты, исходя из целей ее деятельности.

В целом понятие секта широко используется органами государственной власти.

Министерство образования и науки Российской Федерации в своем письме от 12 июля 2000 г. № 549/28-16 просит информировать руководителей и педагогический состав образовательных учреждений и разработать комплекс мер, препятствующих проникновению нетрадиционных религиозных объединений в образовательную сферу [4].

Законодательная власть в тексте Обращения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 декабря 1996 г. «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи России», принятого постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 декабря 1996 года № 918-11, использует выражение «деструктивные религиозные организации». При этом они отграничиваются от «традиционных культуuroобразующих религий» следующим образом: «Людей, принадлежащих к одной из мировых религий, объединяет общее понимание нравственных ценностей и принципов, а adeptов новых деструктивных религиозных организаций – более всего авторитет «учителя» [5].

В религиоведении под сектой понимается тип религиозной организации, оппозиционной традиционно господствующему вероучению, и выделяются ее специфические характеристики [8, с. 755].

Среди конституционалистов предпринимались попытки дать определение секте. Заслуживает внимания определение, данное М.Л. Воронковой: «Секта – это религиозное объединение, деятельность которого направлена на психологическую дестабилизацию сознания своих последователей с целью их безусловного подчинения, физической и материальной эксплуатации, разрушения общественных и семейных связей, разрыва с общепринятыми нормами (этическими, научными, гражданскими, общеобразовательными), совершения противоправных деяний путем мошенничества, навязчивой пропаганды своего вероисповедания, психологического и физического воздействия, применения психо-

тропных, наркотических и иных веществ» [1, с. 112].

Термин «секта» широко употребляется, в т.ч. и органами государственной власти, однако до сих пор он не получил правовой регламентации и закрепления.

Как показывает опыт, помимо законодательных способов борьбы, против сект эффективно бороться может и гражданское общество, используя свои механизмы воздействия на них.

За причинение вреда психическому, физическому здоровью граждан, личным и имущественным отношениям должна быть установлена ответственность религиозных организаций. Организация должна нести ответственность за деятельность по формированию антиобщественных, зачастую антигуманных установок в сознании граждан, из-за которых человек становится способен на противоправные действия.

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрены нормы (ст. 282 и ст. 239 УК РФ), направленные против деятельности сект, но они не работают, т.к. для расследования подобных дел необходимо проведение множества психологических экспертиз, без них же факт свершения этих преступлений недоказуем.

Интересен в этой связи закон Франции от 30 мая 2001 г. «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека». В статье 1 закона указано, что может быть вынесено решение о ликвидации юридического лица независимо от его формы, если его деятельность направлена на создание, поддержание и использование психологической или физической зависимости лиц, принимающих участие в этой деятельности. Если решение вынесено против юридического лица или его руководителей, уголовное наказание последует за одно из следующих нарушений:

1. Покушение, умышленное или неумышленное, на жизнь, физическую или психическую целостность человека, подвержение опасности человека, покушение на его свободы, достоинство, подвержение опасности несовершеннолетних и покушение на собственность.

2. Нелегальная медицинская или фармацевтическая практика.

3. Ложная реклама, мошенничество, фальсификация.

Поддержка или восстановление в какой бы то ни было форме ликвидированного юридического лица, в соответствии с положениями настоящей статьи, является правонарушением.

Этот опыт Французской Республики можно использовать в нашей стране, т.к. Франция так-

же идет по пути формирования светского государства. Предусмотренные во французском законодательстве жесткие нормы составляют сущность отношения государства к сектам.

Еще в 1996 г. законодатели пытались урегулировать деятельность сект и в Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту России от 15 декабря 1996 г. предложили «считать религиозную безопасность российского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической, социальной». Среди мер по обеспечению религиозной безопасности указана профилактика вовлечения населения в деструктивные религиозные организации путем законодательного ограничения или запрещения их деятельности в связи с опасностью нанесения ими вреда здоровью граждан. На основе этого обращения был разработан законопроект о концепции религиозной безопасности российского общества, однако реализован он не был.

Элементами гражданского общества, которое, как уже упоминалось выше, является одним из средств противодействия сектам, выступают правозащитные организации, общественные организации, фонды помощи жертвам сектантских учений, которые могут оказать существенную поддержку противодействию деятельности сект.

Другой вид противодействия сектам – это внутренние суды в системе церковных организаций. Многие секты возникают из традиционных религий в результате раскола, с появлением недовольных общим состоянием организации. В связи с этим могут возникать псевдорелигиозные образования, которые, прикрываясь официальной идеологией церкви, проповедывают иные, подчас опасные для человека и общества, идеи. На этой почве возможно эффективное сотрудничество светских органов власти церкви. Церковь ведет работу с людьми, пострадавшими от воздействия сект, собирает информацию о существующих сектах, выявляет способы и методы их работы. Накопленный в этой области опыт религиозных организаций может быть включен в правовую основу взаимодействия церкви и светской власти. Тем более что существуют специальные государственные органы, которые занимаются борьбой с подобными явлениями, в частности Национальный антитеррористический комитет, специальные подразделения в органах внутренних дел по борьбе с экстремизмом и терроризмом, которые также занимаются сбором информации о деструктивных сектах и организациях. Они и могут в этом во-

просе объединить усилия с церковными организациями.

Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (ст. 11) предусматривает возможность проведения религиозно-экспертной экспертизы как одной из гарантий на религиозную безопасность. В законе нет четкого определения религиозно-экспертной экспертизы, но, по сути, она представляет собой сведения о религиозной организации, которые позволяют дать ответы на необходимые социально значимые вопросы.

Большинство религиозных организаций, деятельность которых носит деструктивный характер, действуют нелегально. В законе «О свободе совести и религиозных объединениях» указано, что религиозная организация имеет право уведомить о своей деятельности, но если организация занимается противозаконной деятельностью, то это должно быть ее обязанностью.

Также в целях получения людьми религиозного образования необходимо окончательно решить вопрос о включении религиозно-экспертных дисциплин в учебный план общеобразовательной школы. Люди попадают в секты не только из-за нахождения в сложной жизненной ситуации, а во многом и по невежеству, незнанию содержания деятельности этих организаций.

Необходимо, по мнению ряда исследователей, подвергнуть более детальному правовому

регулированию миссионерскую деятельность религиозных организаций. Лица, выступающие от имени организации, могут своим поведением ее дискредитировать; кроме того, необходимо пресекать противозаконную деятельность незарегистрированных религиозных организаций.

На региональном уровне приняты законы, регулирующие миссионерскую деятельность в Белгородской, Тульской, Смоленской областях, Республике Северная Осетия и в ряде других регионов Российской Федерации.

Таким образом, анализ законодательства показывает, что в нем недостаточно отражено взаимодействие государства и религиозных организаций в рамках социального партнерства. В недостаточной мере урегулирован вопрос об обеспечении светскости системы образования и воспитания. Нормы права не раскрывают светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных организациях, поэтому необходимо внести изменения в законодательство, закрепляющее светскость образования. Серьезной работы требует и законодательство о религиозной безопасности.

В целом же все изменения должны сохранить права и свободы личности. Личность человека, его интересы должны выступать ориентиром при организации взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций.

Литература

1. Воронкова С.А. Конституционные основы светского государства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Мещерякова Н.Ф. Светское государство в современной России: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2009.
3. Муру Р., Со А. Правовое определение понятия «секта» // *Власть*. 2013. № 4.
4. Об информации о деятельности на территории России представителей нетрадиционных религиозных объединений: письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 июля 2000 г. № 549/28-16 // *Официальные документы в образовании*. 2000. № 16.
5. Об обращении к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи России: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 декабря 1996 г. № 918-11 // *СЗ РФ*. 1997. № 1. Ст. 52.
6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // *СЗ РФ*. 2009. № 20. Ст. 2444.
7. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь прославления»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. // *Рос. газ*. 1999. 16 дек.
8. Религия: энциклопедия // сост. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. Мн., 2007.

УДК 341.322.5:341.231.14

И.И. Котляров, доктор юрид. наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: ikotlyarov@mail.ru;

Ю.В. Пузырева, канд. юрид. наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: yuliya_dugina@mail.ru

КРИЗИС НА УКРАИНЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Статья посвящена краткому анализу событий, происходящих на Украине с ноября 2013 г. по настоящее время, с целью определения причин и динамики развития событий, которые привели к развязыванию вооруженных действий, сопровождающихся совершением военных преступлений и грубыми нарушениями прав человека со стороны вооруженных подразделений Украины. Авторы прогнозируют перспективы формирования специализированных органов международной юстиции с целями восстановления справедливости и наказания лиц, виновных в совершении преступлений на юго-востоке Украины.

Ключевые слова: Украина, гражданская война, вооруженный конфликт, права человека, трибунал по Украине.

I.I. Kotlyarov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Y. Kikot
e-mail: ikotlyarov@mail.ru;

Yu.V. Puzyreva, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot
e-mail: yuliya_dugina@mail.ru

UKRAINE CRISIS: PAST, PRESENT AND FUTURE

The article is devoted to a brief analysis of the events taking place in Ukraine from November 2013 to the present day with the objective to determine the causes and dynamics of the events that led to the outbreak of hostilities involving war crimes and outrage of human rights by the armed units of Ukraine. The authors predict the prospects of forming specialized organs of international justice with the goals of restorative justice and punishment of persons guilty of committing crimes in the south-eastern Ukraine.

Key words: Ukraine, civil war, hostility, human rights, Tribunal for Ukraine.

Практика международных отношений последних лет свидетельствует о том, что международному сообществу не всегда удается убедить мир от вооруженных столкновений, как внутренних, так и международных. За последнее десятилетие их интенсивность увеличилась в значительное количество раз (Афганистан, Ирак, Египет, Ливия, Сирия, Йемен и др.). И кто бы мог подумать, что на европейской территории также может вспыхнуть гражданская война, затронувшая соседнюю с нами Украину и задевшая наши жизненно важные интересы.

Волнения на Украине начались после того, как президент В. Янукович в ноябре 2013 г. объявил о замораживании идеи евроассоциации. Такой поворот во внешней политике Киева вызвал бурю негодования в стане оппозиции, массовое протестное движение, названное Евромайданом, распространилось по всей стране. В начале января 2014 г. оно вылилось в столкновения вооруженных радикалов с органами правопорядка. Результатом уличных схваток, в ходе которых оппозиция неоднократно применяла огнестрельное оружие и «коктей-

ли Молотова», стали десятки человеческих жертв.

22 февраля 2014 г., несмотря на то, что накануне В. Янукович и лидеры оппозиции подписали соглашение об урегулировании кризиса в Украине, Верховная рада, поддерживаемая радикальными силами, а также зарубежными наемниками, грубо нарушив нормы международного права, насильственным путем захватила власть. Законный президент Украины вынужден был покинуть свою страну.

После ночных зверств в Одессе 2 мая 2014 г. жители на Юго-Востоке страны пришли к выводу, что война идет не между какими-то непонятными группировками, которые не могут поделить власть; война идет с народом, который не желает принять «национал-фашистскую» идеологию.

На усмирение Юго-Востока Украины так называемые киевские власти бросили вооруженные силы – Нацгвардию, состоящую из бандитов «Правого сектора», подразделений внутренних войск Украины. Туда же «на заработки» направились бойцы зарубежных частных охранных компаний и иностранные наемники. Мирные жители Донбасса и других областей были вынуждены взяться за оружие и организовать народное ополчение с целью защиты государственного суверенитета и независимости Донецкой и Луганской народных республик, провозглашенных после проведенного референдума 11 мая 2014 г.¹

Надежды на обещанное П. Порошенко мирное урегулирование ситуации на Юге-Востоке, объявленное им еще до выборов, а также озвученное позже в инаугурационной речи президента Украины, не оправдались. Хуже того, военные действия армейских подразделений против жителей еще более ужесточились. Военные столкновения, разрушения, смерть, гуманитарная катастрофа длились до сентября 2014 г., когда при поддержке ОБСЕ в Минске была организована встреча трехсторонней контактной группы по урегулированию ситуации на Укра-

¹Несмотря на то, что референдум проходил в условиях обстрела бомбардировочной авиацией и пушечно-гаубичных ударов армейскими частями Украины городов, поселков и селений Донбасса, результаты народного голосования превзошли все ожидания. Результаты референдума показывают, что практически 90% жителей Донецка и Луганска проголосовали за автономную Донецкую Народную Республику и отсоединение от Украины. МИД РФ: референдумы в Донецке и Луганске показывают настрой граждан // Официальный сайт «РИА новости». URL: <http://ria.ru/world/20140512/1007519878.html> (дата обращения: 12.03.2015).

ине. Итогом встречи явилось заключение так называемого «Соглашения о перемирии»². После этих событий интенсивность боевых действий снизилась, однако на отдельных направлениях столкновения и обстрелы продолжались с различной степенью интенсивности. По заявлению Верховного комиссара ООН по правам человека З.Р. Хусейна, после подписания протокола продолжались вспышки боевых действий и обстрелы, которые приводили к гибели в среднем 13 человек в день в течение первых восьми недель с момента объявления о прекращении огня [7].

Окончательно режим прекращения огня, установленный 5 сентября 2014 г., был нарушен в январе 2015 г., когда развернулись ожесточенные бои за контроль над аэропортом «Донецк», удерживаемый украинскими силовиками. Динамика развития отношений в негативном ключе заставила лидеров ЕС, России, Украины и самопровозглашенных республик вновь встретиться в Минске и сесть за стол переговоров. Итогом такой встречи в феврале 2015 г. явился комплекс мер по выполнению Минских соглашений, согласованный на саммите в Минске 11-12 февраля 2015 г. лидерами Германии, Франции, Украины, России в формате «нормандской четверки» и подписанный контактной группой, состоящей из представителей России, Украины, отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины с целью деэскалации вооруженного конфликта на востоке Украины [9]. Договоренности выполняются, но также с переменным успехом. Поэтому говорить об окончательной стабилизации ситуации на Украине преждевременно.

Анализируя ситуацию на Украине, являющуюся предметом изучения в данной статье, следует отметить, что на всем протяжении конфликта киевские власти и до, и после выборов ныне действующего президента грубо нарушали и продолжают нарушать международные дого-

² Протокол по итогам консультаций Трёхсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина. Со стороны России протокол подписал полномочный посол РФ на Украине Михаил Зурабов, со стороны Украины – бывший президент Леонид Кучма, который имел мандат от руководства страны, со стороны ОБСЕ – швейцарский дипломат Хайди Тальявини. После подписания документа режим прекращения огня вступил в силу в тот же день с 18:00 по местному времени, т.е. 5 сентября 2014 г. Оригинальный текст протокола размещен на официальном сайте ОБСЕ. См.: Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству. URL: <http://www.osce.org/ru/home/123807?download=true> (дата обращения: 12.03.2015).

воры, действующие как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, участником которых является Украина.

Прежде всего речь идет об уважении принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе ООН (п. 2 ст. 1)¹, а также о ст. 1 Международных пактов о правах человека 1966 г. (в дальнейшем Пакты²), в которых отмечается, что «...все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». О праве народов на самоопределение говорится и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [4, т. 1, с. 71].

На Украине грубо попираются нормы о правах человека: систематически нарушается Пакт об экономических, социальных и культурных правах, гарантирующий: право на справедливые и благоприятные условия труда (ст. 7); справедливую заработную плату (ст. 7); право на социальное обеспечение (ст. 9); право на защиту семьи, детей (ст. 10); свободу от голода (ст. 11); право на образование (ст. 13), а также Международный пакт о гражданских и политических правах, гарантирующий: право на жизнь (ст. 6); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9) и др. права [1, 2].

Именно грубые нарушения прав человека явились причиной массовых протестов населения и дестабилизации обстановки на Юго-Востоке и в других областях Украины. Вместо проведения мирного диалога с населением о путях выхода из кризиса и разрешения ряда гуманитарных проблем жителей Донбасса киевские власти продолжают военную карательную операцию против сторонников независимости.

Кроме того, Украина в период военных действий на Юго-Востоке грубо нарушает государственный суверенитет и территориальную целостность России, что выразилось в нападении 14 июня 2014 г. на дипломатическое представи-

тельство Российской Федерации в Киеве³ в нарушение Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и в попытке нападения «Правым сектором» на консульство России в Одессе; вооруженные силы Украины бесцеремонно пересекали и обстреливали российскую границу, территория России неоднократно подвергалась артиллерийским ударам. Так, например, 28 июня 2014 г. украинские силовики обстреляли пункт пропуска «Гуково» в Ростовской области. Серьезные разрушения получило помещение таможенного поста. Снаряды попали также в близлежащие населенные пункты на территории России. В связи с этим МИД России заявил решительный протест украинской стороне и потребовал тщательно расследовать случившееся⁴.

С точки зрения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, сложившееся военное противостояние на Украине можно охарактеризовать как вооруженный конфликт немеждународного характера, в котором одной стороной являются вооруженные силы Украины, поддерживаемые неформальными вооруженными группами «Правый сектор» и частными вооруженными охранными компаниями (ЧВОК), не имеющими лицензии правительства Украины на участие в военных действиях в составе вооруженных сил. На стороне вооруженных сил Украины воюют также иностранные наемники, использование которых само по себе является военным преступлением⁵.

³ Данный инцидент Российской Федерацией расценивается как «грубейшее нарушение международных обязательств Украины». См. подробнее: Заявление МИД России по ситуации вокруг Посольства России в Киеве // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/BE0640EF4CC54AF844257CF700673414 (дата обращения: 17.03.2015).

⁴ В нем говорится, что российская сторона заявляет решительный протест в связи с подобными провокациями украинской стороны, которые грубо нарушают основополагающие принципы международного права. Следственный комитет России по данному факту возбудил уголовное дело по статье «Покушение на убийство двух или более лиц, совершенное группой лиц общеопасным способом». См. подробнее: Москва потребовала от Киева наказать виновных в обстреле российского пограничного пункта // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/383147> (дата обращения: 18.03.2015).

⁵ Так, в ст. 2 Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. отмечается, что «любое лицо, которое вербует, использует, финансирует или обучает наемников... совершает преступление...», а в п. 1 ст. 3 дается квалификация действий самого наемника: «Наемник..., который непосред-

¹ В этом пункте определена одна из целей ООН – «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов». См.: Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2006. С. 5.

² Имеются в виду Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [4, т. 2, с. 11-39].

Другой стороной вооруженного конфликта является вооруженное ополчение Донбасса, которое, находясь под ответственным командованием, осуществляет такой контроль над частью территории Украины, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять нормы международного гуманитарного права, что соответствует ст. 1 Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. То есть народное ополчение Донбасса соответствует всем признакам воюющей стороны по международному гуманитарному праву [5].

Однако власти Украины, не желая вести гражданскую войну по правилам, т.е. в соответствии с международным гуманитарным правом, и признавать народное ополчение законной воюющей стороной, дискредитируют ополченцев, называя их «сепаратистами», «террористами», что противоречит, например, закону Украины от 20 марта 2003 г. № 638-IV «О борьбе с терроризмом» [6]. В соответствии с этим законом «терроризм – общественно опасная деятельность, заключающаяся в сознательном, целенаправленном применении насилия путем захвата заложников, поджогов, убийств, пыток, запугивания населения и органов власти или совершения других посягательств» и др. Представляется, что ничего подобного ополченцы Донбасса не совершают. Причем в преамбуле названного закона подчеркивается, что «Положения настоящего Закона не могут быть применены в качестве основания для преследования граждан, которые, действуя в пределах закона, выступают в защиту своих конституционных прав и свобод» (выделено авт.).

Таким образом, согласно анализируемому закону Украины деятельность народного ополчения никак не вкладывается в понятие «террористическая», что позволяет заключить, что кризис на Украине – это вооруженный конфликт немеждународного характера.

Вооруженные формирования Украины, вопреки принципам международного гуманитарного права о защите жертв войны, защите гражданских объектов в период вооруженных конфликтов [10, с. 89-110], ограничения воюющих в выборе методов и средств ведения войны, уничтожают мирное население и гражданские объ-

---

ственно участвует в военных или совместных насильственных действиях, в зависимости от обстоятельств, совершает преступление...» [4, т. 2, с. 179].

екты Донбасса, чем грубо нарушаются принятые Украиной обязательства, закрепленные в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., и Протокол II к ним 1977 г., а также Наставление для командного состава Вооруженных Сил Украины (Порядник для командного состава Збройних Сил України [11, с. 17-23, 45-46, 58-59, 61-62]). Эти нарушения выражаются в применении таких запрещенных методов, как нанесение ударов по гражданскому населению, отдельным гражданским лицам, включая детей, женщин, стариков, больных, раненых, по гражданским объектам Донецка, Славянска, Краматорска, Константиновки, Горловки, Луганска, Лисичанска и других городов Юго-Востока. Такие нападения причиняют огромные жертвы и разрушения, становятся причинами общественных бедствий (в частности, голода) среди гражданского населения; наблюдается терроризирование гражданского населения, вызванное применением (особенно в ночное время) таких боевых средств, как бомбардировочная авиация, танки, тяжелая артиллерия (пушки, гаубицы), система залпового огня «Град» и другие злодеяния.

Силловые структуры Украины (формальные и неформальные) вопреки нормам международного гуманитарного права и Наставлению для командного состава вооруженных сил Украины проявляют жестокость в отношении мирного населения Донбасса посредством использования таких запрещенных средств ведения войны, как зажигательное оружие против гражданского населения и гражданских объектов [8]; касетные боеприпасы, химическое оружие¹.

Использование названных запрещенных методов и средств ведения войны, применяемых вооруженными силами на Украине вопреки действующим международным обязательствам, являются серьезными нарушениями норм международного гуманитарного права и квалифицируются как военные преступления (ст. 85 п. 5 Дополнительного протокола I 1977 г.). Такие действия караются и Уголов-

---

¹ 30 июня 2014 г. поступила информация о том, что украинские силовики вновь применяют химическое оружие в окрестностях Славянска, сообщает корреспондент The Moscow Post со ссылкой на местные СМИ. Российский МИД уже выступил с резкой критикой действий украинских военных. Украинские силовики вновь использовали химическое оружие? // Общероссийский общественно-политическая электронная газета «The Moscow Post». URL: http://www.moscow-post.com/in_world/ukrainskie_siloviki_vnov_ispolzovanie_oruzhie (дата обращения: 13.03.2015).

ным кодексом Украины (с изменениями от 19.06.2014), в соответствии с которым «применение средств ведения войны, запрещенных международным правом, другие нарушения законов и обычаев войны... наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет». Те же деяния, если они «объединены с умышленным убийством, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы» (ст. 438).

Массовые нарушения прав человека киевскими властями, подчиненными им вооруженными силами и незаконными вооруженными формированиями, каждодневное и систематическое совершение ими международных преступлений, влекущих гибель мирных жителей¹ и разрушение гражданских объектов, **спровоцировали большой поток беженцев из украинских городов, находящихся в районе ведения военных действий.** По заявлению Министра иностранных дел России, на Юго-Востоке Украины происходит реальная гуманитарная катастрофа: «Гуманитарная катастрофа налицо. Кто оказывается в России, рассказывает, как страдают женщины, старики, дети. Просили Киев доставить гуманитарную помощь – ответили, все ваше продовольствие и медикаменты отправьте в Крым. Думаю, не нужно объяснять, как это цинично. Будем формулировать конкретные предложения сформировать гуманитарную миссию для Юго-Востока Украины. Больше закрывать глаза на гуманитарный характер потребностей было бы преступно» [12].

В связи с этим неизбежно встает вопрос об ответственности органов власти в лице должностных лиц Украины за совершенные преступления. То, что необходимость в этом уже настала, является бесспорным. По заявлениям Международной организации по защите прав человека Amnesty International, которая обвинила Украину в военных преступлениях, киевские власти должны провести тщательное расследование преступлений против человечно-

сти и военных преступлений с целью привлечения виновных к ответственности.

В развитие этих идей появились уже первые предложения. Так, в феврале этого года член Совета Федерации Российской Федерации от Крыма О. Ковитиди явилась инициатором проработки вопроса, связанного с обращением Российской Федерации в ООН с инициативой создать Международный трибунал по убийствам мирного населения в Донбассе; по ее мнению, «...если мировое сообщество признает наличие военного конфликта и направит на Украину миротворцев, то оно также должно признать и массовые убийства населения» [3]. В данном вопросе также собрана обширная доказательственная база и со стороны Российской Федерации, и со стороны различных международных правозащитных организаций, а также со стороны местных жителей Юго-Востока Украины, протоколирующих и документирующих все улики совершения вооруженными силами Украины военных преступлений и преступлений против человечности. Все остальное – это вопрос времени.

Таким образом, если прошлое и настоящее украинского кризиса общеизвестны и определены, то обозримое будущее с правовой точки зрения остается под вопросом. Если все действия настоящих властей Украины и заинтересованных в урегулировании конфликта сторон (Европейский Союз, Россия) приведут к действительной стабилизации в регионе, то незамедлительно встанет вопрос об ответственности за все губительные последствия, которые принесла война юго-восточной территории страны. То, как и каким образом будет реализовываться институт ответственности, в рамках национального правового поля или международного (или нейтрального), будет зависеть исключительно от политической поддержки Украины со стороны прозападных «партнеров».

Вместе с тем, представляется, оставить украинский конфликт без правовых итогов – значит простить правящему режиму и органам власти умышленно совершенные преступления; значит легализовать их действия с точки зрения международного и национального права и дать возможность другим властям считать такой прецедент как возможность уйти от ответственности, если конфликт когда-то коснется и их государственной территории.

¹ По данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов на сентябрь 2014 г. более 3,1 тыс. человек погибло в результате боевых действий с начала конфликта на Донбассе. «По крайней мере 3171 погибли (в том числе не менее 27 детей) и 8061 получили ранения (в том числе не менее 56 детей) в восточной Украине по состоянию на 11 сентября», – говорится в отчете названного Управления. Также в отчете идет речь о 262,9 тыс. внутренних переселенцев и 366,8 тыс. бежавших в соседние страны [13].

Литература

1. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014). URL: <http://ukraina.ru/whitebook/20140710/1010914344.html>.
2. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (апрель – середина июня 2014). URL: <http://ukraina.ru/whitebook/20140710/1010914344.html>.
3. В Совете Федерации призывают ООН создать международный трибунал по Украине // Официальный сайт РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20150220/1048710370.html> (дата обращения: 14.03.2015).
4. Действующее международное право: в 3 т. / сост. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. М., 1997.
5. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Вооруженный конфликт в Украине и международное право // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.
6. О борьбе с терроризмом: закон Украины от 20 марта 2003 г. (в ред. законов Украины от 31.05.2005 № 2600-IV, от 15.12.2005 № 3200-IV, 14.04.2009 № 1254-VI, от 16.02.2010 № 1900-VI, 18.05.2010 № 2258-VI, 07.10.2010 № 2592-VI, 21.04.2011 № 3266-VI, 16.10.2012 № 5461-VI, 20.11.2012 № 5502-VI, 04.07.2013 № 406-VII, 13.03.2014 № 877-VII) // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16885 (дата обращения: 13.03. 2015).
7. ООН: жертвами конфликта в Донбассе стали 4300 человек // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/11/141120_un_ukraine_human_rights_report (дата обращения: 14.03.2015).
8. Ополчение: силовики обстреляли Славянск зажигательными бомбами. МИД РФ обвинил Киев в применении запрещенного оружия // NEWSru.com. URL: <http://ria.ru/world/20140519/1008457553.html> (дата обращения: 12.03.2015).
9. Переговоры в Нормандском формате // Сайт Президента Российской Федерации. 12.02.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47664> (дата обращения: 12.03.2015).
10. Пузырева Ю.В. Историко-правовые аспекты становления и развития принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 2012. № 1.
11. Право війни. Порадник для командного складу Збройних Сил України. Міністерство оборони України. Тасіс, 1998.
12. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1855805> (дата обращения: 10.03. 2015).
13. URL: <http://news.meta.ua/cluster:38520776-Kolichestvo-zhertv-konflikta-na-Donbasse-prevysilo-3-tysiachi-chelovek---OON> (дата обращения: 13.03. 2015).

УДК 341.38

А.А. Степанченко

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: arturmid@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются различные международно-правовые аспекты установления правопорядка в постконфликтных государствах.

Ключевые слова: постконфликтные государства, миростроительство, установление правопорядка, международное право, международное сотрудничество.

A.A. Stepanchenko

*a postgraduate student of Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot*

e-mail: arturmid@mail.ru

SOME INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF POST-CONFLICT PEACEBUILDING

Various international legal aspects of establishment of legal order in post-conflict states are considered in the article.

Key words: post-conflict states, peacebuilding, establishing of the legal order, international law, international cooperation.

Трагические события двадцатого века, связанные с международными и внутренними вооруженными конфликтами, сопровождались многочисленными серьезными нарушениями норм международного гуманитарного права, совершением бесчеловечных преступлений и злодеяний, потрясших мировое сообщество. К сожалению, и в настоящее время нередко встречаются примеры совершения тягчайших преступлений, несущих угрозу всеобщему миру, безопасности и благополучию человечества. Актуальным примером здесь является внутригосударственный вооруженный конфликт в Украине, вследствие которого возникли опасения в отношении эскалации и возврата к наблюдавшейся в прошлом поляризации мира [10]. Имеются и другие примеры угроз: конфликты в Сирийской Арабской Республике, Центральноафриканской Республике и Южном Судане [6].

При этом в своем послании Федеральному Собранию РФ президент России В.В. Путин отмечал: «Мировое развитие становится всё более противоречивым и более динамичным. В этих условиях возрастает историческая ответствен-

ность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы. В том числе в международных отношениях» [12]. В этой связи необходимо отметить, что в настоящее время в мире имеется множество очагов нестабильности, связанных как с продолжающимися вооруженными конфликтами, так и в местах, где конфликты уже прекращены и требуется активное международное сотрудничество для установления правопорядка в соответствующих государствах.

В целях миростроительства и установления правопорядка на постконфликтных территориях Российская Федерация сотрудничает как непосредственно с государствами, пострадавшими в результате конфликтов, так и с третьими странами и различными международными организациями регионального и универсального характера. Например, как отражено в концепции внешней политики Российской Федерации, продолжающийся кризис в Афганистане и предстоящий вывод из этой страны международных военных

контингентов несут серьезную угрозу безопасности России и других государств – участников Содружества Независимых Государств. В этой связи Российская Федерация во взаимодействии с Афганистаном, другими заинтересованными государствами, Организацией Объединенных Наций (далее ООН), Содружеством Независимых Государств, Организацией Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организацией сотрудничества и иными многосторонними институтами, в т.ч. в рамках проектов по линии Россия – НАТО (Организация Североатлантического договора), будет прилагать последовательные усилия в целях достижения прочного и справедливого политического урегулирования проблем этой страны при уважении прав и интересов всех населяющих ее этнических групп, постконфликтного восстановления Афганистана в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой [9].

Как справедливо отмечает Р.С. Галиев, общие интересы и общие возможности государств, соотнесенные с интересами мирового сообщества в целом, обуславливают выработку совместных подходов к решению вопросов соблюдения норм международного права и обеспечения безопасности [2, с. 18].

Установление прочного мира в странах, истерзанных войной, является одной из самых трудных задач в области поддержания глобального мира и безопасности. Миростроительство требует устойчивой международной поддержки национальных усилий по всем направлениям: наблюдение за режимом прекращения огня; демобилизация и реинтеграция участников боевых действий; содействие в возвращении беженцев и перемещенных лиц; помощь в организации выборов и наблюдении за выборами нового правительства; поддержка реформ в судебной системе и в области безопасности; укрепление механизмов защиты прав человека и содействие примирению после пережитых злодеяний [15].

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе в 2004 г. Совету Безопасности ООН, посвященном господству права и правосудию переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах, определил, что понятие «правосудие переходного периода» охватывает весь комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчетность, справедливость и примирение». Также в докладе было отражено

такое понятие, как «господство права», под которым понимается принцип управления, в соответствии с которым все лица учреждения и структуры, государственные и частные, в т.ч. само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами, и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека [7]. В этой связи необходимо заметить, что такие понятия, как правосудие переходного периода и господство права, необходимы для понимания сущности механизмов установления правопорядка в постконфликтных государствах, связанных с различными процессами.

Установление правопорядка в постконфликтных государствах также связано как с судебными, так и с несудебными процессами и механизмами: выяснение истины, инициативы по судебному преследованию, программы возмещения вреда, институциональная реформа или соответствующее их сочетание. Вместе с тем усилия должны быть направлены на более комплексное преодоление коренных причин конфликтов и связанных с ними нарушений всех прав, включая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права [16].

Кроме того, важным направлением установления правопорядка в постконфликтных государствах является привлечение к ответственности лиц, совершивших бесчеловечные преступления. При этом особо актуальными являются проблемные аспекты сотрудничества международных уголовных судов с органами национального правосудия, вопросы деятельности смешанных трибуналов, а также взаимосвязь правосудия и процессов примирения [3].

Таким образом, после окончания вооруженных конфликтов возникает масса международно-правовых проблем, связанных с установлением правопорядка в соответствующих государствах. В то же время некоторые ученые высказывают озабоченность тем, «что концепция постконфликтного миростроительства является идеологизированной и преследует цель создания постлиберальных обществ, зависимых от Западной Европы и США» [11].

Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности ООН, а также Управление Верховного комиссара ООН по правам человека уделяют большое внимание вопросам, связанным с установлением правопорядка в постконфликтных государствах [13]. При этом эффективное осу-

ществование правосудия считается не только важным условием мирного урегулирования и неотъемлемым компонентом постконфликтного строительства, но и важным элементом усилий по предотвращению угроз международному миру и безопасности [1]. Необходимо отметить и то, что наше государство, как известно, стояло у истоков международной уголовной юстиции, будучи одним из учредителей Международного военного трибунала и Международного трибунала для Дальнего Востока.

Установление правопорядка в постконфликтных государствах является сложнейшей задачей в связи с общей нестабильностью, разрушенной инфраструктурой, истощенными ресурсами, психологически травмированным населением. При этом в процессе решения данной задачи также приходится иметь дело с зависимостью судебных органов, отсутствием политической воли у органов власти к проведению реформ, ограниченностью финансовых и материальных ресурсов, недоверием населения к органам власти [7].

В качестве нормативной основы для установления правопорядка в постконфликтных государствах первоочередное место занимает Устав Организации Объединенных Наций, т.к. в числе главных целей данной международной организации являются поддержание международного мира и безопасности, осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам [14]. Большое значение имеют здесь и международные стандарты в области прав человека, отраженные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и т.д. Кроме этого, нормативную основу составляют нормы международного уголовного права, международного гуманитарного права, международные договоры, затрагивающие права беженцев.

В деле установления правопорядка в постконфликтных государствах огромное значение имеет миротворческая деятельность ООН. При этом необходимо отметить, что не все миротворческие операции имеют задачи по вопросам правосудия в постконфликтных государствах [7].

На уровне центральных учреждений ООН поддержка процессов установления правопорядка в постконфликтных государствах содержит: оценку потребностей, планирование миссий,

подбор и обустройство на местах персонала миссий, обеспечение руководства, оказывается также поддержка по отдельным направлениям деятельности миссий, как правило, связанных с обеспечением господства права. На практике работа в данной области ведется, в частности, по таким направлениям, как укрепление национальных правоохранительных органов и органов правосудия, при необходимости оказывается помощь в реформировании системы правосудия на национальном уровне, осуществляется подготовка докладов о работе системы правосудия, подготовка кадров, предоставляются консультации. При этом оказывается помощь соответствующим структурам в отборе кандидатов для работы в правоохранительных, надзорных и судебных органах, в разработке законодательных актов, в развитии институтов защиты в уголовном судопроизводстве и оказании правовой поддержки [7].

Важным направлением деятельности миротворческих миссий является решение проблем, связанных с серьезными нарушениями прав человека в прошлом, которое включает в себя создание трибуналов, разработку механизмов по установлению истины, примирению сторон и справедливой компенсации в пользу жертвам.

Учитывая проблемы, связанные с установлением правопорядка в постконфликтных государствах, на Всемирном саммите ООН 2005 г. было принято решение о создании в рамках данной организации межправительственного консультативного органа – Комиссии по миростроительству. Целями создания Комиссии по миростроительству явились необходимость скоординированного, последовательного и комплексного подхода к постконфликтному миростроительству и примирению в целях достижения устойчивого мира, а также необходимость специального организационного механизма для удовлетворения особых потребностей стран, которые переходят от конфликта к восстановлению, реинтеграции и реконструкции. Все это еще раз подчеркивает признание государствами центральной роли ООН в данной области [8].

Согласно п. 98 Итогового документа Всемирного саммита ООН 2005 г. основная задача Комиссии по миростроительству заключается в том, чтобы объединить усилия всех заинтересованных сторон в целях мобилизации ресурсов, а также предоставить консультации и внести предложения относительно комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления. Комиссия должна уделять ос-

новное внимание усилиям по реконструкции и организационному строительству, которые необходимы для восстановления после конфликта, а также поддержке разработки комплексных стратегий для закладывания основ устойчивого развития. Кроме того, она должна давать рекомендации и информацию в целях улучшения координации деятельности всех соответствующих сторон в рамках и вне ООН, разрабатывать наилучшую практику, содействовать обеспечению предсказуемого финансирования начальной деятельности по восстановлению и добиваться того, чтобы международное сообщество продолжало уделять внимание в течение периода постконфликтного восстановления. Комиссия должна действовать во всех вопросах на основе консенсуса ее членов. В последующем помимо указанной Комиссии были также созданы Фонд миростроительства и Управление по поддержке миростроительства.

В докладе Генерального секретаря Совету Безопасности ООН от 08.10.2012 «О миростроительстве в постконфликтный период» был определен ряд новых приоритетных направлений, была особо отмечена важность всеохватности, институционального строительства и устойчивой международной поддержки [4].

О сложном характере задач, стоящих перед Комиссией по миростроительству, Фондом миростроительства и Управлением по поддержке миростроительства свидетельствуют провалы, произошедшие в 2012 г. в ряде стран, в частности в Гвинее-Бисау и Центральноафриканской Республике. В то же время имеются и примеры успешной деятельности данных органов по упрочению мира. Это оказание политической и финансовой поддержки выборам в Сьерра-Леоне, финансирование процесса выхода в отставку военнослужащих в Гвинее, содействие созыву конференции партнеров Бурунди и оказание поддержки в создании в Либерии первого центра правосудия и безопасности. Средства Фонда миростроительства были использованы также в Кыргызстане, Непале, Нигере, Йемене, Сомали [7]. В качестве других примеров положительных достижений за последнее время

можно привести деятельность миссий ООН в таких государствах, как Мали, Демократическая Республика Конго, Гаити [6].

Вместе с тем миростроительство по-прежнему является непредсказуемым видом деятельности, поскольку постоянно существует опасность возобновления конфликта, как об этом свидетельствуют повторная вспышка насильственных конфликтов в Центральноафриканской Республике и Южном Судане, а также политическая напряженность в Гвинее и проблемы с восстановлением конституционного порядка в Гвинее-Бисау [7].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы, что механизмы установления правопорядка в постконфликтных государствах имеют сложный и многоаспектный характер. При этом международное сотрудничество государств в данной сфере не сводится лишь к миротворческой деятельности, а требует всего комплекса мероприятий по постконфликтному установлению правопорядка. Это касается и правосудия переходного периода, и обеспечения господства права, проведения мероприятий по демобилизации и реинтеграции, финансировании демократических избирательных процедур, восстановления доверия населения к органам власти и правосудия, помощь и консультации экспертов в законотворческой деятельности, а также в целом налаживание стабильной жизнедеятельности в соответствующих государствах на основании норм и принципов международного права. Без выполнения соответствующих мероприятий, набор которых варьируется в каждом конкретном случае, невозможно достичь прочного и долгосрочного мира в соответствующих государствах. В этих целях необходима интенсификация международного сотрудничества в данной сфере, продолжение активного участия Российской Федерации как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности в установлении правопорядка в постконфликтных государствах, при соответствующем признании центральной роли Организации Объединенных Наций.

Литература

1. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И.Чуркина на тематической дискуссии в Генеральной Ассамблее ООН по теме «Роль международного уголовного правосудия в примирении» от 10.04.2013 // URL: http://russiaun.ru/ru/news/ga_tribunal (дата обращения: 02.12.2014).

2. Галиев Р.С. К вопросу о юридической природе обязанности государств сотрудничать в борьбе с морским пиратством // Вестник Алтайской академии экономики и права. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2014. Вып. 6 (38).

3. Грицаев С.А. Теоретические аспекты правосудия по Римскому статуту Международного уголовного суда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности ООН: документ ООН A/67/499–S/2012/746 от 08.10.2012 // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/538/36/PDF/N1253836.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.12.2014).
5. Доклад Генерального секретаря о работе ООН: документ ООН A/68/1 от 19.08.2013 // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/404/33/PDF/N1340433.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.12.2014).
6. Доклад Генерального секретаря о работе Организации: документ ООН A/69/1 от 21.07.2014 // URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/6471185.08815765.html> (дата обращения: 02.12.2014).
7. Доклад Генерального секретаря ООН: документ ООН S/2004/616 от 23.08.2004 // URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 01.12.2014).
8. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. Принят резолюцией 60/1 ГА ООН от 16.09.2005 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005 (дата обращения: 01.12.2014).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Гражданская война в Украине: международное право и уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений // Московский журнал международного права. 2014. № 4.
11. Мелькин А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2013.
12. Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 01.12.2014).
13. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Генеральная Ассамблея ООН: документ A/HRC/12/18 // URL: <http://www.un.org/ru/rights/issues/office.shtml> (дата обращения: 02.12.2014).
14. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Экономический и социальный совет ООН. Миростроительство и постконфликтное восстановление // URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/about/peacebuilding.shtml> (дата обращения: 02.12.2014).
16. Arbour L. Economic and social justice for societies in transition // New York University Journal of International Law and Politics. 2007. Vol. 40. № 1.

Административное право и административный процесс

УДК 351.745:340.114.6

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: grischakow@buimvd.ru;

Ю.А. Прибытко, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: y.aleks@list.ru

ДОСМОТР КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРИМЕНЯЕМАЯ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

В статье рассмотрен порядок проведения участковым уполномоченным полиции досмотра, являющегося мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, проанализированы взгляды ученых-административистов относительно дефиниции досмотра, предложено внесение дополнений в действующее административное законодательство.

Ключевые слова: личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, применение видеозаписи, понятие, протокол досмотра, отказ от подписания протокола.

A.G. Grishakov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

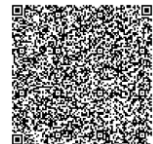
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: grischakow@buimvd.ru;

Ju.A. Pribytko, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: y.aleks@list.ru

SEARCH AS A MEASURE OF MAINTENANCE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS APPLICABLE BY PRECINCT POLICE COMMISSIONERS

The article describes the procedure of search by precinct police commissioners, which is a measure of maintenance of administrative proceedings, it analyzes the scientists' views regarding the definition of inspection, proposes amendments to the existing administrative legislation.

Key words: personal search, examination of things, held by a person, use of video recordings, witnesses, search protocol, refusal to sign the protocol.

Участковому уполномоченному полиции для выполнения возложенных на него обязанностей действующим законодательством предоставлено право производить в установленном порядке

личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, а также досмотр транспортного средства. Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих основания и по-

рядок применения досмотра, позволяет сделать вывод о том, что одно и то же действие, проводимое участковым уполномоченным полиции, имеет разное название. В юридической литературе существуют различные точки зрения по поводу определения понятия «досмотр», отчетливо не определена его правовая природа.

По утверждению Ю.П. Соловья, на первый взгляд досмотр – это тот же обыск, только проводимый в административно-правовом, а не в уголовно-процессуальном порядке. На самом деле эти два действия характеризуются более глубокими, имеющими существенное юридическое значение различиями. Досмотр преследует более узкую, чем обыск, цель, которая состоит не в том, чтобы что-то «найти», а в том, чтобы всего лишь «проверить», т.е. убедиться в отсутствии чего-либо [7, с. 270].

Б.В. Россинский указывает, что под досмотром вещей, находящихся при физическом лице, следует понимать обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, а под личным досмотром – принудительное обследование тела человека и его одежды для обнаружения и изъятия документов, вещей и других предметов, явившихся орудием или непосредственным объектом правонарушения, а также установления их личности [2, с. 651-652].

Отдельные авторы отмечают, что личный досмотр – это принудительная мера, применяемая к гражданину (лицу без гражданства) должностным лицом органа внутренних дел (иного правомочного органа) одного пола с досматриваемым и в присутствии понятых того же пола, в отдельном помещении, в отсутствие посторонних лиц, которая заключается в обследовании одежды, находящейся на досматриваемом лице, тела досматриваемого лица, а также в обследовании его одежды отдельно без нарушения ее конструктивной целостности в целях обнаружения орудий совершения или предметов административного правонарушения [5, с. 17].

Необходимость проведения личного досмотра и досмотра вещей определяется, прежде всего, признаками совершенного (совершаемого) правонарушения, послужившего поводом к возбуждению дела об административном правонарушении [4, с. 344], и имеет важное процессуальное значение с возможными серьезными правовыми последствиями, т.к. сопряжено с фактическим нарушением конституционных прав и свобод граждан [3, с. 133].

В связи с этим при производстве личного досмотра и досмотра вещей должны соблюдаться

гарантии законности, т.к. применение названных мер связано с ограничением конституционных прав граждан на личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ) и права владения, пользования и распоряжения имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) [1, с. 108].

В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым лицом, в присутствии двух понятых того же пола. При этом должны быть обеспечены безопасность и здоровье, личное достоинство, сохранность полученных сведений, касающихся личности досматриваемого лица.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [6] были внесены дополнения в ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ.

В новой редакции абзац 2 указанной части предусматривает, что досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ручной клади, багажа, орудий охоты и рыболовства, добытой продукции и иных предметов), осуществляется уполномоченными на то должностными лицами в присутствии двух понятых **либо с применением видеозаписи** (выделено авт.). О личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании (ч. 6 ст. 27.7 КоАП РФ).

Следует также отметить, что по окончании личного досмотра или досмотра вещей, находящихся при физическом лице, участковый уполномоченный полиции обязан под роспись ознакомить с содержанием составленного протокола лицо, в отношении которого был осуществлен досмотр. При этом, как справедливо заметил А.С. Дугенец, физическое лицо имеет право делать замечания по оформлению протокола, внесения необходимых замечаний и дополнений, а также отказа от подписания протокола, что должно быть подтверждено соответствующей записью должностного лица и, **желательно** (выделено авт.), подписями понятых [3, с. 134].

Нельзя не согласиться с высказанным предложением о необходимости законодательного закрепления подтверждения понятиями факта отказа от подписания протокола личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, лицом, в отношении которого были применены указанные меры административного принуждения, т.к. зачастую лицо, совершившее административное правонарушение, при рассмотрении материалов дела использует указанную нормативную неурегулированность в свою пользу.

К примеру, лицо, в отношении которого было возбуждено дело об административном правонарушении, при составлении в отношении него протокола личного досмотра отказался от его подписания, а в дальнейшем при рассмотрении материалов данного дела заявил, что участковый уполномоченный полиции составил указанный протокол в его отсутствие или намеренно не ознакомил с его содержанием.

Большинство участковых уполномоченных полиции считают, что в случае отказа лица, совершившего административное правонаруше-

ние, от подписания протокола о личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, необходимо подтверждать данный факт не только подписью должностного лица, составившего протокол, но и подписями понятых, если они участвовали при указанных процессуальных действиях.

На основании изложенного, полагаем, что в абзац 2 ч. 8 ст. 27.7 КоАП РФ «В случае отказа лица, в отношении которого ведется производство по делу, владельца вещей, подвергнутых досмотру, от подписания протокола в нем делается соответствующая запись», следует внести дополнение следующего содержания: «...которая подтверждается подписями понятых, в случае их участия». На наш взгляд, предложенное дополнение рассматриваемой административно-правовой нормы позволит устранить нередко возникающие вопросы, связанные с процессуальным порядком составления материалов об административных правонарушениях и их дальнейшим рассмотрением по существу, а также обеспечит защиту прав и законных интересов граждан.

Литература

1. Бабошин В.В., Крапивин А.Ю. Особенности административной деятельности органов внутренних дел: учеб. пос. Домодедово: ВИПК МВД России, 2005.
2. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005.
3. Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
4. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
5. Сафонова Л.С. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
6. Собрание законодательства РФ. 2014. № 42. Ст. 5615.
7. Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД РФ, 1993.

УДК 340.114.6:343.234.8

А.В. Мягков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

С.Ю. Анохина, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Практика показывает, что осуществление сотрудниками органов внутренних дел (полиции) производства по делам об административных правонарушениях сопряжено с рядом трудностей правового и организационного характера. В тесной связи с проблемой квалификации административных правонарушений находятся и проблемы назначения административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений. В работе авторами раскрываются особенности назначения административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, КоАП РФ, правила назначения наказаний.

A.V. Myagkov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

S.Yu. Anokhina, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

REVISITING THE PECULIARITIES OF IMPOSITION OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT FOR COMMITTING SEVERAL ADMINISTRATIVE OFFENCES

Practice shows that the legal proceedings on administrative violations of Internal Affairs Agencies' (police) staff have difficult legal and organizational nature. Problems of imposition of administrative penalties for committing several administrative offences are in close connection with the problem of qualification of administrative offences. The authors describe the characteristics of imposition of administrative punishment for committing several administrative offences in this article.

Key words: administrative offence, administrative liability, Administrative Offences Code of the Russian Federation, rules of imposition.

Органы внутренних дел (полиция) относятся к числу субъектов, активно реализующих законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях. В связи с этим деятельность сотрудников полиции при применении норм КоАП РФ должна быть основана на неукоснительном соблюдении принципа законности при применении мер административного принуждения за совершение административного правонарушения.

Однако анализ административно-юрисдикционной деятельности полиции показывает, что в тесной связи с проблемой квалификации правонарушений находятся и проблемы, связан-

ные с назначением административных наказаний. Особое внимание следует обращать на случаи составления протокола об административных правонарушениях сразу по нескольким составам административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ. В этой связи фактически игнорируются все правила разграничения административных правонарушений по квалифицирующим признакам. Аналогичная ошибка повторяется и при вынесении постановления по делу, при этом не представляется возможным определить, какие именно противоправные действия (бездействие) составляют объективную сторону того или иного правона-

рушения, что впоследствии является основанием для отмены решения органа административной юрисдикции при его обжаловании в суде.

В правоприменительной практике часто имеют место случаи, когда физическое или юридическое лицо совершает два и более административных правонарушения, за которые ему должно быть назначено административное наказание.

Совершение одним и тем же лицом двух и более административных правонарушений характеризуется в научной сфере понятием «множественность административных правонарушений» или «совокупность правонарушений».

Совокупность правонарушений характеризуется следующими обстоятельствами:

- лицом совершены два или более административных правонарушения, по каждому из которых не истекли сроки давности привлечения к административной ответственности, а также ни за одно из которых не налагалось административное наказание;

- административные правонарушения могли быть совершены как одновременно в результате одного действия (бездействия), так и в разное время;

- каждое из совершенных правонарушений квалифицируется по отдельной статье (части статьи) нормативного акта, предусматривающего административную ответственность [4, с. 649].

В отличие от уголовного законодательства в законодательстве об административных правонарушениях не предусматривается возможность сложения наказаний, назначенных за совершение нескольких правонарушений. Административное наказание назначается за каждое правонарушение в отдельности.

Общие правила назначения административных наказаний в случае совокупности правонарушений определены в ст. 4.4 КоАП РФ и сводятся к следующему: во-первых, если лицо совершило два и более административных правонарушения, административное наказание назначается за каждое совершенное правонарушение (ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ); во-вторых, если лицо совершило одно действие (бездействие), содержащее составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статей) КоАП РФ и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, органу, должностному лицу, административное наказание назначается в пределах санкции, предусматривающей назначение лицу, совершившему ука-

занное действие (бездействие), более строгого административного наказания (ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ); в-третьих, в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, административное наказание назначается: в пределах санкции, не предусматривающей назначение административного наказания в виде предупреждения, если одной из указанных санкций предусматривается назначение административного наказания в виде предупреждения; в пределах санкции, при применении которой может быть назначен наибольший административный штраф в денежном выражении, если указанными санкциями предусматривается назначение административного наказания в виде административного штрафа; в-четвертых, при назначении административного наказания в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 4.4 КоАП РФ могут быть назначены дополнительные административные наказания, предусмотренные каждой из соответствующих санкций.

Таким образом, в ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ по существу определяется правило назначения административных наказаний в случае реальной совокупности административных правонарушений, а в ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ в случае идеальной совокупности административных правонарушений. Именно такое толкование приведенных норм КоАП РФ дается и в научно-практической литературе по административному праву. При этом под реальной совокупностью административных правонарушений ученые-административисты понимают совершение двух или более административных правонарушений, а под идеальной совокупностью – совершение одного действия (бездействия), содержащего составы различных административных правонарушений, ни за одно из которых лицо не подвергалось административному наказанию [1, с. 320-321; 2].

Согласно ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ в случае реальной совокупности административных правонарушений административное наказание назначается за каждое совершенное правонарушение. При этом не допускается возможности поглощения менее строгого наказания более строгим и частичного сложения назначенных наказаний даже в том случае, когда дела обо всех административных правонарушениях, образующих реальную совокупность, одновременно рассматриваются одним и тем же судьей, органом или должностным лицом.

В соответствии с ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ при идеальной совокупности административных правонарушений административное наказание за их совершение назначается путем поглощения

менее строгого наказания более строгим в пределах санкции, предусматривающей назначение более строгого административного наказания. Однако данное правило действует только в том случае, когда дела об административных правонарушениях, образующих идеальную совокупность, рассматриваются одним и тем же судьей, органом или должностным лицом. При этом в случае идеальной совокупности административных правонарушений не предусматривается возможность частичного или полного сложения назначенных за их совершение наказаний.

Осуществив анализ проблемы практического применения предусмотренных ст. 4.4 КоАП РФ правил назначения административных наказаний при наличии нескольких административных правонарушений, можно обозначить следующие основные черты:

1. Реальную совокупность административных правонарушений формируют два или более действия (бездействия), образующие самостоятельные составы административных правонарушений.

2. Действия (бездействие), входящие в состав реальной совокупности, должны быть совершены разновременно, т.е. в разное время даже в пределах одного дня. При этом место их совершения не имеет юридического значения. Это может быть одно и то же место либо разные места.

3. Действия (бездействие), образующие реальную совокупность, должны быть совершены одним и тем же физическим или юридическим лицом.

При наличии указанных признаков можно говорить о реальной совокупности административных правонарушений, административное наказание за которые должно назначаться в соответствии с правилом, предусмотренным ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ. Но для реализации данного правила необходимо наличие двух обязательных условий:

1) к моменту рассмотрения дел об административных правонарушениях, образующих реальную совокупность, ни по одному из них не истек предусмотренный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности;

2) к моменту рассмотрения дел об административных правонарушениях, образующих реальную совокупность, лицу, совершившему эти правонарушения, ни за одно из них не было назначено административное наказание.

Как уже отмечалось выше, под идеальной совокупностью административных правонару-

шений в литературе по административному праву понимается совершение лицом одного действия (бездействия), которое одновременно образует составы двух или более административных правонарушений, предусмотренных разными статьями (частями статей) Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности) [1, с. 320-321; 2]. Таким образом, при идеальной совокупности в отличие от реальной совокупности лицо совершает не два или более действия (бездействия), каждое из которых образует отдельный состав административного правонарушения, а одно действие (бездействие), одновременно образующее два или более отдельных состава административных правонарушений. Причем указанным действием (бездействием) одновременно могут быть совершены только разные административные правонарушения, предусмотренные различными статьями (частями статей) Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности). Невозможно совершить одним и тем же действием (бездействием) одновременно два или более тождественных административных правонарушения, предусмотренные одной и той же нормой Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности).

Назначение административного наказания при идеальной совокупности административных правонарушений можно проиллюстрировать на следующем примере из правоприменительной практики.

В результате проверки, проведенной в жилом доме государственным инспектором по пожарному надзору, были выявлены нарушения требований пожарной безопасности директором унитарного предприятия. На основании выявленных нарушений возбуждены три дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, 3, 4 ст. 20.4 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которых были вынесены три постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа.

Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев надзорную жалобу директора унитарного предприятия, установил, что при вынесении указанных постановлений государственным инспектором по пожарному надзору не были учтены положения ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ. Из материалов дел об административных правонарушениях

усматривается, что нарушения правил пожарной безопасности, выявленные на территории и в помещениях жилого дома, были допущены в результате бездействия. Рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1, 3, 4 ст. 20.4 КоАП РФ, возбужденных по результатам указанной проверки в отношении директора унитарного предприятия, в соответствии с требованиями ст. 23.34 КоАП РФ, подведомственно одному должностному лицу.

Следовательно, директор унитарного предприятия, совершив в результате бездействия административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ч. 1, 3, 4 ст. 20.4 КоАП РФ, рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же должностному лицу, подлежал привлечению к административной ответственности с назначением административного наказания в пределах санкции, предусматривающей назначение более строгого административного наказания, в данном случае в соответствии с санкцией ч. 4 ст. 20.4 КоАП РФ [3].

Как показывает анализ положений Особенной части КоАП РФ и практики их применения административно-юрисдикционными органами, случаи идеальной совокупности административных правонарушений возникают в целом не часто. В качестве примеров одновременного совершения лицом разных административных правонарушений можно, в частности, назвать управление транспортным средством в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ) и нарушение при этом правил маневрирования (ст. 12.14 КоАП РФ) или проезда перекрестка (ст. 12.12-12.13 КоАП РФ), продажу населению товаров без сертификата соответствия (ч. 2 ст. 14.4 КоАП РФ) и нарушение при этом соответствующих норм Правил продажи отдельных видов товаров (ст. 14.15 КоАП РФ), невыполнение работ по очистке лесосеки, образующее нарушение правил санитарной безопасности в лесах (ч. 1 ст. 8.31 КоАП РФ) и нарушение правил пожарной безопасности в лесах (ст. 8.32 КоАП РФ).

Большинство же административных правонарушений, дела о которых рассматриваются одновременно одним и тем же судьей, органом или должностным лицом, совершается физическими и юридическими лицами в рамках реальной совокупности. В этой связи второе предусмотренное ст. 4.4 КоАП РФ правило назначения административных наказаний на практике применяется достаточно редко.

Анализ правоприменительной практики показывает, что достаточно часто в деятельности территориальных органов внутренних дел встречаются случаи, когда сотрудником полиции при выявлении нескольких правонарушений, например фактов распития алкогольной и спиртосодержащей продукции (ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ); появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ), в отношении лица, совершившего эти правонарушения, составляется только один протокол, и по результатам рассмотрения данного дела наказание фактически назначается за правонарушение, предусмотренное только ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, а факт совершения административного правонарушения, предусмотренный ст. 20.21 КоАП РФ, остается безнаказанным, причем совершенно необоснованно, т.к. для применения правила, установленного ч. 2 ст. 4.4 КоАП, в рассматриваемой ситуации основания отсутствуют.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что рассматриваемые действия являются самостоятельными. Как следствие, при назначении административного наказания необходимо учитывать положения ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ.

В этой связи следует обратить особое внимание на недопустимость составления по фактам совершения нескольких правонарушений (тем более разнородных по составу) одного протокола, т.к. это влечет при назначении административного наказания нарушение правил, установленных ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ. Кроме того, неправильное применение правил назначения административного наказания является основанием для отмены даже по своей сути обоснованного постановления об административном наказании.

Литература

1. Административное право России. Общая часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Старостина. М.: ИНФРА-М, 2010.
2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н.Г. Салищевой. М.: Проспект, 2011.
3. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2012 № 5-АД12-11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2010.

УДК 351.745.5:347.63

С.С. Нехорошева

адъюнкт Воронежского института МВД России

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТНОШЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ ИЛИ ИНЫХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной работе автором рассматривается вопрос о необходимости введения в правоохранительных органах России еще одного действенного института, обеспечивающего защиту несовершеннолетних граждан от различных видов семейного неблагополучия. При этом очевидно, что для положительной практики деятельности данного института требуется дальнейшее методическое и организационное совершенствование.

Ключевые слова: несовершеннолетние, законные представители несовершеннолетних, семья, подросток, семейно-бытовая сфера, профилактика правонарушений, Уполномоченный по правам ребенка, неблагополучные семьи.

S.S. Nehorosheva

*a postgraduate student of Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation*

IMPROVEMENT OF EFFECTIVENESS OF JUVENILE DIVISIONS' ACTIVITY RELATING TO PARENTS OR OTHER LEGAL REPRESENTATIVES OF MINORS

The author of this article considers the need to introduce an effective institution in the law enforcement bodies of Russia. It will ensure the protection of minors from various family problems. It is obvious that further methodological and organizational improvement requires for positive practices of this institution.

Key words: minors, legal representatives of minors, family, teen, family and domestic sphere, crime prevention, Commissioner for children's rights, dysfunctional family.

Ведущая роль в формировании личности ребенка принадлежит семье. Именно семья берет с первых дней жизни на себя всю заботу о нем, его воспитании, жизни. Семья дает первоначальные знания об окружающем мире, вырабатывает определенные представления и навыки, помогает осуществлять контакты с множеством других лиц, надежно охраняет и защищает его от жизненных трудностей и невзгод. Достоинно конкурировать с семьей во всех отношениях, особенно на первоначальном этапе развития личности, не может ни одно общественное или государственное воспитательное учреждение. Отсутствие родительской семьи или семейное неблагополучие почти всегда создают реальные сложности в формировании детей и подростков, преодолеть которые обще-

ству до сегодняшнего дня не удается [5, с. 61-62]. По утверждению И.С. Кона, «практически нет ни одного социального и психологического акта поведения подростков, которые не зависели бы от их семейных условий в настоящем или прошлом» [4, с. 75].

В настоящее время в России общество волнует вопрос о том, как предотвратить ухудшение положения детей в семье и какими мерами способствовать надлежащему исполнению родителями их обязанностей. В современных условиях криминализация семейно-бытовой сферы достигла такой степени, что обеспечение нормального нравственного и физического развития детей, находящихся в социально опасной ситуации, может получить надлежащее комплексное сопровождение только при

условии согласованного участия различных субъектов профилактики, имеющих, прежде всего, специальные административно-предупредительные полномочия.

В структуре органов внутренних дел России подобное функциональное назначение имеют подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Поэтому не случайно, что именно с совершенствованием организационных форм профилактической деятельности ПДН связываются значительные перспективы повышения эффективности превентивной работы с несовершеннолетними в целом.

По информации Уполномоченного при президенте России по правам детей, в 2012 г. жертвами физического насилия, в т.ч. и в семье, были признаны более 89 тыс. несовершеннолетних. При этом погибли 2,1 тыс. детей. Как отмечает издание «Коммерсантъ», из 89 тыс. несовершеннолетних, которые признаны жертвами насильственных преступлений, 4,9 тыс. пострадали от действий родителей [1]. Количество родителей, уклоняющихся от воспитания детей или отрицательно на них влияющих, состоящих на учете в территориальных органах МВД России, по-прежнему велико (так, в 2014 г. их количество составило примерно 130 тыс.) [6].

В качестве одной из причин неэффективности своей деятельности сотрудники ПДН, опрошенные нами, назвали отсутствие необходимых знаний. 62% респондентов отметили, что у них недостаточный объем психолого-педагогических знаний, чтобы проводить эффективную профилактическую работу с неблагополучными семьями. В качестве основных методов изучения несовершеннолетних правонарушителей сотрудники ПДН ОВД используют беседу (91%), наблюдение (55%) и изучение учетно-профилактических карточек (76%). Большинство из них отметили, что с сокращением штатной численности в подразделении на более тщательный и подробный анализ ситуации в каждой конкретной семье не остается времени.

Анализ накопленного органами внутренних дел современного положительного опыта деятельности по отражению угроз нормальному нравственному и физическому развитию детей показывает, что ее эффективность существенно возрастает за счет создания и развития в структуре ПДН специализированного института семейных инспекторов полиции.

Так, анализ практики работы семейных инспекторов на экспериментальных площадках в

различных субъектах РФ, таких как Ростовская и Сахалинская области, Ставропольский край и ряде других, позволяет выявить ряд положительных результатов: выявление и установление профилактического контроля за неблагополучными семьями увеличилось в 4 раза; инициирование соответствующих исковых производств в суде увеличилось в 2,9 раза. При этом в отношении каждой четвертой семьи, снимаемой с профилактического учета ПДН, профилактический контроль был прекращен в связи с оздоровлением семейно-бытовой атмосферы [2, с. 163]. В Кемеровской области также были введены 20 штатных единиц не просто семейных инспекторов, а семейных инспекторов-психологов ПДН. И как показала практика, в большинстве случаев благодаря их деятельности родители встают на путь исправления, семья сохраняется, и ребенок остается в ней.

На наш взгляд, профилактическая работа в отношении неблагополучных семей, состоящих на учете в ПДН, станет более результативной, если её будут осуществлять семейные инспектора-психологи.

К сожалению, в результате прошедшей реформы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации штатная численность инспекторов ПДН значительно сократилась. В регионах, где были введены семейные инспектора ПДН, именно эти должности прежде всего и сократили. Хотя, по результатам проведенного нами исследования, сотрудники ПДН территориальных органов МВД России считают данный институт необходимым (76% опрошенных).

Учитывая то, что Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев одну из приоритетных задач для МВД России видит в укреплении территориальных органов низового звена [3], на наш взгляд, в правоохранительных органах России повсеместно должен появиться еще один действенный институт, обеспечивающий защиту несовершеннолетних граждан от различных видов семейного неблагополучия. При этом очевидно, что для положительной практики деятельности данного института требуется дальнейшее методическое и организационное совершенствование. Деятельность рассматриваемого института в первую очередь должна быть направлена на оказание индивидуальной помощи конкретной семье и коррекцию асоциального поведения взрослых и детей.

Литература

1. Астахов: более 2 тысяч детей погибли от насилия в России в прошлом году // Коммерсант.ru. Лента новостей (Москва) от 19.02.2013. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2130947> (дата обращения: 23.10.2014).
2. Бойко С.С. Административно-правовые средства защиты прав и законных интересов несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011.
3. Интервью Владимира Колокольцева // Рос. газ. Столичный выпуск № 6004 (28). URL: <http://www.rg.ru/2013/02/11/> (дата обращения: 15.11.2014).
4. Кон И.С. Психология старшеклассника. М., 1980.
5. Орлова Ю.Р., Шиян В.И. Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола. М., 2008.
6. Статистические данные о результатах работы подразделений территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2014 год (форма 180) // Единая информационно-телекоммуникационная система органов внутренних дел (дата обращения: 30.03.2015).

УДК 351.761

Н.Н. Цуканов, доктор юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт ФСКН России

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СТ. 44 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 8 ЯНВАРЯ 1998 Г. № 3-ФЗ «О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ» И СТ. 27.12.1 КОАП РФ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТ. 6.9 КОАП РФ**

Основной целью данной статьи является рассмотрение соотношения ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 27.12.1 КоАП РФ при реализации ст. 6.9 КоАП РФ.

Ключевые слова: федеральный закон, законодатель, КоАП РФ.

*N.N. Tsukanov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service
of the Russian Federation*

**REVISITING THE RELATIONSHIP OF THE ART. 44 OF THE FEDERAL ACT
OF JANUARY 8, 1998 № 3-FZ «ABOUT NARCOTICS AND PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES» AND THE ART. 27.12.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE
OFFENCES OF RUSSIA IN IMPLEMENTATION OF THE ART. 6.9 OF THE CODE
OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF RUSSIA**

The main purpose of this article is to consider the relationship of the Art. 44 of the Federal Act of January 8, 1998 № 3-FZ «About narcotics and psychotropic substances» and the Art. 27.12.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in implementation of the Art. 6.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Key words: federal act, law-maker, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» КоАП РФ был дополнен ст. 27.12.1, предусматривающей возможность проведения медицинского освидетельствования. Формулировка самой нормы и содержание соответствующего ей постановления Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» свидетельствует о том, что законодатель попытался сформулировать универсальное правило. В связи с чем возникает вопрос о том, насколько законной при реализации ст. 6.9 КоАП РФ является сложившаяся

практика проведения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в соответствии со ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Как справедливо отмечает Д.А. Газизов, рассматриваемые меры административного принуждения имеют различную природу, применяются различными должностными лицами, сопровождаются вынесением различных процессуальных актов [1, с. 35-38]. Актуальность вопросу придает и характерная для текущего этапа противоречивость требований ведомственного руководства при организации правоприменительной деятельности органов наркоконтроля и органов внутренних дел.

К сожалению, законодатель, закрепив в КоАП РФ ст. 27.12.1, в какой-то мере нарушил прин-

цип нормативной определенности. Тем не менее можно, на наш взгляд, утверждать, что при реализации ст. 6.9 КоАП РФ доминирующее значение остается за ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах или психотропных веществах».

1. Дополняя КоАП РФ ст. 27.12.1, законодатель не отменил ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», тем самым признавая её самостоятельное юридическое значение. В связи с этим не понятно, чем может быть предопределен отказ от сформировавшейся практики её применения. Как известно, введение новой нормы может повлечь прекращение практики применения ранее действовавшего нормативного правила, однако это происходит в случаях, когда новая норма является специальной по отношению к ранее действовавшей. В сочетании ст. 27.12.1 КоАП РФ и ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» первая является общей нормой. Об этом свидетельствует, в частности, то, что закреплена она была Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» и специально **не** ориентирована на сферу применения законодательства о незаконном обороте наркотиков. Статья 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», наоборот, изначально ориентирована на случаи возникновения оснований полагать, что лицо допустило употребление именно наркотических средств. Данная норма является специальной, охватывает наибольшее количество специальных признаков, соответственно, она должна применяться в первоочередном порядке.

2. О доминирующем значении ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» свидетельствуют изменения, внесенные в действующее законодательство. В частности, согласно ч. 5 ст. 2.2 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» «Включение вещества в Реестр осуществляется при получении должностными лицами органов, перечисленных в пункте 1 статьи 53 настоящего Федерального закона, сведений о его потреблении, которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, **находящихся под воздействием этого вещества, проведенного в соответствии со статьей 44**

настоящего Федерального закона (выделено авт.).

3. Статья 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ст. 27.12.1 КоАП РФ имеют различную конструкцию:

Во-первых, ст. 27.12.1 КоАП РФ применяется лишь лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ и приказом ФСКН России от 31 мая 2010 г. № 208 «О должностных лицах органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях».

Согласно ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» медицинское освидетельствование лица проводится по направлению органов дознания, органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, следователя, судьи или **должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.**

Действительно, ст. 44 может применяться и следователями, и даже судьями. Но она же может применяться и должностным лицом, уже осуществляющим производство по делу об административном правонарушении! Поэтому нельзя говорить о том, что если проводится производство по делу об административном правонарушении, то применяться должна только ст. 27.12.1 КоАП РФ. Не следует говорить и о том, что ст. 44 ограничена потребностями оперативно-разыскной деятельности хотя бы уже потому, что незаконное потребление наркотиков – это административное правонарушение. Оперативно-разыскная деятельность не предназначена для выявления административных правонарушений. Сотрудники оперативных подразделений – субъекты, весьма активно реализующие ст. 6.9 КоАП РФ. И направление лица на медицинское освидетельствование в этом случае ориентировано на перспективу его привлечения не к уголовной, а к административной ответственности.

Во-вторых, ст. 27.12.1 КоАП РФ может применяться в тех случаях, когда лицо находится в состоянии опьянения. Критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения меди-

цинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Статья 44 применяется не только при наличии признаков опьянения (их перечень в данном случае не ограничен), но и при наличии иных данных о том, что лицо больно наркоманией, находится в состоянии опьянения либо потребило наркотическое средство, психотропное вещество без назначения врача либо новое потенциально опасное психоактивное вещество (в т.ч. при непосредственном наблюдении сотрудником такого употребления, при наличии свидетельских показаний и т.д.).

Кстати, следует особо отметить, что в настоящий момент полноценного нормативного обеспечения не имеют обе рассматриваемые нормы. Ни в том, ни в другом случае до настоящего момента не приняты необходимые подзаконные акты. Фактически медицинские работники проводят медицинское освидетельствование, руководствуясь положениями Временной инструкции о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения (утв. Минздравом СССР 1 сентября 1988 г. № 06-14/33-14), которая в значительной мере устарела и не соответствует потребностям правоприменительной практики.

В-третьих, ст. 44, как правило, применяется в связи с выявлением признаков правонарушений, предусмотренных ст. 6.9, ч. 2, 3 ст. 20.20, 20.22 КоАП РФ. Статья ст. 27.12.1 КоАП РФ, с одной стороны, связана не только с наркотическим опьянением (соответственно, не ограничивается перечисленными нормами), с другой – не применяется в случаях, предусмотренных ст. 20.22 КоАП РФ. Соответственно, протокол о применении рассматриваемой меры обеспечения (ст. 27.12.1 КоАП РФ) может быть связан со ст. 6.9 КоАП РФ, но может и со ст. 20.21 КоАП РФ, а может с установлением обстоятельства, отягчающего административную ответственность, по ст. 20.1 КоАП РФ, или с установлением признаков ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ или какой-либо иной нормы КоАП РФ.

В-четвертых, составление первого протокола о применении меры обеспечения (ст. 27.12.1 КоАП РФ) является формой возбуждения дела об административном правонарушении (п. 2 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ). Для принятия данного решения сотрудники должны располагать поводом и достаточными данными, указывающими на

наличие события административного правонарушения, а также должны присутствовать и иные условия, позволяющие возбудить дело об административном правонарушении.

Кроме того, дело об административном правонарушении подлежит регистрации с момента его возбуждения (т.е. с момента составления протокола направления на медицинское освидетельствование в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ); в сроки, указанные в ст. 28.5 КоАП РФ, должен быть составлен протокол об административном правонарушении; в случае невыявления признаков наркотического опьянения требуется вынесение постановления о прекращении производства по делу; в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования должна применяться не ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ, а ст. 17.7 КоАП РФ; лицо, направленное на медицинское освидетельствование, приобретает статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; и т.д. Все изложенное требует как минимум изменения правоприменительной практики органов наркоконтроля и органов внутренних дел.

При этом неправильно считать, что реализация ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» сразу же влечет необходимость доставления лица, его задержания и применения иных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, что делает её якобы равнозначной ст. 27.12.1 КоАП РФ. Это принудительная мера воздействия, однако лицо следует к месту проведения медицинского освидетельствования, выполняет все требования медицинского персонала добровольно. Принудительный характер выражается лишь в возможности применения к указанному лицу мер административной ответственности за отказ от выполнения законного требования о прохождении медицинского освидетельствования.

Возможно, Верховным Судом РФ будут сформулированы какие-либо правила и правовые позиции по этому поводу, однако на сегодняшний день, на наш взгляд, отсутствуют основания считать, что при применении ст. 6.9 КоАП РФ сотрудники органов наркоконтроля и органов внутренних дел должны направлять лиц на медицинское освидетельствование, руководствуясь не ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», а ст. 27.12.1 КоАП РФ.

Статья 27.12.1 КоАП РФ ориентирована на случаи, когда состояние опьянения имеет ма-

териально-правовое значение, например является квалифицирующим обстоятельством (в частности, ч. 3 ст. 12.29, ч. 4.1 ст. 20.8 КоАП РФ и в иных случаях, где ответственность прямо связана в диспозиции с состоянием опьянения) или обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Эту норму следует применять в первоочередном порядке тогда, когда КоАП РФ будет устанавливать административную ответственность за появление в общественном месте в состоянии наркотического опьянения. В механизме же реализации ст. 6.9 КоАП РФ применяемое в соответствии со ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» медицинское освидетельствование служит лишь целям доказывания. Фактически лицо может быть привлечено к административной ответственности и при отсутствии наркотического опьянения, но при наличии в организме человека метаболитов наркотиче-

ского средства, свидетельствующих о том, что лицо употребляло соответствующее наркотическое средство.

В то же время с уверенностью можно утверждать, что результаты медицинского освидетельствования, полученные путем применения ст. 27.12.1 КоАП РФ, будут иметь доказательственное значение для применения ст. 6.9 КоАП РФ так же, как и результаты медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии со ст. 27.12 КоАП РФ.

Таким образом, применение ст. 27.12.1 КоАП РФ в целях реализации ст. 6.9 КоАП РФ может быть эффективным, но является не основным, а дополняющим по отношению к ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», а в отдельных случаях и неудобным средством фиксации состояния наркотического опьянения, требующим коррекции правоприменительной практики правоохранительных органов.

Литература

1. Газизов Д.А. Некоторые проблемы правового регулирования медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 1.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.274

Л.И. Беляева, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик Академия управления МВД России

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (ХАРАКТЕРА) ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

В статье дается характеристика принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных уголовными кодексами стран СНГ. Анализируется содержание этих мер, сходство и различие, основания применения, общее и особенное.

Ключевые слова: уголовный кодекс, страны СНГ, несовершеннолетние, характеристика, принудительные меры воспитательного воздействия.

L.I. Belyaeva, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor, honored lawyer of Russia, academician Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE (CHARACTER) ACCORDING TO THE CIS LEGISLATION

The article is devoted to the compulsory educational measures, provided by the criminal codes of CIS countries. The author analyzes the content of these measures, similarities and differences, general and specific reasons of their use.

Key words: criminal code, CIS countries, minors, features, compulsory measures of educational influence.

Законодательством всех стран СНГ предусмотрена возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (характера). В ряде стран СНГ эти меры включены в уголовный кодекс (далее – УК) под названием «принудительные меры воспитательного воздействия» (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Туркменистан). Уголовные кодексы Армении, Беларуси, Молдовы, Таджикистана, Украины именуют их «принудительными мерами воспитательного характера», УК Узбекистана – просто «принудительными мерами».

Для понимания сути и значения принудительных мер воспитательного воздействия (характера) важно определить их место в уголовных кодексах стран СНГ.

В уголовных кодексах стран СНГ содержатся самостоятельные разделы и главы, часто одноименные, об уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, в уголовных кодексах Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана имеются самостоятельные разделы «Уголовная ответственность несовершеннолетних»; в уголовных кодексах Армении и Украины – «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»; в УК Беларуси – «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет»; в УК Узбекистана – «Особенности ответственности несовершеннолетних»; в УК Туркменистана – «Ответственность несовершеннолетних». В указанных разделах содержатся соответствующие статьи с

основными положениями, касающимися принудительных мер воспитательного воздействия (характера). В УК Азербайджана – это ст. 84, 87, 88, 89; Армении – ст. 85, 91-93; Беларуси – ч. 2 ст. 111, 117, 118; Казахстана – ст. 80, 83-85; Кыргызстана – ст. 77, 83-86; России – ст. 87, 90-92; Таджикистана – ст. 86, 89, 90; Туркменистана – ст. 82, 88, 89, 90; Узбекистана – ст. 87, 88; Украины – 97, 105.

УК Молдовы самостоятельного раздела об ответственности несовершеннолетних не содержит. Здесь законодатель пошел по пути обособления вопросов ответственности несовершеннолетних внутри общих вопросов, связанных с ней. Так, гл. VI «Освобождение от уголовной ответственности» предусматривает правила и основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 54).

В главе VII «Уголовное наказание» установлены пределы, ограничения и запреты на применение уголовных наказаний к несовершеннолетним: ч. (4) ст. 67; ч. (3), (4) ст. 70, ч. (3) ст. 71; ч. (5) ст. 72; ч. (1) ст. 84, ч. (1) ст. 85.

В главе VIII «Индивидуализация наказания» ч. (3) ст. 75 определяет условия применения наказания к несовершеннолетним за совершение незначительного или средней тяжести преступления.

В главе IX «Освобождение от уголовного наказания» п. d) ч. (2) ст. 89, ст. 93 предусматривают условия освобождения несовершеннолетних от наказания.

Глава X «Меры безопасности» содержит в себе ст. 98, определяющую виды мер безопасности, к числу которых относятся и принудительные меры воспитательного характера – п. b) ч. (2) ст. 98. Статья 104 включает перечень принудительных мер воспитательного характера, которые могут быть применены к несовершеннолетним.

Анализ соответствующих статей уголовных кодексов стран СНГ свидетельствует о том, что при некоторых различиях в названиях законодатели в целом сохраняют единство в понимании назначения и содержания принудительных мер воспитательного воздействия (характера). При этом нельзя не заметить разнообразия, оригинальности и новизны в разработке в общем-то хорошо известного института.

Уголовные кодексы стран СНГ различаются по числу и характеру предусмотренных принудительных мер воспитательного воздействия.

Представление об этом дает следующая таблица:

Сведения о принудительных мерах воспитательного воздействия (характера), предусмотренных УК стран СНГ

Принудительные меры воспитательного воздействия (характера) по УК стран СНГ	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Украина
предупреждение (по УК Беларуси – предостережение)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо соответствующего государственного органа ¹	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	+
Обязанность загладить причиненный вред (по уголовным кодексам Беларуси, Молдовы – причиненный ущерб, по УК Украины – причиненный имущественный ущерб)	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+

¹Здесь термин «государственный орган» является собирательным. В уголовных кодексах конкретных стран СНГ он называется по-разному.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+
Возложение обязанности принести извинения потерпевшему	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-
Помещение в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение (по уголовным кодексам Беларуси, Молдовы – специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение, по уголовным кодексам Узбекистана, Украины – специальное учебно-воспитательное учреждение)	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	+
Помещение в организацию образования с особым режимом содержания	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Установление пробационного контроля	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Принуждение к прохождению лечебного курса психологической реабилитации	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-

Уголовные кодексы большинства стран СНГ содержат в себе статьи, раскрывающие содержание принудительных мер воспитательного воздействия (характера). Уголовные кодексы Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины содержания принудительных мер не раскрывают.

В целом содержание принудительных мер понимается одинаково, хотя имеются и некоторые различия. Рассмотрим их.

Предупреждение по уголовным кодексам стран СНГ состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных уголовным законом.

УК Беларуси предусматривает такую принудительную меру, как предостережение, которое также заключается в разъяснении, но только последствий повторного совершения преступлений.

Передача под надзор по общему правилу состоит в возложении на родителей или лиц, их замещающих, либо на соответствующий государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Здесь для понимания сути указанной меры принудительного воз-

действия употреблен термин «государственный орган», хотя в уголовных кодексах стран СНГ единодушия в этом не отмечается. Так, УК Азербайджана говорит об органе исполнительной власти (ст. 87.2), УК Армении – об органе местного самоуправления либо компетентном органе, осуществляющем контроль за поведением осужденного (п. 2 ч. 2 ст. 91).

УК Казахстана (ч. 2 ст. 85) и России (ч. 2 ст. 91) устанавливают возложение указанной обязанности на специализированный государственный орган без конкретного указания на него.

УК Кыргызстана и Туркменистана называют те органы, которым предписано исполнение указанной меры. По УК Кыргызстана это инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел или комиссии по делам несовершеннолетних (ч. (2) ст. 84); по УК Туркменистана – органы внутренних дел (п. б) ч. (2) ст. 89).

Обязанность загладить причиненный вред законодателями стран СНГ понимается однозначно, различия отмечаются в редакции. Так, УК Азербайджана (ст. 83), Армении (ч. 3 ст. 92), России (ч. 3 ст. 91), Туркменистана (ч. (3) ст. 90)

закрепляют положение о том, что обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков. По УК Беларуси эта обязанность может быть возложена на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора. При этом несовершеннолетний должен возместить своими силами или устранить своим трудом причиненный ущерб при условии наличия самостоятельного заработка, а размер ущерба не превышает среднемесячного размера этого заработка (дохода) (п. 3) ч. 2. ст. 117). В УК Молдовы содержится указание о том, что при назначении данной меры учитывается имущественное положение несовершеннолетнего (п. с) ч. (1) ст. 104).

Следует отметить также, что законодатель Беларуси и Молдовы говорит о заглаживании причиненного ущерба, Украины – причиненного имущественного ущерба.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего предусматривают запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в т.ч. связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения соответствующего государственного органа. Под государственным органом понимается тот же, который законодатели упоминают, говоря о передаче несовершеннолетнего под надзор. При этом УК Армении указывает на необходимость согласия соответствующего органа на выезд.

Рассматриваемая мера предполагает, что на несовершеннолетнего может быть возложена обязанность продолжить образование либо трудоустроиться с помощью соответствующего государственного органа. По уголовным кодексам Армении (ч. 4 ст. 92), Казахстана (ч. 4 ст. 85), Кыргызстана (ч. (3) ст. 84), России (ч. 4 ст. 91) несовершеннолетнему может быть предъявлено требование возвратиться в образовательную организацию (учреждение, учебное заведение) либо трудоустроиться с помощью соответствующего государственного органа; по УК Армении – по ходатайству органа местного самоуправления.

УК Беларуси содержит норму об ограничении свободы досуга (п. 4) ч. 2 ст. 117). Под ограничением свободы досуга понимается возложение на несовершеннолетнего обязанности соблюдения определенного порядка использова-

ния свободного от учебы и работы времени. Ограничение свободы досуга предполагает, в соответствии с п. 4) ч. 2 ст. 117 УК Беларуси, установление тех же запретов. Что касается ограничений, то законодатель Беларуси устанавливает ограничения на пребывание вне дома в определенное время суток (а не после него), но не распространяет их, в отличие от других стран СНГ, на выезды в другие местности. Кроме того, УК Беларуси возлагает на несовершеннолетнего обязанность являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего. В УК не содержится положения, связанного с требованием (обязанностью) возвратиться в образовательное учреждение или трудоустроиться.

По уголовным кодексам Азербайджана, Казахстана допустимы и иные (без их указания) ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Уголовные кодексы Беларуси, Казахстана, Узбекистана предусматривают такую меру, как **возложение обязанности принести извинения потерпевшему**, при этом по уголовным кодексам Беларуси и Узбекистана формы извинения определяет суд. УК Казахстана содержит императивное положение о том, что несовершеннолетний приносит потерпевшему личные извинения за причиненный вред.

Как видно из сравнительной таблицы, в уголовно-правовом поле появились и такие принудительные меры, которые ранее не были известны. Это установление **пробационного контроля** (Казахстан) и **принуждение к прохождению лечебного курса психологической реабилитации** (Молдова).

По УК Казахстана пробационный контроль устанавливается на срок до одного года (ч. 9 ст. 85), осуществляется уполномоченным государственным органом и по решению суда включает исполнение обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; не посещать определенные места; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, заболеваний, передающихся половым путем; осуществлять материальную поддержку семьи; другие обязанности, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений (ч. 2 ст. 44 УК Казахстана). При этом в отличие от взрослых несовершеннолетний к принудительному труду не привлекается.

УК Молдовы предусматривает такую принудительную меру воспитательного характера, как принуждение несовершеннолетнего к прохождению лечебного курса психологической реабилитации (п. d) ч. (1) ст. 104). Эта мера применяется в случаях, когда у несовершеннолетнего установлены определенные отклонения от нормального психического состояния, вызванные определенными проблемами семейного характера, вовлечением в преступную деятельность взрослых и т.д. Как правило, эта мера применяется в случаях, когда несовершеннолетний уклоняется от добровольного прохождения такого курса [1].

УК Украины предусматривает такую меру, как **назначение судом несовершеннолетнему воспитателя** в порядке, предусмотренном законом (ч. 4 ст. 105).

В соответствии с УК Беларуси при применении принудительных мер воспитательного характера (кроме помещения в специальные учреждения) за несовершеннолетним устанавливается профилактическое наблюдение в течение срока судимости, которое в соответствии с ч. 2 ст. 81 предполагает предварительное уведомление органа внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца; прибытие в указанный орган по его вызову и при необходимости пояснения относительно своего поведения и образа жизни.

Уголовные кодексы Кыргызстана и Молдовы содержат в себе указания о том, что перечень мер принудительного воздействия (характера) не является исчерпывающим, хотя из закона не вытекает сведений об иных мерах.

УК Армении допускает применение иных мер принудительного воздействия, без их обозначения.

Особо следует сказать о такой мере, как **помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное заведение**. Стоит отметить, что уголовные кодексы ряда стран СНГ включают такое помещение в систему мер принудительного воздействия (характера): Беларусь, Молдова, Узбекистан, Украина. Уголовные кодексы остальных стран СНГ предусматривают возможность применения этой меры исключительно в случаях освобождения от наказания, если его цели могут быть достигнуты только путем помещения несовершеннолетнего в специальное учреждение для несовершеннолетних. При этом уголовные кодексы некоторых стран СНГ предусматривают один вид таких учреждений – учреждения воспитательного характера:

Казахстан, Россия, Узбекистан, Украина. В трех последних странах эти учреждения именуются специальными учебно-воспитательными учреждениями, в Казахстане – организацией образования с особым режимом содержания.

Уголовные кодексы ряда стран (Азербайджан, Армения, Беларусь, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан) предусматривают два вида таких учреждений: воспитательного и медицинского характера. Учреждения воспитательного характера в этих странах называются специальными учебно-воспитательными (в Кыргызстане – специальное воспитательное). Учреждения медицинского характера называются лечебно-воспитательными.

Законодательство Туркменистана такой меры не предусматривает.

Уголовные кодексы Азербайджана и России устанавливают, что специальные учебно-воспитательные учреждения – это учреждения закрытого типа.

Законодатели стран СНГ по-разному отнеслись к необходимости установления срока применения принудительных мер воспитательного воздействия (характера). В уголовных кодексах всех стран, где предусмотрено помещение (направление) несовершеннолетнего в специальные учреждения, сроки пребывания в них установлены, правда, они различны и не всегда конкретны.

По общему правилу несовершеннолетние в указанных учреждениях могут содержаться до 18 лет, но не более трех лет (Азербайджан – ст. 89.2, Армения – ч. 2 ст. 93), до 3 лет (Россия – ч. 2 ст. 90, Таджикистан – ч. 2 ст. 90), до 2 лет – (Беларусь – п. 5) ч. 2 ст. 117); до исправления, но не более 3 лет (Украина – п. 5) ч. 1 ст. 105); по УК Молдовы – до 18 лет, при этом предусмотрена возможность продления срока нахождения в указанных учреждениях по достижении 18 лет – разрешается до окончания общеобразовательной школы или ремесленного училища (ч. (2) ст. 93).

УК Казахстана устанавливает срок пребывания в организации образования с особым режимом содержания от 6 месяцев до 2 лет. Продление пребывания здесь после истечения указанного срока допускается только в случае необходимости завершить несовершеннолетнему общеобразовательную или профессиональную подготовку, но не более чем до достижения совершеннолетия (ч. 5 ст. 85).

По УК Кыргызстана срок пребывания в специальном учреждении для несовершеннолетних не может превышать максимального срока нака-

зания, предусмотренного за преступление, совершенное несовершеннолетним (ч. (2) ст. 85).

УК Узбекистана устанавливает, что срок и условия пребывания в указанных учреждениях предусматриваются законодательством Республики (ч. 2 ст. 88).

Уголовные кодексы Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана предусматривают возможность досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в учреждении, если он исправился или если возникли обстоятельства, препятствующие нахождению здесь.

В уголовных кодексах ряда стран СНГ предусмотрены сроки применения некоторых других принудительных мер воспитательного воздействия (характера). Такие сроки установлены применительно к передаче несовершеннолетнего под надзор и ограничению досуга. По уголовным кодексам Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана, Украины эти сроки устанавливаются органом, назначающим эти меры.

УК России определяет эти сроки в зависимости от категории совершенного преступления. Так, при совершении преступления небольшой тяжести срок применения указанных мер устанавливается от одного месяца до двух лет; при совершении преступления средней тяжести – от 6 месяцев до 3 лет (ч. 3 ст. 90).

По УК Казахстана срок применения указанных мер составляет до 6 месяцев при совершении уголовного проступка, от 6 месяцев до 1 года – при совершении преступления небольшой тяжести, от 1 года до 2 лет – средней тяжести, от 2 до 3 лет – тяжкого преступления. Пробационный контроль устанавливается на срок до 1 года.

УК Беларуси устанавливает срок от одного до шести месяцев для применения ограничения свободы досуга (п. 4) ч. 1 ст. 117).

Уголовные кодексы Армении, Кыргызстана, Молдовы, Узбекистана никаких указаний на этот счет не содержат.

В соответствии с уголовными кодексами стран СНГ, за исключением Беларуси и Узбекистана, к несовершеннолетнему могут быть применены несколько мер воспитательного воздействия одновременно.

Законодатели стран СНГ предусмотрели последствия неисполнения принудительных мер воспитательного воздействия. Следует отметить, что в тех странах, где рассматриваемые меры именуются принудительными мерами воспитательного характера, законодатели предусматривают последствия за уклонение от исполнения назначенной меры (Армения, Беларусь, Молдо-

ва, Таджикистан, Украина). При этом по УК Украины это должно быть просто уклонение, по уголовным кодексам Армении, Молдовы и Таджикистана – систематическое, а по УК Беларуси – злостное.

В странах, где эти меры именуются мерами принудительного воспитательного воздействия, предусматриваются последствия за неисполнение названных мер (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Туркменистан). Здесь уголовные кодексы всех стран, кроме Кыргызстана, определяют, что такое неисполнение должно быть систематическим, а по УК Казахстана – умышленным, т.е. совершенным 2 и более раза в течение года. По общему правилу при уклонении от исполнения указанных мер (неисполнении) установленная мера отменяется в соответствии с законодательством страны, и рассматривается вопрос о привлечении к уголовной ответственности, по УК Беларуси – о замене данной меры на более строгую.

Уголовные кодексы большинства стран СНГ закрепляют положение о том, что принудительные меры воспитательного воздействия (характера) могут быть альтернативой наказанию: несовершеннолетним, совершившим преступления, может быть назначено наказание либо к ним могут быть применены меры воспитательного воздействия (характера). Это предусмотрено УК Азербайджана (ст. 84.2); Армении (ч. 2 ст. 85); Казахстана (ч. 2 ст. 80); Кыргызстана (ч. (2) ст. 77); Таджикистана (ч. 2 ст. 86); Туркменистана (ч. (3) ст. 82, ст. 83). В части 2 ст. 87 УК РФ такая альтернатива также предусмотрена, однако законодатель говорит о том, что к несовершеннолетнему, совершившему преступления, могут быть применены меры принудительного воздействия либо им может быть назначено наказание.

Уголовные кодексы Беларуси, Кыргызстана, Узбекистана предусматривают возможность применения указанных мер вместо наказания, т.е. в данном случае они являются способом реализации уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 117 УК Беларуси суд может постановить обвинительный приговор и применить к несовершеннолетнему (при определенных условиях) вместо наказания принудительные меры воспитательного характера.

Часть (3) ст. 86 УК Кыргызстана, ч. 3 ст. 87 УК Узбекистана допускают применение указанных мер вместо наказания несовершеннолетних, существенно отстающих в возрастном развитии, что лишает их способности в полной мере осознавать значение совершенного деяния.

Уголовные кодексы всех стран СНГ предусматривают возможность освобождения несовершеннолетнего, совершившего преступление, от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения мер воспитательного воздействия (характера). При этом законодатели всех стран СНГ предусматривают условия, при которых такое освобождение возможно. По уголовным кодексам стран СНГ (кроме России) одним из таких условий является совершение преступления впервые. По УК Казахстана это условие относится к уголовному проступку, преступлению, совершенному впервые, небольшой тяжести, преступлению средней тяжести, совершенному впервые, тяжкому преступлению, совершенному впервые, не связанному с причинением смерти (ч. 1,3 ст. 83).

При освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (характера) учитывается категория совершенного преступления. Эти категории различны. Так, освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (характера) возможно при совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности (ч. 1 ст. 87 УК Узбекистана) или менее тяжкого преступления (ст. 88.1 УК Азербайджана, ч. 1 ст. 118 УК Беларуси); при совершении преступления небольшой тяжести (ч. 1 ст. 89 УК Таджикистана, ч. (1) ст. 89 УК Туркменистана); небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 91 УК Армении, ч. 1 ст. 83 УК Казахстана, ч. 1 ст. 97 УК Украины).

При этом УК Украины предусматривает, что преступление средней тяжести совершено по неосторожности. УК Казахстана устанавливает, что освобождение с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно, если несовершеннолетним совершено уголовный проступок или преступление небольшой тяжести, либо впервые преступление средней тяжести, впервые тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти (ч. 1,3 ст. 83).

УК Кыргызстана допускает такое освобождение, при прочих условиях, если несовершеннолетним совершено преступление небольшой тяжести или менее тяжкое преступление (ч. (1) ст. 83).

По УК Молдовы (ч. 1 ст. 54) несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности при совершении им незначительного преступления или преступления средней тяжести.

Таким образом, по законодательству стран СНГ несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (характера) при следующих условиях:

- наличие возможности исправления путем применения указанных мер;
- совершение преступления впервые (как правило);
- совершение преступления определенной категории (в соответствии с кодексом конкретной страны).

УК Беларуси предусматривает некоторые дополнительные условия такого освобождения: несовершеннолетний, в соответствии с ч. 1 ст. 118, может быть освобожден от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе. При этом передача под наблюдение указанных лиц допускается при условии внесения залога, сумма которого исчисляется в соответствии с установленными правилами (ч. 2 ст. 118 УК Республики Беларусь).

Принудительные меры воспитательного воздействия (характера), в соответствии с законодательством стран СНГ, могут применяться при освобождении несовершеннолетнего от наказания. Условиями, необходимыми для этого, являются:

- осуждение за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление (ст. 89.1 УК Азербайджана, ч. 1 ст. 117 УК Беларуси);
- осуждение за преступление небольшой тяжести или менее тяжкое преступление (ч. (1) ст. 85 УК Кыргызстана);
- осуждение за преступление небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 93 УК Армении, ч. 2 ст. 83 УК Казахстана, ч. 1 ст. 92 УК РФ, ч. 1 ст. 90 УК Таджикистана, ст. 88 УК Туркменистана, ч. 1 ст. 105 УК Украины).

При этом УК Туркменистана и Украины определяют условия, при которых такое освобождение возможно: «Если по характеру совершенного деяния и его последствиям, данным о личности и иным обстоятельствам дела его исправление возможно без применения наказания» (ст. 88 УК Туркменистана). УК Украины допускает освобождение от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера, если будет признано, что вследствие чистосердечного раскаяния и дальнейшего безупречного поведения он на момент постановления приговора не нуждается в применении наказания (ч. 1 ст. 105).

УК Узбекистана предусматривает возможность такого освобождения в отношении несовершеннолетнего, впервые совершившего менее тяжкое преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет, или совершившего повторно преступление, не представляющее большой общественной опасности, если с учетом характера совершенного деяния, личности несовершеннолетнего и иных обстоятельств дела исправление возможно без применения наказания (ч. 2 ст. 87).

Применение такой принудительной меры, как помещение (направление) в специальное учебно-воспитательное учреждение, обычно оговаривается особо. Как правило, освобождение от наказания с применением указанной принудительной меры воспитательного воздействия (характера) законодатели считают возможным при условии, что цели наказания могут быть до-

стигнуты только таким путем: ст. 89.2 УК Азербайджана – за совершение менее тяжкого преступления; ч. 1 ст. 93 УК Армении, ч. 1 ст. 90 УК Таджикистана – за совершение преступлений небольшой или средней тяжести; ч. (2) ст. 85 УК Кыргызстана – за совершение менее тяжкого преступления; ч. (1) ст. 93 УК Молдовы – за совершение незначительного преступления, преступления средней тяжести или тяжкого преступления.

Анализ уголовного законодательства стран СНГ показывает, что в нем нашли отражение современные идеи гуманизации, сужения сферы применения наказаний несовершеннолетних, педагогизации мер уголовно-правового воздействия на юных правонарушителей. В УК каждой из стран СНГ отражены своеобразные подходы, которые представляют несомненный интерес для науки, законотворчества и правоприменения, обогащают правовую систему.

Литература

1. Гуцуляк В.И., Бужор В.Г. Комментарий к УК Республики Молдова: Общая часть. Кишинэу. 2005.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утв. законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
4. Уголовный кодекс Республики Армения (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. от 07.11.2014).
7. Уголовный кодекс Республики Молдова (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. по состоянию на 04.09.2014).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
10. Уголовный кодекс Таджикистана (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
11. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).
12. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по состоянию на 25.01.2015).

УДК 343.353

А.Г. Брагина, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: agb.06@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА РАЗГЛАШЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ИЛИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ОРГАНА

В данной статье дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ: анализируются проблемы определения непосредственного объекта и потерпевшего, общественно опасного деяния, образующего объективную сторону, установления признаков субъекта и субъективной стороны.

Ключевые слова: должностное лицо, сведения о мерах безопасности, разглашение.

A.G. Bragina, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: agb.06@mail.ru

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF A CRIME OF INFORMATION DISCLOSURE ABOUT SECURITY MEASURES, REGARDING AN OFFICIAL OF LAW-ENFORCEMENT OR CONTROLLING BODY

This article deals with criminal law description of a corpus delicti, provided by the Art. 320 of the Criminal Code of Russia: the author analyses the problems of definition of an object and a victim, socially dangerous act that constitutes an objective aspect and establishment of features of subject and mental aspect.

Key words: official, information about security measures, disclosure.

Уголовно-правовой запрет на разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (далее – разглашение сведений о мерах безопасности), является важной правовой мерой, направленной на предотвращение преступного воздействия на особую категорию потерпевших и рассекречивания сведений о способах и приемах обеспечения их безопасности и/или уже предпринятых мер безопасности.

Данное преступление нередко предшествует посягательству на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). При этом, как и многие посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов остаются не раскрытыми или просто не устанавливаются, факты разглашения сведений о

мерах безопасности, применяемых в отношении искомой категории потерпевших, остаются латентными [6, с. 2-3].

За последние 15 лет в Российской Федерации официально было зарегистрировано только два преступления, предусмотренных ст. 320 УК РФ: по одному в 2003 и 2005 гг. Несмотря на это, сравнительно малое количество зарегистрированных преступлений названной категории во все не свидетельствует о незначительности или «беззубости» нормы, призванной охранять порядок управления и лиц, его обеспечивающих.

Невозможно проигнорировать то, что деяние обладает высокой степенью общественной опасности, будучи многообъектным, посягающим на специфическую категорию потерпевших, непосредственно задействованных в управленческих отношениях и выступающих при этом гарантом

стабильности государства и общества в целом, а также вовсе не задействованных в обеспечении порядка управления, но потенциально виктимных из-за личных взаимоотношений с должностным лицом правоохранительного или контролирующего органа близких лиц.

Традиционно обязательным признаком состава деяния, предусмотренного ст. 320 УК РФ, выступает объект преступления.

Имеется точка зрения о том, что им являются общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения конфиденциальности сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также их близких [7]. Очевидно, что при таком толковании непосредственного объекта не учитывается важнейшая составляющая – безопасность деятельности особой группы государственных управленцев, которую, безусловно, призвана обеспечивать норма уголовного закона, закрепленная в ст. 320. Фактически центральным звеном становится обеспечение конфиденциальности сведений о мерах безопасности, хотя, по нашему убеждению, оно лишь «вторично» применительно к отношениям безопасности.

Эффективная управленческая деятельность должностного лица правоохранительного или контролирующего органа без должной правовой защиты невозможна. Если бы законодатель исходил из того, что анализируемое преступление посягает на отношения, охраняющие тайну какой-либо информации, он не стал бы помещать его в гл. 32 УК РФ, концентрирующую нормы, охраняющие порядок управления и, соответственно, безопасность лиц, его обеспечивающих. Поэтому считаем, что норма, предусмотренная ст. 320 УК РФ, охраняет не специфичную информацию, а отношения безопасности должностных лиц правоохранительных или контролирующих органов, а также их близких, нарушаемую в результате разглашения определенных сведений, являющиеся, в свою очередь, предметом анализируемого состава преступления.

Сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких, могут представлять собой информацию о личной охране и/или охране жилища и имущества, выдаче оружия, изменении места работы, службы и/или учебы, переселении на другое место жительства и другом, предусмотренном ст. 5 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц

правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 № 45-ФЗ (далее – ФЗ № 45-ФЗ).

Конфиденциальность сведений о мерах безопасности может обеспечиваться одновременно со вступлением в должность или назначением на должность потенциальных потерпевших. К их числу, в частности, относятся прокуроры, сотрудники учреждений и органов ФСИН России, сотрудники ФСБ России и другие лица, названные в ст. 9 ФЗ № 45-ФЗ.

При этом нужно иметь в виду, что разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи или участников уголовного процесса, не охватывается анализируемой нормой и квалифицируется по ст. 311 УК РФ как преступление против правосудия.

Следует подчеркнуть, что уголовный закон не ограничивает потерпевших должностными лицами правоохранительного или контролирующего органа и относит к ним близких данных лиц. Под близкими лицами традиционно понимаются отец, мать, лица, их заменяющие, родные и двоюродные братья и сестры, родные тети и дяди, супруг или супруга, а также их родственники, иные лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, и о чем заведомо знает виновное лицо.

Преступным признается разглашение сведений о мерах безопасности, образующее объективную сторону анализируемого состава преступления.

Разглашение представляет собой сообщение сведений, которые должны быть сохранены в тайне, хотя бы одному постороннему человеку, который должен быть заинтересован в получении этих сведений [9, с. 656] и не имеет права на ознакомление с ними [1, с. 547].

Оно может быть как устным, например в беседе, разговоре по телефону, демонстрации документов или иных носителей информации, так и письменным, когда разглашение осуществляется в форме переписки, обмена документами, в т.ч. электронными, и с использованием электронных средств связи, завуалированной письменной форме, при которой виновный в разглашении предоставляет третьим лицам возможность ознакомиться с конфиденциальной информацией, содержащейся на письменных носителях, без выхода ее из распоряжения этого субъекта (прочитать, скопировать на любой носитель информации и т.д.).

Суть общественно опасного деяния предполагает и возможность публичной формы раз-

глашения, когда с конфиденциальной информацией может ознакомиться еще кто-то, помимо третьего лица (в т.ч. неопределенный круг лиц). Это может быть выступление на телевидении или интернет-конференции и т.п., но в присутствии двух и более так называемых третьих лиц.

Разглашение может быть совершено с использованием незащищенных технических средств либо технических средств, сигнал которых может быть перехвачен (телефонов, факсов и т.п.).

Пассивная форма (оставление носителей сведений о мерах безопасности в таком положении, когда посторонние лица получают возможность ознакомиться или воспользоваться такой информацией) также образует объективную сторону рассматриваемого состава преступления. Но ее нужно отграничивать от нарушения правил обращения с такой информацией.

Разглашение требует, чтобы постороннее лицо понимало смысл полученных им сведений и имело способность не только воспринимать информацию, но и возможность ею распорядиться в дальнейшем. Когда такое лицо не обладает названными признаками, деяние виновного является покушением на преступление, предусмотренное ст. 320 УК РФ.

Время совершения данного преступления имеет особое значение для квалификации. Решение о применении мер безопасности принимается на основании соответствующей информации о наличии угрозы безопасности защищаемого лица. В срок не более трех суток принимается решение о применении в отношении потерпевшего мер безопасности, а при не терпящем отлагательства случае – незамедлительно. При этом о принятом решении выносится соответствующее постановление с указанием конкретных мер безопасности и сроков их осуществления.

Таким образом, моментом, с которого возможно совершение данного преступления, выступает вынесение постановления о применении мер безопасности соответствующим органом государственной власти. При устранении угрозы безопасности защищаемого лица либо в случае возникновения иных оснований для отмены мер безопасности также выносится мотивированное постановление (ст. 18 ФЗ № 45-ФЗ). Оно, в свою очередь, свидетельствует об отпадении необходимости применения мер безопасности, а следовательно, возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ.

В.С. Комиссаров полагает, что «для рассматриваемого преступления не является обя-

зательным наличие специальных признаков субъекта (обладание сведениями в связи со служебной деятельностью). Следовательно, субъектом может быть любое лицо, отвечающее общим требованиям субъекта, предусмотренным ст. 19-23 УК» [9, с. 657]. Однако мы не разделяем это мнение и считаем, что субъектом может быть лишь лицо, наделенное помимо общих и специальным признаком – не только вменяемое и достигшее шестнадцатилетнего возраста, но и такое, которому сведения о соответствующих мерах безопасности были доверены или стали известны по службе или работе (о чем косвенно свидетельствует и ст. 19 ФЗ № 45-ФЗ).

Таким образом, лицо, которому сведения о мерах безопасности стали известны случайно, и он их впоследствии разгласил, должен нести ответственность по иным статьям уголовного закона, например если ими воспользовались убийцы должностного лица правоохранительного органа, за пособничество в совершении его убийства (ч. 5 ст. 33, ст. 317 УК РФ) при условии умышленности деяния виновного.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 320 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла и особой целью – воспрепятствование служебной деятельности должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, т.е. стремление виновного прервать или прекратить такую деятельность [3].

Часть 2 ст. 320 предусматривает повышенную ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 этой статьи, повлекшее тяжкие последствия. Поскольку это понятие является оценочным, не конкретизированным в самом уголовном законе, то его содержание определяется в зависимости от определенных обстоятельств. К числу возможных тяжких последствий относятся смерть потерпевшего, вред его здоровью, уничтожение или повреждение его имущества в крупном размере [3; 1, с. 548], причинение значительных материальных затрат на устранение последствий разглашения сведений о мерах безопасности, смерть сотрудника, обеспечивающего безопасность защищаемого лица [2, с. 899; 8, с. 576].

Тяжкие последствия должны находиться в причинной связи с разглашением искомых сведений.

Таким образом, квалифицированный состав является материальным: преступление будет окончено с момента наступления тяжких последствий.

Что касается формы вины при квалифицированном разглашении сведений о мерах безопасности, то мнение о ней неоднозначно.

Так, А.И. Чучаев полагает, что «вина по отношению к ним может выражаться в виде легкомыслия или небрежности» [1, с. 548], А.В. Бриллиантов, в свою очередь, идет по другому пути, считая, что «субъективная сторона

этого состава может характеризоваться виной в виде прямого или косвенного умысла, а также двумя формами вины» [4].

Однако мы разделяем мнение Р.А. Сабитова, который утверждает, что «психическое отношение виновного к этим последствиям характеризуется умыслом или неосторожностью» [5].

Литература

1. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007.
2. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: НОРМА, 2002.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова [Электронный ресурс]. М.: Проспект, 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова [Электронный ресурс]. М.: Проспект, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева [Электронный ресурс]. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Посков С.Я. Расследование разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012.
7. Рудый Н.К. Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2007. Сент. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск: ОМА МВД России, 2000.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Олимп; АСТ, 1997.

УДК 343.231

О.В. Ермакова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ermakova_alt@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Несмотря на то, что объект преступления выступает основным элементом состава, вопрос о его понятии относится к числу наиболее сложных. В представленной статье автором рассматриваются существующие в различные исторические периоды теории объекта преступления, а также выделяются их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: состав преступления, объект преступления, общественные отношения.

O.V. Ermakova, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: ermakova_alt@mail.ru

CHARACTERISTICS OF THE MAIN THEORIES OF CRIME

Despite the fact that the object of the crime is the main element of the corpus delicti, the question about its concept is among the most complex. In this article the author discusses theories of object of crime existing in different historical periods, and highlights their advantages and disadvantages.

Key words: corpus delicti, object of crime, social relations.

Проблема объекта преступления является одной из основополагающих в науке уголовного права и вместе с тем наиболее спорной. Ввиду особой значимости объект преступления находится в поле зрения ученых со времен становления уголовно-правовой науки и до настоящего времени.

В русском языке термин «объект» употребляется в нескольких смыслах. Объектом считается, во-первых, то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, т.е. внешний мир, окружающая действительность; во-вторых, явление, на которое направлена какая-либо деятельность; в-третьих, то, что является местом какой-либо деятельности [8, с. 96]. Для понимания объекта преступления представляют интерес первые два значения этого термина. Первое показывает, что объект противостоит лицу, совершающему преступление (субъекту), на него, т.е. вовне по отношению к собственной персоне, виновный направляет свои противоправные усилия. Второе значение позволяет понять, что объект является сферой приложения этих усилий, именно он претерпевает отрицательные изменения (вред) или ставится в непосредственную угрозу причинения вреда. Поэтому в самом об-

щем виде объектом преступления является то, на что направлена преступная деятельность лица и чему объективно преступлением причиняется вред либо создается угроза причинения такого вреда.

Учение об объекте преступления на разных этапах развития было представлено несколькими теориями.

Теория объекта преступления как субъективного права

Возникновение теории субъективных прав связывают с творчеством французских просветителей второй половины XVIII в. Уже в трактате Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) сформулирована мысль о том, что «преступления, которые, по мнению людей, не наносят им непосредственного ущерба, не интересуют их настолько, чтобы вызвать всеобщее негодование против виновных. Отсюда и очевидный вывод – каждое сознательное существо интересуется только тот ущерб, который наносится ему самому».

Идеи просветителей о естественных правах дали толчок к развитию теории объекта преступления как субъективного права. Наиболее последовательно данная теория разработана в трудах

одного из виднейших ученых Германии Ансельма Фейербаха, полагавшего, что объектом преступления являются субъективные права лица – жизнь, здоровье, честь, собственность и т.п.

Теория объекта преступления как субъективного права нашла своих последователей в лице В.Д. Спасовича, С.М. Будзинского, А.Ф. Кистяковского, П.Д. Калмыкова и др. Однако в трудах русских правоведов указанная теория в значительной степени трансформировалась, и в качестве объекта преступления стало рассматриваться не субъективное право как таковое, а человек, группа лиц [5, с. 5].

А.Ф. Кистяковский утверждал, что «объектом преступления может быть, вообще говоря, только человек со всеми правами и учреждения, которые им как существом общественным создаются».

В настоящее время исследуемая теория также имеет своих последователей. Так, Г.П. Новоселов, признавая человека с его индивидуальными физическими и духовными чертами, с разными взглядами, убеждениями, умениями и возможностями, основным началом общества и его самой высокой ценностью, полагает, что именно конкретного человека и все его ипостаси (жизнь, здоровье, свободу, права, условия жизни, его семью и т.д.) следует рассматривать в качестве объекта преступления [3].

Ввиду того, что теория, согласно которой объектом преступления выступает субъективное право или человек (личность), находит своих сторонников и в наши дни, необходимо установить, является ли она обоснованной и верной. Для этого следует определить понятие, структуру и содержание субъективного права, а также решить вопрос о возможности рассмотрения личности как объекта преступления.

Субъективное право имеет своим содержанием возможность или меру возможного поведения. Сущность данного права состоит в том, что указанная возможность обеспечена, гарантирована юридически и обусловлена обязанностью других лиц.

Субъективное право можно определить как юридически обеспеченную, обусловленную обязанностью другого лица (лиц) меру возможного поведения, заключающуюся в возможности совершения положительных действий самим управомоченным (в т.ч. пользование благом), а также в возможности требовать определенного поведения от обязанного лица – в целях удовлетворения интереса.

Определив понятие субъективного права, необходимо выяснить, можно ли рассматривать

его в качестве объекта преступления. Полагаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно по следующим соображениям:

1. Субъективное право не может быть нарушено преступлением непосредственно. Преступное воздействие может осуществляться либо на личность, либо на материальное благо, либо путем разрыва социальной связи, т.е. на те явления, которые не входят в содержание субъективного права. Видимо, осознавая это, И.А. Клепицкий определил субъективное право через понятие общественного отношения, структуру которого и образуют вышеперечисленные явления. Но данный подход не может быть признан верным.

2. Если мы утверждаем, что существуют общественные отношения, реализация интересов в которых происходит без посредства субъективных прав, то последние вообще не нарушаются в результате преступных посягательств на такие общественные отношения. Из этого следует вывод, что существует нечто, не относящееся к субъективным правам, но при этом являющееся объектом преступления.

3. «Субъективное право, – как правильно заметил С.В. Познышев, – недоступно посягательству преступника; так, например, вор лишает собственника обладания вещью, но не права собственности на данную вещь; и собственник может требовать вещь как свою, как скоро найдет ее» [5, с. 6-7].

Прежде чем давать оценку позиции тех авторов, которые рассматривают в качестве объекта преступления человека (личность), необходимо раскрыть содержание данных понятий.

Понятие «человек» имеет три значения: человек как биологическая единица; человек как субъект конкретного общественного отношения и человек как общее понятие, как социальное явление, сущность которого состоит в совокупности общественных отношений.

Термин «личность» используется в двух значениях: личность как человеческий индивид, субъект отношений и сознательной деятельности; личность как устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества. Первое определение личности дает функциональную характеристику человека, второе – сущностную.

Итак, можно ли рассматривать человека (личность) в качестве объекта преступления? Думаем, что на этот вопрос можно ответить положительно, если рассматривать человека как социальное явление и личность – как понятие, отражающее сущность человека (индивидуаль-

ное сосредоточие и выражение общественных отношений). Однако каким именно объектом преступления (общим, родовым, видовым или непосредственным) следует считать человека (личность) в указанных значениях?

По нашему мнению, рассматривать человека (личность) в качестве общего объекта преступлений не совсем верно, поскольку им, несмотря на общий характер понятия человека (личности), не охватывается вся совокупность общественных отношений, охраняемых УК РФ. Понятием «человек» («личность») определяется совокупность общественных отношений, субъектом каждого из которых выступает конкретный человек. Однако существуют преступления, посягающие на общественные отношения, субъектами которых являются такие социальные образования, как общество, государство, человечество и др. Конечно, последние состоят из конкретных людей, но все же выступают самостоятельными субъектами общественных отношений, качественно отличающимися от отдельного человека. На наш взгляд, правильнее рассматривать человека как социальное явление (личность) только в качестве родового объекта преступлений. Не случайно раздел VII Уголовного кодекса назван «Преступления против личности».

Если признать в качестве непосредственного объекта преступления человека как носителя прав и интересов, то нельзя будет провести классификацию преступлений, в основе которой лежит различие объектов, поскольку люди в рассматриваемом значении равны. Для построения системы преступлений придется использовать различную значимость интересов и субъективных прав, различную ценность благ, являющихся предметом этих прав и интересов, т.е. те явления, которые в совокупности образуют общественное отношение.

Нормативная теория объекта преступления

Нормативное направление в праве, философской основой которого послужили идеи И. Канта, берет свое начало в работах Х. Кельзена и Р. Штаммлера. Применительно к уголовному праву «нормативизм» был интерпретирован германскими учеными К. Биндингом, Э. Белингом и др.

В России данная теория была воспринята и использована для разработки положений учения об объекте преступлений Н.С. Таганцевым, И.Я. Фойницким, П.С. Белогриц-Котляревским, А.Ф. Кистяковским, Н.Д. Сергиевским, Д.Н. Круглевским [5, с. 20].

«Определяя преступное деяние, – писал Н.С. Таганцев, – как посягательство на право-

вую норму в ее реальном бытии или, другими словами, как посягательство на правоохраненные интересы жизни, мы тем самым устанавливаем и понятие об объекте преступного посягательства: таковым является заповедь или норма права, нашедшая свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраняемом этой нормою интересе жизни» [6, с. 102].

Рассматривая в качестве объекта преступления норму права, сторонники данной теории, однако, считали, что преступное деяние наряду с правом нарушает еще и другие явления, которые также следует считать объектом преступления.

Концепция объекта преступления как нормы права подвергалась критике представителями других направлений, как дореволюционного уголовного права, так и постреволюционного. Во-первых, данная теория вольно или невольно отрывала юридическую форму явления от его материального содержания. И как показала практика правоприменения, а также дальнейшие теоретические исследования, нормы права не могут быть признаны объектом посягательства. Во-вторых, по причине того, что преступление в некоторых случаях посягает на такие общественные отношения, которые правом не регулируются (например, некоторые половые отношения и пр.). В-третьих, как указывал Г.П. Новоселов, в данной концепции отождествляются разные понятия, поскольку то, что обозначается «нормой права», подразумевается «правоохраняемые интересы» [4, с. 5].

В-четвертых, уголовно-правовые отношения отсутствуют до момента совершения преступления, как не существует и объекта этого правоотношения. Объект преступления, напротив, всегда существует до совершенного на него преступного посягательства и независимо от последнего. Другими словами, уголовно-правовая норма не может охранять объект, которого нет в реальной действительности [7, с. 201].

Теория объекта преступления как правового блага

Достаточно интересной представляется теория, согласно которой для определения объекта преступления используются понятия «благо» или «правовое благо».

Данная теория, основанная на аксиологических философских воззрениях, разрабатывалась в Германии. Ее основные идеи, сформулированные Биндингом, позже были переработаны Листом, Кеслером, Гельшнером, Майером. Русская уголовно-правовая мысль также восприняла эту теорию (Н.Д. Сергиевский, А.Н. Круглевский,

Л.С. Белогриц-Котляревский, С.Н. Познышев и др.) [5, с. 20].

Следует отметить, что сторонники теории правовых благ не приводят конкретного критерия, по которому та или иная разновидность благ признается объектом преступления. По нашему мнению, путь решения этой проблемы содержится в определении блага. Если понимать блага как реализованные ценности, выступающие в качестве предмета интересов (субъективных прав) или объекта общественных отношений, то в качестве таковых можно рассматривать вещи, действия управомоченного или обязанного лица (например, действия имущественного характера могут выступать объектом некоторых обязательственных отношений).

Таким образом, к благам следует отнести вещи, действия, идеальные блага, субъективные права. Вместе с тем, на наш взгляд, представляется неверным рассмотрение сторонниками теории правовых благ указанных предметов и явлений в качестве объектов преступлений, поскольку только рассмотрение их в качестве структурного элемента соответствующих общественных отношений позволит выстроить их правильную систему и, соответственно, систему преступных посягательств. Отсутствие четкого критерия, согласно которому в качестве объекта определенного преступления должно признаваться то или иное благо, приводит к тому, что одно преступление в ряде случаев посягает на несколько основных объектов (благ).

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что теория правовых благ не может быть положена в основу определения понятия и содержания объекта преступления. Несмотря на многочисленные недостатки, некоторые ее положения имеют большое значение. Понятие блага в предложенном нами смысле можно использовать для определения объекта (предмета) общественного отношения. Кроме того, нельзя отрицать роль благ как элемента общественных отношений. Во многом благо определяет содержание последних, их ценность (значимость), а следовательно, и место конкретного отношения, охраняемого УК РФ, в системе объектов преступления.

Теория объекта преступления как общественного отношения

Некоторые положения теории объекта преступления были сформулированы К. Марксом в «Дебатах по поводу закона о краже леса». В доктрине уголовного права рассматриваемая теория сформировалась в 20-е гг. XX в., и до настояще-

го времени она разделяется большинством ученых России.

Общественные отношения представляют собой определенные виды и формы поведения индивидов и социальных групп, организаций, органов публичной власти в процессе производства, общения и познания. В философской и социологической литературе наиболее распространено мнение, что составными элементами любого общественного отношения являются: 1) носители (субъекты) отношения; 2) предмет, по поводу которого существует отношение, т.е. факторы, опосредующие его возникновение и существование; 3) социальная связь как содержание отношения, представляющая собой общественно значимую деятельность субъектов [1, с. 87].

Общественные отношения как объект преступления – не есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. Поскольку общественные отношения – категория социальная, они подвержены изменениям, адекватным современному состоянию жизни в обществе. Поэтому перечень и содержание объектов преступления меняется с изменением экономической, общественно-политической и социально-культурной обстановки.

Далеко не все существующие в данный момент общественные отношения являются объектами преступлений. Объектом преступления становится только жизненно важное, объективно необходимое и обладающее высокой степенью социальной ценности общественное отношение (отношения, складывающиеся по поводу жизни, здоровья, половой неприкосновенности личности, ее свободы, внешней и внутренней безопасности государства и т.п.). Некоторые общественные отношения защищаются только уголовным правом (например, отношения по поводу половой неприкосновенности личности), иные – и другими отраслями (например, отношения собственности). В последнем случае общественные отношения являются объектом уголовно-правовой охраны не всегда, а лишь при наиболее опасных нарушениях, например когда способами гражданско-правовой защиты собственности (скажем, виндикацией) восстановить их не представляется возможным [8, с. 96].

Поскольку сами общественные отношения представляют собой вид социальной связи, они недоступны для непосредственного воздействия. Поэтому вред объекту преступления причиняется путем повреждения, уничтожения или искажения одного из его элементов. Способы воздействия на объект преступления следующие:

1) воздействие на субъекты общественного отношения (людей), которое может быть психическим (например, оскорбление) и физическим (например, причинение вреда здоровью, подмена ребенка, изнасилование);

2) воздействие на предмет отношения (например, в преступлениях против собственности), которое может сопровождаться повреждением этого предмета, если он материален (уничтожение или повреждение чужого имущества), но может и не сопровождаться таковым (например, хищение);

3) разрыв социальной связи, т.е. содержания общественного отношения. В данном случае возможны следующие варианты:

- изменение своего социального статуса путем исключения себя из общественного отношения. Так, при побеге из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК) виновный посягает на общественные отношения по реализации судебного или иного процессуального акта путем самовольного исключения себя из рассматриваемого отношения;

- издание неправомерного акта. Например, если дознаватель, вынося обвинительный акт,

привлекает к уголовной ответственности человека, явно, очевидно не причастного к совершению конкретного преступления (ст. 299 УК), тем самым он нарушает отношения, обеспечивающие реализацию конституционных принципов осуществления правосудия;

- невыполнение обязанности, возложенной на виновного законом, положением, приказом или вытекающей из его социального статуса как участника охраняемого отношения либо из его собственного предшествующего поведения. Так, неоказание помощи больному (ст. 124 УК) есть невыполнение обязанности совершения определенных действий участником общественного отношения, существующего по поводу обеспечения здоровья больного [2, с. 25].

По нашему мнению, трактовка объекта как общественных отношений достаточно универсальная, верная по существу и соответствующая законодательству. Соответственно, объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда.

Литература

1. Винокуров В.Н. Объект преступления: история и современность. Красноярск, 2009.
2. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
3. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра наук. Екатеринбург, 2001.
4. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001.
5. Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 1994.
7. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2009.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. М., 2013.

УДК 351.745:343.85

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ С ГРАЖДАНАМИ В ОБЛАСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В представленной статье раскрываются проблемы и возможные формы взаимодействия участковых уполномоченных полиции с гражданами в области профилактики преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, а также комплексные меры по предупреждению пьяных преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие, участковый уполномоченный полиции, преступления в состоянии опьянения.

R.A. Semeniuk, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

INTERACTION OF POLICE COMMISSIONERS WITH CITIZENS FOR THE PREVENTION OF CRIMES COMMITTED INTOXICATED

The presented article describes problems and possible forms of cooperation of police commissioners with citizens for the prevention of crimes committed intoxicated, as well as comprehensive measures to prevent crime in a drunken state.

Key words: interaction, police commissioner, crime intoxicated.

В настоящее время к числу приоритетных задач государственной политики по профилактике алкоголизма и наркомании в России относятся: переориентирование населения на ведение трезвого образа жизни, формирование нетерпимости общества к проявлениям злоупотребления алкогольной продукцией [4]; выработка адекватных мер противодействия наркотрафику на территории Российской Федерации; обеспечение надежного государственного контроля за легальным оборотом наркотиков и их прекурсоров; создание государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков с приоритетом мероприятий первичной профилактики; совершенствование системы оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией и др. [5].

Во многом выполнение этих задач зависит от деятельности участковых уполномоченных полиции. При несении службы на административном участке участковые уполномоченные обязаны взаимодействовать с общественными объ-

единениями и гражданами в сфере предупреждения правонарушений, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, участвовать в наблюдении за лицами, больными алкоголизмом или наркоманией [2]. Это необходимо в целях получения информации о преступлениях и административных правонарушениях, совершаемых, в частности, в состоянии опьянения.

При этом участковым уполномоченным полиции при выполнении своих функциональных обязанностей необходимо учитывать общественное мнение, которое может рассматриваться как критерий уровня социальной безопасности и правовой защищенности человека [3, с. 19].

Под взаимодействием органов внутренних дел с общественностью понимается совместная деятельность, воздействие друг на друга сотрудников органов внутренних дел и граждан, общественных формирований и других социальных структур в целях противодействия преступности [1, с. 4].

Сегодня на территории России в силу роста пьяной преступности актуализируется проблема взаимодействия участковых уполномоченных полиции с гражданами в целях профилактики преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Однако имеется ряд причин, затрудняющих вышеуказанное взаимодействие и снижающих эффективность деятельности участковых уполномоченных полиции. А именно:

- высокий уровень пьянства и наркомании в семейно-бытовой сфере и общественных местах;
- отсутствие анализа преступлений, совершаемых в состоянии опьянения на территории административного участка;
- несвоевременное привлечение к административной ответственности за правонарушения, совершаемые в состоянии опьянения;
- не в полной мере применяются превентивные меры привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство, потребление алкогольной продукции, наркотических средств в общественных местах либо к уголовной ответственности за побои, истязания, угрозу убийством, которые могут предотвратить более тяжкие насильственные преступления.

В последние годы в нашей стране наблюдается проблема привлечения граждан к сотрудничеству. В основном это связано с пассивной позицией населения, со снижением моральных принципов и уровня правосознания, усилением нравственно-правового нигилизма, отрицательным отношением к сотрудникам полиции. Мы согласны с мнением, что в целях нейтрализации этих проблем следует укрепить доверие населения к органам внутренних дел [1, с. 4] и прежде всего к участковым уполномоченным полиции.

Для укрепления доверия по отношению к полиции необходимо информировать граждан о ее деятельности; обеспечивать участие граждан в охране общественного порядка, а наиболее активных – поощрять, создавать благоприятный имидж полиции. Особую роль в этом играют средства массовой информации, телевидение и радиовещание, которые, к сожалению, чаще показывают сотрудников полиции с негативной, нежели позитивной стороны.

В итоге в обществе сложился низкий уровень авторитета участковых уполномоченных и других работников полиции, который, несомненно, следует повышать. Ведь большая часть сотрудников полиции честно выполняет свой служебный долг. Поэтому сегодня назрела необходимость показывать работников полиции как храбрых и профессиональных сотрудников. Это повысит их работоспособность, уверенность в ста-

бильности и общественной полезности своей служебной деятельности.

В настоящее время основным нормативным документом, регламентирующим порядок и условия участия граждан в охране общественного порядка, является Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который предусматривает следующие формы: участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности [6].

Основными формами взаимодействия участковых уполномоченных полиции с гражданами по предупреждению пьяных преступлений, по нашему мнению, могут быть следующие:

1) профилактический обход административного участка, в процессе которого гражданам разъясняются меры предосторожности, личной, имущественной и виктимологической безопасности в целях недопущения и пресечения пьяных преступлений, а также необходимость недопущения конфликтного поведения с лицами, находящимися в состоянии опьянения. Граждане, в свою очередь, могут информировать представителей власти об известных им фактах пьянства и наркомании, противоправной деятельности, асоциального поведения лиц, проживающих на территории участка.

Следует убеждать граждан в сотрудничестве с органами внутренних дел, проводить разъяснительную работу о том, что без помощи населения невозможно добиться успешной профилактики пьянства, драк, скандалов и иных конфликтов на его почве. Это должно быть не только в интересах сотрудников полиции, но и самих граждан;

2) индивидуальная профилактическая работа с лицами, склонными к пьянству, алкоголизму и наркомании и ранее совершавшими пьяные преступления. Данную работу следует проводить как при проверке подучетных и поднадзорных граждан по месту жительства, так и в процессе выявления и документирования правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения;

3) патрулирование, проведение совместных рейдов с гражданами по профилактике пьянства, алкоголизма и наркомании.

Привлекая население к охране правопорядка, органы власти реализуют двойную функцию: с одной стороны, повышают уровень социального контроля на улицах и тем самым снижают криминогенный потенциал уличного пространства, с другой стороны, повышают правосознание граждан, степень их гражданской ответственности.

сти, формируют правильные социальные взгляды [7, с. 26].

По нашему мнению, можно отметить следующие комплексные меры, направленные на повышение уровня взаимодействия участковых уполномоченных полиции с гражданами в области предупреждения пьяных преступлений:

- информирование граждан о негативных последствиях алкоголизма либо наркомании;

- индивидуальная профилактическая работа с рецидивоопасными личностями: лицами, освободившимися из мест лишения свободы, эмоционально неуравновешенными, склонными к агрессивному поведению, насилию под воздействием алкоголя либо наркотиков;

- активизация деятельности общественных пунктов охраны порядка, оказывающих помощь органам внутренних дел в профилактике пьянства и наркомании, в осуществлении контроля за соблюдением правил торговли алкогольной продукцией, в выявлении случаев распространения наркотических средств, а также лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества;

- осуществление общественного контроля за соблюдением законодательства о трудовой дисциплине и условиях труда в целях профилактики пьянства, наркомании и других негативных явлений. В учебных заведениях и трудовых коллективах нами предлагается воссоздать общественное воздействие на правонарушителя, осуществляемое руководством организаций с участием участковых уполномоченных полиции;

- налаживание доверительных отношений с гражданами, в частности с дворниками, сторожами, охранниками, работающими в общественных местах, во дворах, на объектах. Это необходимо в целях выявления и привлечения к юридической ответственности лиц, ведущих асоциальный либо антиобщественный образ жизни.

Реализация вышеперечисленных мер будет способствовать установлению позитивных взаимоотношений с гражданами, местными общественными организациями и формированиями; повышению статуса участкового уполномоченного полиции, работающего непосредственно с населением, знающего проживающий контингент, асоциальные и антиобщественные категории лиц, склонных к совершению преступлений и административных правонарушений в состоянии опьянения.

Также при осуществлении деятельности по профилактике преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, следует учитывать, что они тесно связаны с такими видами преступлений, как рецидивные, среди несовершеннолетних, против личности, против собственности, в сфере семейно-бытовых отношений, против общественного порядка и общественной безопасности, против порядка управления. Поэтому эффективность профилактики пьяных преступлений во многом будет зависеть от эффективности проведения мероприятий по предупреждению и пресечению иных вышеперечисленных видов преступной деятельности.

Литература

1. Взаимодействие органов внутренних дел с населением, средствами массовой информации и общественными формированиями: учеб. пос. / под ред. С.А. Тимко. Омск, 2009.

2. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Рос. газ. 2013. 27 марта. № 65.

3. Киричек Е.В. Правовое регулирование, основные формы, проблемы и перспективы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3.

4. Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р // СЗ РФ. 2010 г. № 2.

5. Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2015).

6. Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ // Рос. газ. 2014. 4 апр. № 77.

7. Прокументов Л.М., Рачкова Н.М. Уличная преступность: понятие, характеристика и профилактика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2.

УДК 343.57

В.А. Терентьева, канд. юрид. наук
Кемеровский государственный университет
e-mail: terent@list.ru;

М.А. Панкова
Кемеровский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В данной статье проанализированы некоторые проблемы применения норм, регулирующих наказуемость деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств. Особое внимание уделено определению предмета в ст. 228 и 228.1 УК РФ, а также разграничению таких действий, как перевозка и пересылка, и соотношению их с целью сбыта.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, перевозка и пересылка наркотических средств.

V.A. Terentjeva, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Kemerovo State University
e-mail: terent@list.ru;

M.A. Pankova
Kemerovo State University

SOME FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES, ASSOCIATED WITH DRUG TRAFFICKING

This article analyzes some problems of the application of the rules governing the punishable acts in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs. Special attention is paid to the definition of subject in Art. 228 and 228.1 of the Criminal Code of Russia, as well as to the distinction of such actions as transportation and forwarding, and correlation of them with intent to sell.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, transportation and forwarding of narcotic drugs.

Деяния, предусмотренные ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ, относятся к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, т.е. к общественно опасным деяниям, которые выражаются в нарушении правовых норм, обеспечивающих здоровье населения, и причиняют им существенный вред или создают угрозу его причинения. Таким образом, данные преступления посягают не только на здоровье конкретного человека, но и общества в целом.

В наши дни происходит активное распространение наркомании и, соответственно, рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Таким образом, большое значение приобретает правильная квалификация данных деяний и правильное применение норм

действующего уголовного законодательства, которые предусматривают ответственность за совершение указанных преступлений.

В первую очередь установлению подлежат конститутивные признаки составов, предусмотренных ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ. Одним из главных элементов составов этих преступлений, вызывающих затруднения на практике, на наш взгляд, является предмет преступления. В него входят наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги, оборот которых запрещен на территории РФ в силу законодательства и международных договоров, а также наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, которые подлежат контролю в РФ. Перечень данных средств и веществ утвержден постановлением Правительства РФ от 30 июня

1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

В момент принятия УК РФ 1996 г. в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 228-233 УК РФ, указывались только наркотические средства и психотропные вещества. Но впоследствии с развитием общественных отношений, с появлением возможностей производства новых видов психоактивных препаратов был принят Федеральный закон от 8 декабря 2003 г., в котором в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 УК РФ, стали фигурировать также аналоги наркотических средств и психотропных веществ. К данным веществам законодатель стал относить запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

Таким образом, благодаря научно-техническому прогрессу с каждым годом законодателю приходится постепенно расширять предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Проблему составляет сложная и долгая процедура включения нового вещества в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, подлежащих контролю в РФ, утвержденный постановлением Правительства от 30 июня 1998 г.

На международном уровне такая процедура закреплена в ст. 3 Единой конвенции о наркотических средствах, принятой в Нью-Йорке 30 марта 1961 г., передающая все полномочия по решению данного вопроса Всемирной организации здравоохранения. Что же касается Российской Федерации, здесь мы можем наблюдать принятие множества постановлений Правительства о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств (например, изменения в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681) и автоматические изменения в постановлении Правительства

РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, которое утверждает значительные, крупные и особо крупные размеры для вышеперечисленных веществ. Таких изменений только за 2013 г. было шесть.

И, наконец, предмет преступлений, предусмотренных данными статьями, претерпел последние изменения 1 января 2013 г. с принятием Федерального закона от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в силу которого законодатель криминализировал деяния, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, производством, сбытом или пересылкой прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконным приобретением, хранением, перевозкой, производством, сбытом или пересылкой растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих вышеперечисленные вещества (ст. 228.3 и ст. 228.4 УК РФ). Ранее ст. 228-228.1 УК РФ требовали расширительного толкования, т.к. данные предметы прямо в них названы не были.

Преступления, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, производством, сбытом или пересылкой прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры, достигли такой общественной опасности, стали настолько повторяющимися, к тому же получили широкое распространение, что вызвали ответную реакцию со стороны общества, которая выразилась в формальном уголовно-правовом запрете, устанавливаемом законодательными (представительными) органами государства. Все вышесказанное свидетельствует о наличии безусловных оснований для криминализации указанных деяний в отношении прекурсоров. Полагаем, что нет возможности иными правовыми и организационно-техническими средствами ограничить распространение данных деяний. Следовательно, криминализация целесообразна.

Вторая не менее важная проблема, обозначившаяся в ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ, касается объективной и субъективной стороны данных преступлений, а именно видов представленных в статьях альтернативных действий и целей их совершения.

Значительные изменения коснулись правовой регламентации деяний, предусмотренных ст. 228 УК РФ. Изначально законодатель выделил в самостоятельные составы незаконные действия с наркотическими средствами и психо-

тропными веществами без цели сбыта (ст. 228) и незаконные действия с ними в целях сбыта (ст. 228.1), а также нарушение правил законного оборота с названными средствами и веществами (ст. 228.2); затем дополнил перечень предметов преступления аналогами наркотических средств и психотропных веществ; существенно расширил в ст. 228 УК РФ перечень незаконных действий с наркотиками без цели сбыта и заметно сузил в ст. 228.1 УК РФ перечень незаконных действий в целях сбыта.

Так, действия, предусмотренные ст. 228 УК РФ, должны быть совершены без цели сбыта, как прямо отмечено в норме закона, а в ст. 228.1 УК РФ, напротив, установлена ответственность только за незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, где цель сбыта при производстве данных действий прямо не указана. Постановление Пленума ВС РФ № 14 от 15.06.2006 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» акцентирует внимание на разницу в субъективной стороне таких действий, как перевозка и пересылка.

Под перевозкой понимается перемещение без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо его части, содержащие такие вещества, из одного места в другое, в т.ч. в пределах одного и того же населенного пункта, совершенное с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, а также в нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного ст. 21 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», т.е. при отсутствии лицензии на данный вид деятельности либо без наличия документа, выданного аптечной организацией и подтверждающего законность получения наркотических средств и психотропных веществ.

Незаконная пересылка заключается в действиях лица, направленных на перемещение адресату наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих такие вещества, но другими средствами доставки, например в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта,

когда перемещение осуществляется без непосредственного участия отправителя. При этом ответственность лица по ст. 228.1 УК РФ как за окончательное преступление наступает с момента отправления письма, посылки, багажа и т.п. с содержащимися в нем указанными средствами, веществами или их аналогами, такими растениями либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, независимо от получения их адресатом [1].

Перевозка и пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов – очень близкие понятия по своему фактическому содержанию. Перевозка, как и пересылка, обычно осуществляется специально привлеченными для этого лицами – наркокурьерами, целью является распространение наркотиков и расширение их рынка сбыта. Кроме того, М.Л. Прохорова подчеркивала, что «уголовная ответственность за перевозку наступает, прежде всего, для наркокурьеров, перевозящих при себе партии наркотиков для их дальнейшего распространения» [2, с. 160]. А перемещение любым способом наркотиков (будь то перевозка или пересылка) от места приобретения к месту личного потребления, напротив, не выходит за рамки приобретения (либо хранения) и не обладает свойством повышенной опасности.

В связи с тем, что УК РФ предусмотрена ответственность за перевозку и пересылку наркотиков только без цели сбыта (ст. 228 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ), возникает сложность при квалификации деяний, когда лицо перевозит наркотики в целях сбыта или пересылает их с такой целью. Получается, что буквальное толкование норм УК РФ позволяет избежать повышенной уголовной ответственности лицам, осуществляющим перевозку или пересылку наркотиков с целью сбыта, что требует усиления ответственности.

А.И. Рарог предлагал для устранения подобного алогизма исключить из ст. 228 УК РФ перевозку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, поскольку она не выходит за рамки их незаконного приобретения, и одновременно дополнить ст. 228.1 УК РФ указанием на незаконные хранение, приобретение, изготовление, переработку и перевозку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, обусловив ответственность за них целью сбыта [3, с. 40].

Соглашаясь в общих чертах с мнением А.И. Рарога, можно выдвинуть предложение о включении действия «перевозка» в ст. 228.1 УК

РФ с указанием на цель сбыта, т.к. если перевозка осуществляется без цели сбыта, она действительно фактически не выходит за рамки незаконного хранения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Проанализировав составы преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, мы пришли к выводу о том, что данные нормы и практика их применения требуют дальнейшего исследования и совершенствования.

Литература

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 (ред. от 23.12.2010) № 14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2015).
2. Прохорова М.Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2001.
3. Рарог А.И. Уголовно-правовое обеспечение борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 5 (13).

УДК 343.9.022:343.301

В.В. Тулегенов, канд. юрид. наук, доцент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

e-mail: vtulegenov@rambler.ru

ЗАХВАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

В статье рассматриваются вопросы детерминации криминального профессионализма в политической сфере, в частности рассматривается захват политической власти как нелегальный инструмент разрешения имеющихся противоречий и его криминогенное значение.

Ключевые слова: детерминанты, захват политической власти, криминальный профессионализм, политическая борьба, причины, условия.

V.V. Tulegenov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant professor

Vladimir Law Institute of the Federal Penal System

e-mail: vtulegenov@rambler.ru

SEIZURE OF POLITICAL POWER AS A DETERMINANT OF CRIMINAL PROFESSIONALISM

The article deals with the determination of the criminal professionalism in the political sphere, in particular the seizure of political power is considered as an illegal instrument resolution the contradictions, and its criminogenic value.

Key words: determinants, seizure of political power, criminal professionalism, political struggle, causes, conditions.

В современной отечественной действительности одна из существенных угроз для государства и общества исходит от адептов «цветных революций». Так, Президент России В.В. Путин 4 марта 2015 г. на расширенном заседании коллегии МВД России отметил: «Вместе с тем действия экстремистов становятся всё более изощрёнными. Сталкиваемся мы и с попытками использовать так называемые «цветные технологии» – от организации незаконных уличных акций до открытой пропаганды вражды и ненависти в социальных сетях. А цель очевидна – спровоцировать гражданские конфликты, ударить по конституционным основам нашего государства, по суверенитету страны в конечном итоге. Важно мгновенно реагировать на любые сигналы о готовящихся акциях экстремистов, проводить соответствующие профилактические действия, профилактическую работу, особенно в молодёжной среде» [10]. Данная угроза приобрела особую актуальность в свете событий, имевших место в Киеве на Майдане Незалежности в период с ноября 2013 по февраль 2014 г., когда в действиях радикальной части протесту-

ющих, совершивших незаконный захват власти, усматриваются признаки ряда составов преступлений. Безусловно, эти радикалы обладали криминальным профессионализмом, позволившим им на протяжении длительного времени противостоять сотрудникам милиции и военнослужащим внутренних войск. Иными словами, криминальный профессионализм первых одержал победу над легальным профессионализмом вторых. Думается, что в этой связи одной из главных задач правоохранительных органов является сдерживание субъектов политической борьбы в социально-приемлемых рамках и принятие соответствующих мер в случае нарушения закона вообще и уголовно-правовых запретов в частности.

Разработка объяснительной модели захвата политической власти, на основании которой можно будет впоследствии разработать эффективные предупредительно-профилактические меры, требует скрупулезного научного анализа данной проблематики. В настоящей работе мы попытаемся проанализировать криминогенное значение захвата политической власти.

Первоначально следует уточнить ряд понятий, которыми мы будем оперировать в работе. В настоящее время существует некий диссонанс между общенаучным подходом по отношению к понятию «профессионализм», предполагающим, что это свойство деятельности, и криминологическим подходом, предполагающим, что криминальный профессионализм представляет собой вид деятельности. Так, А.И. Гуров под криминальным профессионализмом понимает разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего контакты с антиобщественной средой [4, с. 40]. Мы же считаем, что криминальный профессионализм являет собой не вид деятельности, а свойство деятельности. В противном случае существующий диссонанс порождает логическую неопределенность, препятствует унифицированию современного терминологического поля, а также обуславливает разночтения в теории юриспруденции, законодательной и правоприменительной деятельности [12, с. 25-34].

Исходя из того, что криминальный профессионализм – это свойство деятельности, а также из анализа современной теории криминального профессионализма, мы предлагаем следующее определение криминального профессионализма. Криминальный профессионализм это особое свойство личности, позволяющее ей с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния.

В свою очередь под политикой мы понимаем одну из форм деятельности по управлению общественными отношениями и связями, возникающими между людьми в процессе создания материальных и духовных ценностей [11, с. 422]. Соответственно, деятельности по управлению общественными отношениями и связями предшествуют процессы, направленные на завоевание власти. Данные процессы получили название – «политическая борьба». Политическая борьба представляет собой сложное общественно-политическое явление, направленное на переход (завоевание) власти определенной политической группировки (классом) в интересах достижения определенных политических, экономических, военных и других интересов [1, с. 70]. Необходимо отметить, что политическая борьба является одним из институтов демократического общества. Нормативно-ценностную основу политической борьбы образует политическая культура, под которой пони-

мается существующий в каждом обществе в конкретный период времени набор убеждений, символов и ценностей, связанных с политической системой [11, с. 422]. Рассматривая политическую культуру, нельзя не отметить, что в отличие от традиционной культуры ей характерна высокая изменчивость. Высокая изменчивость политической культуры обуславливается, с одной стороны, новым мировым порядком, заключающимся в стремлении золотого миллиарда подчинить себе всю мировую экономическую систему, а с другой стороны, перманентным реформированием российской политической системы. Своеобразной стигмой изменчивости политической культуры является возникновение большого количества терминов, обозначающих как трансформированные политические отношения, так и новые политические явления («революция роз», «оранжевая революция», «арабская весна», «евромайдан», «русская весна», «цветные революции», «цветные технологии», «мусорная люстрация» и т.д.). При этом необходимо иметь в виду, что набор убеждений, символов и ценностей при определенных условиях достаточно легко может быть изменен. Соответствующие алгоритмы описаны одним из идеологов «цветных революций» Джином Шарпом [13].

После уточнения понятийного аппарата можно перейти непосредственно к рассмотрению детерминант криминального профессионализма в политической сфере. С точки зрения причин и условий криминального профессионализма нас интересуют процессы, имеющие место в политической сфере и обуславливающие криминальный профессионализм. К данным процессам мы относим следующие:

- 1) политическая борьба как социальный процесс;
- 2) процесс захвата политической власти;
- 3) политические процессы, направленные на удержание власти;
- 4) получение преференций от обладания политической властью.

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть процесс захвата политической власти как детерминанту криминального профессионализма. Думается, что для сотрудников правоохранительных органов и в первую очередь для сотрудников органов внутренних дел понимание сущности политической борьбы является залогом успешного предупредительно-профилактического воздействия в отношении таких общественно опасных форм преступной деятельности, какими являются преступления

террористического характера и экстремистской направленности.

Как было замечено выше, политическая борьба – это сложное общественно-политическое явление. Думается, что данное явление может приобретать различные формы, иметь различные временные рамки, интенсивность, может использовать различные методы и инструменты. Естественно, что сложность политической борьбы обуславливает перманентную трансформацию легальной деятельности в уголовно-наказуемую. Соответственно, спектр этих трансформаций достаточно широк. Апогеем политической борьбы является захват власти. Разумеется, что захват политической власти является кратковременным явлением и выступает в качестве составляющей более широкого явления – политическая борьба. Однако политическая борьба и захват политической власти в системе детерминант криминального профессионализма существенно отличаются друг от друга по временным рамкам, степени интенсивности и используемым методам и инструментам. Поэтому захват политической власти выделяется в качестве самостоятельного процесса.

В новейшей истории России было две попытки государственного переворота, направленные на захват политической власти.

Первая попытка, не увенчавшаяся успехом, была предпринята высшими должностными лицами Советского государства (членами Государственного комитета по чрезвычайному положению) в августе 1991 г. Трудно дать уголовно-правовую оценку деятельности членов ГКЧП, поскольку они были амнистированы в соответствии с постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии», и в отношении них не был вынесен приговор суда. А в отношении единственного отказавшегося от амнистии бывшего замминистра обороны СССР, главкома сухопутных войск генерала армии Валентина Варенникова впоследствии был вынесен оправдательный приговор [9]. Кроме того, события августа 1991 г. имели ненасильственный характер, решением ГКЧП были введены войска в Москву, но огнестрельное оружие не применялось, массовых беспорядков и иных массовых нарушений общественного порядка совершено не было, чего не скажешь о второй попытке государственного переворота сентября-октября 1993 г.

Вторая попытка, также не увенчавшаяся успехом, была результатом противостояния

Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и Правительства, с одной стороны, и членов Верховного Совета Российской Федерации во главе с вице-президентом А.В. Руцким и председателем членов Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатовым, с другой стороны. Не будем подробно рассматривать сущность политического противостояния, но хотелось бы отметить, что уголовно-правовая оценка участникам политического противостояния также дана не была, поскольку все его участники были амнистированы в соответствии с постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии». Однако в отличие от событий августа 1991 г. в Москве активно применялось стрелковое оружие, артиллерийские орудия, работали снайперы, захватывались учреждения, имели место массовые беспорядки, были жертвы как среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, так и среди гражданского населения. Тем самым можно сделать следующее предположение, учитывая, что участники противостояния находились по большей мере в состоянии правового вакуума, соответственно, их действия в ряде случаев были незаконными, и, участвуя в политическом конфликте, исполняя заведомо незаконный приказ, они проявили не легальный, а криминальный профессионализм. В то же время данный тезис остается только предположением ввиду того, что государство не дало уголовно-правовой оценки действиям участников событий сентября-октября 1993 г. Впоследствии это политико-правовое явление было названо новым криминологическим термином «бунтовская преступность» [5, с. 32-38].

В то же время богатым научным материалом для представителей общественных наук стали события на постсоветском пространстве, а именно захват власти, имевший место в Киеве на Майдане Незалежности в период с ноября 2013 по февраль 2014 г. События получили название «Евромайдан» или «Майдан». Смеем высказать предположение, что понятие «Евромайдан» или «Майдан» стало в общественных науках некой общепонятной доминантой, нивелировавшей иные термины, обозначающие криминальные процессы захвата политической власти, в частности введенный в научный оборот термин «бунтовская преступность».

Мы полагаем, что криминальный профессионализм был одним из главных инструментов, используемых в захвате власти. Данное предпо-

ложение подтверждается судебными решениями, вынесенными в отношении членов всеукраинской организации «Тризуб» имени Степана Бандеры, являвшейся основой для неформальной правозкстремистской группировки «Правый сектор», а именно: «23 июля 1997 года Тернопольский областной суд приговорил одного из руководителей «Тризуба» И. Суту к двум годам лишения свободы условно по статье 187-6 УК Украины за создание незаконного военизированного формирования. 16 ноября 1998 года Львовским областным судом к небольшим срокам заключения за организацию акций гражданского неповиновения приговорены активисты местного «Тризуба» Е. Филь и В. Деревлянко. Одновременно определением суда сам «Тризуб» признан незаконным военизированным формированием, подлежащим ликвидации... А в течение января 1999 года в районе села Словятин Бережанского района Тернопольской области трижды проходил «спортивно-боевой вышкол» «Тризуба», в котором принимали участие несколько десятков человек. Местные органы МВД вынесли организаторам «вышкола» официальное предупреждение» [7]. Таким образом, у активных членов военизированного формирования «Тризуб» была сформирована система знаний, умений и навыков, которая использовалась ими для незаконного захвата власти.

Помимо этого, криминальный профессионализм подтверждается и тем, что первоначально часть участников евромайдана достаточно активно вооружалась, используя подручные средства: «Свидетели указывают на характерные особенности самодельного вооружения боевиков – палки, дубины, топоры, которые были модернизированы для увеличения поражающего эффекта путем наваривания на них железных шипов, кусков циркулярной пилы, увеличения рукояток бытовых топоров и др. Широко использовалось травматическое оружие, пневматические винтовки с оптическими прицелами, переоборудованные ракетницы и т.д. На достаточно высоком уровне было организовано производство «коктейлей Молотова», куда добавляли специальные составляющие, приближавшие их поражающие свойства к напалму» [2, с. 10]. Данные факты свидетельствуют о наличии умысла на причинение вреда жизни и здоровью сотрудникам правоохранительных органов и иным лицам.

В дальнейшем вооруженность боевиков перешла на качественно иной уровень, что повысило их криминальный профессионализм и, соответственно, общественную опасность: «Одна-

ко достаточно быстро активисты-боевики получили элементы штатной армейской или специальной экипировки и средств индивидуальной защиты (бронежилеты, шлемы, каски). Значительная часть из них также получила огнестрельное оружие: малокалиберные винтовки, обрезы, разнообразное гладкоствольное оружие, пистолеты Макарова, автоматы Калашникова. В большом количестве последние появились после захватов районных отделений милиции в западных областях Украины. На Евромайдане было организовано производство самодельных взрывчатых устройств» [2, с. 11].

Помимо хорошей вооруженности нельзя не отметить, что группы боевиков были сплочены, хорошо физически подготовлены и имели соответствующие психологические установки, что, безусловно, повышает степень их криминального профессионализма. Вот, например, так описываются боевики: «К этой группировке относятся преимущественно молодые люди с радикальными правыми взглядами из разных регионов Украины... Они преимущественно носят защитные маски, шлемы и защиту на руках и ногах. Также при себе они имеют палки или железные прутья на случай атаки отрядов спецназа. В Киеве костяк организации составляют русскоязычные футбольные фанаты, которые поддерживают националистические взгляды» [8]. Впоследствии криминальный профессионализм боевиками был реализован в добровольческих вооруженных формированиях, так называемых территориальных батальонах, входящих в состав Национальной гвардии [3], во время боевых действий на территории Донецкой и Луганской области.

Аналогичными характеристиками обладали и так называемые «титушки»: «Титушки» (укр. – «тітушки») – это собирательный термин, которым на Украине в последнее время обозначают молодых людей спортивного телосложения и в спортивных костюмах, выступающих в роли провокаторов либо «защищающих» гражданские акции. Само слово произошло от фамилии спортсмена Вадима Титушко, ставшего прообразом типичного «титушки» – провокатора» [6]. По всей видимости, боевики Правого сектора целенаправленно готовились к совершению указанных действий, а для так называемых «титушек» это был криминальный способ заработать «легкие деньги».

Мы полагаем, что противоречия между бюрократическими и олигархическими подсистемами внутри украинского общества и соответствующая заинтересованность внешнеполитиче-

ских сил обусловили неконституционный насильственный захват власти, основной движущей силой которого были группы людей, мотивированных на совершение уголовно-наказуемых деяний и обладавших необходимой степенью криминального профессионализма.

В заключение следует заметить, что угроза использования так называемых «цветных технологий» для инициации гражданских конфликтов, могущих негативно отразиться на

конституционных основах нашего государства и суверенитете страны, требует от сотрудников органов внутренних дел повышенной бдительности и профессионализма. Повышенная бдительность и профессионализм необходимы как для организации предупредительно-профилактической работы в отношении экстремистских организаций и их членов, так и для нейтрализации потенциально возможных массовых беспорядков.

Литература

1. Борщ А.А. Политическая борьба в современном мире // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13).
2. Григорьев М.С. Евромайдан. М.: Кучково поле, 2014.
3. Группа ультрас киевского «Динамо» вошла в батальон «Азов». URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2014/06/04/1276864.html> (дата обращения: 19.02.2015).
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
5. Кабанов П.А. Бунтовская преступность как политико-криминологическая категория // Следователь. 2000. № 2.
6. Кто такие «титишки», и почему их так называют на Украине? // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/uadontknows/1036542> (дата обращения: 19.02.2015).
7. Кукса В. Мы не фашисты, мы – радикалы // Зеркало недели. Украина. 1999. 23 апр.
8. Правый сектор: боевой отряд Евромайдана. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/01/140120_ru_s_right_sector.shtml (дата обращения: 19.02.2015).
9. Приговор Валентину Варенникову. Оправданный генерал вынес суду благодарность // Газета Коммерсантъ. 1994. 12 авг. № 150. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/86595> (дата обращения: 20.02.2015).
10. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47776> (дата обращения: 15.03.2015).
11. Словарь философских терминов / науч. ред. профессор В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2005.
12. Тулегенов В.В. Соотношение понятия «криминальный профессионализм» и «профессионализм»: опыт криминологического прочтения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4.
13. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.146

О.Е. Головкин

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: ogolovkin@rambler.ru

ОТСУТСТВИЕ УЩЕРБА ДОКАЗЫВАНИЮ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕДАЧИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ХРАНЕНИЕ

В статье поднимается проблема отсутствия в настоящее время конкретного содержания одного из основных условий передачи вещественных доказательств на хранение. Обосновывается необходимость ее разрешения. Приводятся аргументы в пользу наполнения данного условия конкретным содержанием, а именно выполнение всех необходимых следственных действий, где наличие передаваемого предмета обязательно.

Ключевые слова: хранение, вещественные доказательства, доказывание.

O.E. Golovkin

a postgraduate student of Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot

e-mail: ogolovkin@rambler.ru

ABSENCE OF DAMAGE TO PROOF AS A CONDITION OF TRANSFER OF MATERIAL EVIDENCES ON STORAGE

In the article the problem of absence of concrete maintenance of one of the main conditions of transfer of material evidences on storage at the present wakes up. It locates the need of its permission. Arguments in favor of filling of this condition by the concrete contents, namely performance of all necessary investigative actions where existence of the transferred subject obligatory are adduced.

Key words: storage, material evidences, proof.

От наличия или отсутствия ущерба доказыванию зависит отрицательное или положительное решение правоприменителя о передаче вещественных доказательств на ответственное хранение законному владельцу. Кроме того, отсутствие ущерба доказыванию как условие передачи некоторых видов вещественных доказательств формально не требуется (п. 1.1 ч. 2 ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ); пп. «а» п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК; пп. «а» п. 4.1 ч. 2 ст. 82 УПК), однако большинство практиков руководствуются им, что в свою очередь находит отражение в соответствующих актах.

Мы придерживаемся мнения, что данное условие, которое неоднократно используется в ст. 82 УПК РФ, весьма туманно [10, с. 5; 11, с. 21]. Более того, законодатель ни в УПК РФ, ни в подзаконных актах не раскрывает его содержания. Это формально позволяет охватить им практически любое основание для невозврата вещественного доказательства его законному владельцу, тем самым ставя последнего в зависимое положение от воли правоприменителя. Следствием свободного толкования данного условия являются необоснованные отказы в удовлетворении ходатайств законных владельцев по передаче вещественных доказательств им на ответственное хра-

нение, которые, в свою очередь, отменяются в судебных инстанциях [7, 16].

Следует отметить, что вещественным доказательством может быть и ценное имущество, несвоевременный возврат которого в ряде случаев несет значительный материальный ущерб его законному владельцу. Наличие данного обстоятельства в совокупности с неопределенностью одного из основных условий возврата вещественных доказательств позволяет использовать это как легитимный (материальный) рычаг для манипулирования законным владельцем вещественного доказательства (например, подозреваемым, потерпевшим и т.д.), при использовании которого возможно направить ход расследования уголовного дела в необходимую правоприменителю сторону.

Итак, под доказыванием в уголовном процессе подразумевается урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность компетентного должностного лица по собиранию, проверке и оценке доказательств [15, с. 336]. Схожей позиции придерживаются многие ученые [1, с. 96; 18, с. 298]. В свою очередь, ущерб с лингвистической точки зрения понимается как потеря, убыток, урон, т.е. отрицательный результат какого-либо действия [14, с. 674]. При совмещении этих определений следует, что ущерб доказыванию – это результат передачи вещественных доказательств, отрицательно сказывающийся на деятельности компетентного должностного лица по собиранию, проверке и оценке доказательств. Результат передачи – нахождение вещественного доказательства у законного владельца. Соответственно, в каком случае данный результат будет являться отрицательным для доказывания? По этому поводу в науке уголовного процесса имеются различные мнения.

Так, Б.Т. Безлепкин, акцентируя внимание на некоторых вещественных доказательствах, а именно на деньгах, ценностях и ином имуществе, полученном в результате совершения преступления, утверждал, что возврат их законному владельцу до вынесения итогового решения по делу будет предрешать виновность подозреваемого или обвиняемого [8, с. 25]. Представляется, уважаемый ученый имел в виду, что передача данных предметов влияет на оценку доказательств.

Мы имеем иное мнение. Данное действие не предрешает виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого), поскольку этот факт устанавливается исключительно вступившим в законную силу приговором суда. Решение о передаче вещественных доказательств данной юридической силой не обладает.

М.А. Гончаров связывает отрицательное воздействие на процесс доказывания с передачей на ответственное хранение законному владельцу вещественных доказательств в принципе [12, с. 59]. М.А. Гончаров основывается на том, что переданные предметы на стадии предварительного расследования невозможно исследовать на последующих стадиях уголовного судопроизводства (ст. 240, ст. 284 УПК РФ). Также ученый утверждает, что довольно часто возвращенные на ответственное хранение вещественные доказательства уничтожаются, реализуются, изменяются, что делает невозможным их дальнейшее использование в доказывании и т.д.

Полагаем, что аргументы М.А. Гончарова не лишены недостатков. Передача вещественных доказательств не влечет за собой лишение предмета соответствующего статуса. Передача процессуально оформляется; сведения, отображенные в предмете, не трансформируются и не уничтожаются, меняется лишь субъект и место хранения. Законный владелец вещественного доказательства письменно предупреждается о необходимости сохранения предмета до вступления в силу приговора суда. Соответственно, у субъекта, ведущего производство по уголовному делу, имеются все основания при возникновении соответствующей необходимости повторно использовать переданный предмет в доказывании (например, при установлении новых обстоятельств уголовного дела, проверка которых требует назначения повторной судебной экспертизы и т.д.). Однако согласимся, что возможна реализация, уничтожение или изменение переданных предметов. В основном на данный факт как на возможное негативное последствие для доказывания после передачи предметов ссылаются многие ученые и практики [13, с. 132; 17, с. 31]. Представляется, что одним из вариантов минимизации указанных последствий, по нашему мнению, может стать совершенствование как уголовного, так и уголовно-процессуального закона в части ответственности законного владельца за умышленную порчу, уничтожение, реализацию таких предметов до принятия итогового решения по делу.

В итоге ущерб доказыванию в большинстве своем не связан напрямую с передачей вещественных доказательств в общем или отдельного их вида. Более того, выполнение данного действия значительно повысит эффективность защиты прав и законных интересов потерпевших, ускорит возмещение им вреда, причиненного преступлением [9, с. 10].

В свою очередь, анализ судебных решений по результатам рассмотрения жалоб на отказ органов

предварительного расследования и суда в передаче вещественных доказательств на хранение законному владельцу, обоснованных наличием в данном случае ущерба для доказывания, показывает некую закономерность. Суды оставляют жалобы законных владельцев без удовлетворения, а обжалуемые решения без изменения в том случае, если аргументация данных решений представлена в виде перечня необходимых следственных действий, провести которые невозможно, если предмет будет передан [2, 4], и наоборот, если данной аргументации не содержится [5, 6]. Это вполне логично, поскольку отсутствие предмета порождает невозможность проведения тех следственных действий, где его наличие обязательно (например, осмотр, предъявление для опознания, назначение и производство судебной экспертизы и т.д.). В связи с этим доказывание своевременно и в полном объеме произвести невозможно.

Подводя итог, можно утверждать, что сам по себе факт передачи вещественных доказательств в большинстве случаев ущерба доказыванию не несет. Ущерб происходит при преждевременной

передаче вещественных доказательств, т.е. без производства всех необходимых (необходимость должна обуславливаться доказыванием, а не оттягиванием момента передачи предмета его законному владельцу) следственных действий, возможность выполнения которых напрямую зависит от непосредственного наличия передаваемых предметов. Отсутствует ущерб доказыванию при совершении данных следственных действий. Соответственно, указание данного условия в законе поможет исключить необоснованные отказы в передаче на хранение вещественных доказательств их законному владельцу.

Итак, в целях достижения вышеуказанной цели подп. «б» п. 1, п. 1.1, подп. «а», п. 2, подп. «б» п. 4, подп. «а» п. 4.1 и подп. «б» п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ представляется изложить следующим образом: «возвращаются их законному владельцу, если при этом дальнейший ущерб доказыванию исключен произведенными ранее необходимыми следственными действиями, возможность выполнения которых зависела непосредственно от наличия данных предметов».

Литература

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пос. / под. ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право. 2014.
2. Архив Московского областного суда. Д. № 22к-4853/2011.
3. Архив Московского областного суда. Д. № 22к-6681/2010.
4. Архив Московского областного суда. Д. № 22к-5165/2010.
5. Архив Московского областного суда. Д. № 22к-5449/2012.
6. Архив Спасского Районного Суда Рязанской области. Д. № 3/10-6/2014.
7. Архив Спасского Районного Суда Рязанской области. Д. № 3/10-6/2014.
8. Безлепкин Б. Хранение и решение судьбы ценных вещественных доказательств по уголовному делу // Советская юстиция. 1977. № 17.
9. Белкин А.Р. Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого (начало) // Мировой судья. 2012. № 1.
10. Боруленков Ю.П. К вопросу о субъектах процессуального познания и доказывания // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. 2006. № 2.
11. Боруленков Ю.П. К вопросу о понятии «вещественное доказательства» // Уголовное судопроизводство. 2012. № 4.
12. Гончаров М.А. Незаконный возврат вещественных доказательств // Законность. 2012. № 3.
13. Долгополов И.Н. Проверка порядка учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей, иного имущества, изъятых по уголовным делам // Актуальные вопросы деятельности контрольно-ревизионных подразделений МВД России: мат-лы Всерос. совещания-семинара рук-лей контрольно-ревизионных служб подразд-ий системы МВД России. Домодедово: ВИПК МВД России. 2009.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.
15. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009.
16. По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 г. № 9 // Рос. газ. 2008. 1 авг. № 163.
17. Таранко Д. Хранение, оценка и достаточная реализация вещественных доказательств по делам о контрабанде // Законность. 2007. № 7.
18. Уголовно-процессуальное право: учебник для магистров / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2012.

УДК 343.211

А.А. Лукьянова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: lok_doc@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена проблемам защиты личности от незаконных действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Автором проанализированы существующие научно-теоретические подходы, действующее законодательство и практические комментарии, касающиеся обеспечения права личности на судебную защиту, в свете принятия в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ.

Ключевые слова: административная юстиция, личность, обеспечение прав личности, право на судебную защиту, обжалование, уголовный процесс.

A.A. Lukyanova

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

e-mail: lok_doc@mail.ru

ADMINISTRATIVE JUSTICE IN THE MECHANISM OF ENSURING THE HUMAN RIGHTS TO JUDICIAL PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to human protection against unlawful actions and decisions of officials conducting criminal proceedings. The author analyzes the existing research and theoretical approaches, current legislation and practical comments concerning the right of individuals to judicial protection in light of adoption of the Administrative procedure Code of the Russian Federation in 2015.

Key words: administrative justice, identity, protection of human rights, right to relief in court, appeal, criminal proceeding.

Консолидируя нормы международного права, Конституция РФ гарантирует признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина со стороны государства (ст. 2), а также вместе с провозглашением основных прав и свобод устанавливает требование судебной защиты нарушенных прав (ст. 46). Судебная защита прав и свобод является эффективной и неотъемлемой составляющей уголовно-процессуального понятия «механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека», предложенного В.Ю. Мельниковым [7, с. 12].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает в гл. 16 УПК РФ процедуру обжалования процессуальных действий и решений, в т.ч. в судебном порядке. Обжалование, являющееся средством защиты прав, свобод и законных интересов личности, в толковании норм УПК РФ проходит с целью

устранения допущенного нарушения (ч. 5 ст. 125). Вместе с тем устранение нарушения закона может не включать в себя возмещение причиненного имущественного и морального вреда, в полной мере восстановления в нарушенных правах. В этом случае уголовно-процессуальный закон (ч. 3 и 5 ст. 133) отсылает нас к нормам гражданского законодательства. Статья 1070 ГК РФ предусматривает в ч. 1 возмещение причиненного вреда лицу, незаконно привлеченному к уголовной ответственности или незаконно подвергнутому применению мер пресечения, а также в ч. 2 в целом оговаривает порядок возмещения вреда от незаконных действий органов, осуществляющих судопроизводство.

Обратившись к нормам ГПК РФ, мы увидим две интересующие нас формы производства. Первая форма – производство по делам, возник-

кающим из публичных правоотношений, которым гражданин может воспользоваться в случаях, если закончился правовой инструментарий УПК РФ по защите и обжалованию незаконных действий и процессуальных решений. Вторая форма гражданско-процессуального производства – исковое производство, в которой человек заявляет требования о возмещении причиненного вреда.

Федеральный закон от 08.03.2015 № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства РФ» признает утратившим силу с 15.09.2015 подраздел ГПК РФ, регламентирующий порядок производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Вопросы об оспаривании действий и решений должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, теперь переданы в ведение административного судопроизводства.

Вопрос о создании административной юстиции в России для решения публичных споров обсуждается уже давно. Так, профессор Ю.Н. Стариков обращает внимание на существующие серьезные претензии граждан к работе правоохранительных органов: обращения людей содержат просьбы ускорить получение решения суда, принять меры по фактам совершенных преступлений [11, с. 107]. Действительно, найти граждан, недовольных работой системы правопорядка, в частности порядком судопроизводства, можно во все времена. А.Н. Приженникова называет административную юстицию определенной формой правовой защиты граждан, призванной не допускать тирании государства над личностью, а ее правовое закрепление считает крайне значимой в целях защиты прав человека в публичных спорах [10, с. 54]. В.П. Есенова полагает, что процессуальный механизм, способный обеспечить защиту прав и законных интересов граждан в публично-правовых отношениях, является важнейшей правовой гарантией, имеющей конституционно-правовую основу [3, с. 9]. А.С. Ускова определяет основное содержание института административной юстиции – судебный контроль над законностью действий органов (должностных лиц) публичной администрации [12, с. 137].

Судебная защита прав граждан в спорах с органами государственной власти, к коим относится и система, осуществляющая судопроизводство, – одна из важнейших задач, обозначенных Президентом РФ В.В. Путиным в 2012 г. [4]. В целях её разрешения на смену закона РФ

4866-1 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» 8 марта 2015 г. был принят Кодекс административного судопроизводства РФ, регламентирующий процедуру судопроизводства по вопросам нарушенных прав. Так, статья 218 Кодекса среди оснований для судебной защиты граждан предусматривает не только факт нарушения права, но также когда нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности [5]. Отдельной категорией становится производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Глава 18 УПК РФ, регулирующая институт реабилитации, среди прочего также предусматривает право любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, на возмещение вреда в рамках уголовного процесса. Отдельным направлением остается установленный в ч. 5 ст. 133 УПК РФ порядок гражданского судопроизводства по вопросам, связанным с возмещением вреда в иных случаях.

Для рационализации и правильности применения ч. 3 и 5 ст. 133 УПК РФ следует детально разделить два вышеуказанных и исключенных из процесса реабилитации основания возмещения вреда, хотя формально и причиненного лицу в ходе судопроизводства, но во втором случае подпадающие под компетенцию административной юстиции и гражданского процесса путем предъявления иска.

Первым внереабилитационным основанием для возмещения вреда является факт незаконного применения мер процессуального принуждения. В Комментариях к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» содержатся разъяснения, разграничивающие порядок реабилитации, возмещение вреда от действия мер принуждения, рассматриваемые в уголовно-процессуальном порядке, и возмещение морального вреда в денежном выражении, решение по которому относится к компетенции гражданского судопроизводства [6]. Таким образом, вопрос компенсации морального вреда в денежном выражении от действий и процессуальных реше-

ний в ходе судопроизводства также выходит за рамки уголовного процесса.

Кроме того, возмещение имущественного вреда в контексте неполученной заработной платы и иных выплат, возмещения затрат за оказание юридической помощи также упоминается Верховным Судом РФ только относительно лица, подвергнутого уголовному преследованию, оставляя вне правового поля иных лиц, которым такой вред был причинен в результате незаконных действий и процессуальных решений в ходе уголовного судопроизводства. Так как закрепленное в УПК РФ участие защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, не предусматривает оплату его труда из средств федерального бюджета, то данные затраты падают на плечи лица, которое еще не наделено статусом подозреваемого, но фактически в нем находится. В случае если действия и процессуальные решения должностных лиц на этапе доследственной проверки будут признаны незаконными, то у лица по логике вещей должно возникать право на возмещение вреда.

Спорной остается проблема определения границ мер процессуального принуждения с позиции судебной практики и теории уголовного процесса. Так, В.В. Николок в своем диссертационном исследовании полагает, что понятие мер процессуального принуждения для целей возмещения вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ следует толковать расширительно – как любые принудительные процессуальные (в т.ч. следственные) действия [8]. С её мнением соглашается А.В. Верещагина, мотивируя это тем, что поскольку мера процессуального принуждения не может быть применена к любому лицу, то относительно ч. 3 ст. 133 УПК РФ следует также говорить о производстве следственных действий (обыска, выемки и т.п.), сопряженных с ограничением прав и свобод личности и с процессуальным принуждением в отношении любого лица, не имеющего процессуального статуса [1], в т.ч. при применении принуждения в ходе оперативно-разыскных мероприятий, используемых в доказывании [2]. Следовательно, такая позиция значительно расширяет перечень случаев возмещения вреда от действий и процессуальных решений должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства, рассматриваемых в рамках уголовного процесса.

Напротив, Верховный Суд РФ разъясняет, что среди иных существующих случаев права

на возмещение вреда в рамках гражданского судопроизводства остаются факты причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, а также при причинении вреда лицам, к которым при производстве по уголовному делу непосредственно меры процессуального принуждения не применялись [9]. Учитывая, что Верховный Суд РФ входит в круг непосредственных правоприменителей, то нам не составляет труда предположить, каково будет фактическое применение права.

Обратимся также к понятию «задержание» как способу ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, осуществляемому оперативными сотрудниками ОВД. Система уголовного судопроизводства и оперативно-разыскной деятельности зачастую пересекаются и имеют общий целеполагающий объект – обстоятельства, связанные с совершением преступления, но разные задачи и направления деятельности. Если должностное лицо, осуществляющее судопроизводство, руководствуется нормами уголовно-процессуального законодательства, то оперативные подразделения опираются на ФЗ «Об ОРД». Хотя в данном нормативном акте не предусмотрено применения задержания в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, это не исключает того, что оперуполномоченные, исполняя задачи по выявлению и раскрытию преступлений и установлению лиц, их совершивших, не могут фактически ограничить право гражданина на свободу. В этом случае правоприменители как сотрудники полиции руководствуются ст. 14 ФЗ «О полиции», которая предоставляет им право производить задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления. Обжалование правомерности действий и решений сотрудников полиции производится в порядке ст. 53 ФЗ «О полиции», что опять же не исключает возможности обращения к административной юстиции в случаях, когда правового инструментария, регламентирующего деятельность полиции, и в частности оперативных сотрудников, не хватает для защиты нарушенных прав и свобод.

Таким образом, механизм обеспечения права личности на судебную защиту в рамках уголовного процесса (уголовно-процессуальной деятельности), на наш взгляд, включает в себя три варианта обжалования (оспаривания) действий и процессуальных решений, возмещения причиненного вреда и восстановления в нарушенных правах, а именно:

- обжалование в рамках уголовного процесса;
- обращение в суд в порядке гражданского искового производства по вопросам возмещения вреда;
- оспаривание действий и решений должностных лиц в целях защиты прав, свобод и законных интересов в рамках административного судопроизводства (административной юстиции).

Значимость административной юстиции заключается в том, что ее методы используются, когда заканчивается существующий уголовно-процессуальный правовой инструментарий, что расширяет возможности судебной защиты. Вме-

сте с этим введение административной юстиции может некоторым образом затруднить сам процесс защиты, возмещения вреда и восстановления в правах, т.к. в этом случае лицу необходимо оспорить действие (решение) в административном судопроизводстве, а затем вернуться в гражданский процесс с иском о возмещении вреда. Несмотря на это, дальнейшее изучение административной юстиции в системе уголовного процесса необходимо для правильного и эффективного применения соответствующих норм в целях реализации конституционного права личности на судебную защиту.

Литература

1. Верещагина А.В. Практическая значимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о реабилитации (гл. 18 УПК РФ) // Уголовное право. 2012. № 4.
2. Верещагина А.В. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2008. № 6.
3. Есенова В.П. Развитие административной юстиции в России: новое время старые проблемы // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 31.
4. Из Послания Президента РФ Федеральному Собранию в 2012 году. URL: <http://kremlin.ru/news/17118>.
5. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева [Электронный ресурс]. М.: НОРМА, 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
8. Николок В.В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
9. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (в ред. от 02.04.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Приженникова А.Н. О разграничении понятий «административное судопроизводство» и «административная юстиция»: российские традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 2.
11. Стариков Ю.Н. Принцип законности и административная юстиция в «правовом поле» России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 2.
12. Ускова А.С. Перспективы развития административной юстиции в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35.

УДК 343.9:378.634

В.М. Мешков, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

**ОБ ОСНОВЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ**

Данная статья затрагивает проблему подготовки специалистов для органов внутренних дел. Автор проводит исторический экскурс и сравнительный анализ существующих форм обучения будущих юристов в ведомственных и гражданских образовательных учреждениях.

Ключевые слова: учебный процесс, вуз, курсанты, сотрудник органов внутренних дел.

**V.M. Meshkov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor,
honored lawyer of Russia**
Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

**CONCERNING CRIMINALISTICS SECURING OF THE INTERNAL AFFAIRS
AGENCIES' ACTIVITIES FOR CRIMES INVESTIGATION:
REVISITING SPECIALISTS TRAINING**

This article addresses the problem of specialists training for the Internal Affairs Agencies. The author provides a historical background and a comparative analysis of existing forms of future lawyers' training in departmental and civilian educational institutions.

Key words: educational process, higher educational institution, students, internal affairs officer.

Как известно, учебный процесс в образовательных учреждениях системы МВД РФ строится на основании единых учебных планов, разработанных ДГСК МВД России. В этом их сила и слабость. Сила – в единообразии. Слабость – в невозможности внесения в них каких-либо изменений, обусловленных велениями времени и особенностями конкретного региона.

Представители гражданских вузов к слабости подготовки ведомственных юристов относят и фактор подавления инициативы обучающихся в учебных заведениях системы МВД России. По их мнению, курсанты с первых дней своего обучения привыкают подчиняться командам своих начальников, что в конечном счете сказывается на их желании выходить за рамки традиционного учебного процесса. Им можно вполне резонно возразить, т.к. определенная часть наших курсантов (по нашей субъективной оценке, это примерно ¼ от всех обучающихся) участвует в научной жизни и добивается определенных результатов. Но не секрет, что студенты гражданских вузов более раскованы и свободны, чем

наши курсанты. Их творческая инициатива не ограничена ведомственными приказами, распоряжениями, инструкциями, а также регулярными построениями, перекличками, нарядами и прочими составляющими жизни человека в погонах. Студенты гражданских вузов вольны сами выбирать, какие занятия посещать, а какие игнорировать. Главный критерий их знаний – успешная сдача семестровых испытаний. В результате такого достаточно вольного обучения студенты изначально приобретают навыки самостоятельного решения проблем, возникающих в учебе и жизни. Вероятно, именно поэтому выпускников гражданских вузов с удовольствием принимают на работу там, где необходимы не только юридические знания, но и творческие начала, обеспечивающие принятие решений в нестандартных ситуациях. К сожалению, определенная часть наших выпускников не способна работать в таких ситуациях, принимать самостоятельные решения. Более того, по отзывам действующих руководителей органов внутренних дел, некоторая часть наших бакалавров не умеет ни нала-

дить психологический контакт с потерпевшими, ни грамотно зафиксировать обстановку на месте происшествия.

Корни этого явления имеют давнюю историю. В качестве подтверждения сказанного могу привести пример из собственной практики. В 80-е гг. прошлого столетия недавнему выпускнику Горьковской школы милиции было поручено допросить уборщицу магазина, заведующая которого занималась хищениями. Сам по себе такой допрос не отличался сложностью, поэтому его проводил один сотрудник в отдельном кабинете. Через несколько минут после начала допроса мы услышали «начальственные» крики и плач женщины. Войдя в кабинет, мы обнаружили растерянного инспектора и рыдающую женщину. Инспектор нам объяснил, что ничего страшного не произошло. Он только предупредил свидетеля об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, и та разрыдалась. Женщина, успокоившись, рассказала нам, что инспектор перед допросом ей заявил, что он точно знает, что её начальница ворует, и если она не будет говорить правду, то он посадит обеих. Женщина восприняла сказанное как угрозу и, продолжая всхлипывать, повторяла: «Как так? Она ворует, а меня посадят!». После такого «допроса» пришлось бывшему выпускнику школы милиции прочитать отдельную лекцию о тактике допроса и возможностях налаживания психологического контакта с допрашиваемым. Как свидетельствуют действующие руководители ОВД, подобные провалы в подготовке юристов существуют и сейчас. Кстати, можно долго продолжать рассказ об адаптации выпускника школы милиции в отделе внутренних дел. Например, только от нас, сотрудников следственного отделения, он с удивлением узнал, что обвинение предъявляется только после возбуждения уголовного дела.

Немного о другом срезе обучения в юридических вузах страны. Традиционно обучение по уголовно-правовой специализации не только в ведомственных, но и в гражданских российских вузах осуществлялось исходя из парадигмы о подготовке юристов так называемого «широкого профиля». Предполагалось, что полученные знания позволят выпускникам ориентироваться во всех хитросплетениях, с которыми могут столкнуться правоведа. В том числе различать преступные деяния и проступки; работать с административными, гражданскими, трудовыми и иными правонарушениями; уметь выявлять, раскрывать, расследовать и доказывать все виды преступлений; поддерживать обвинение в суде, выносить

справедливые и законные приговоры; уметь квалифицированно оказать правовую помощь на всех этапах осуществления правосудия и пр.

Жизнь показала, что данная парадигма обучения юристов была для своего времени правильной, поскольку в стране существовала острая нехватка юристов. Однако по мере наполнения общественной сферы юристами «широкого профиля» всё рельефнее стали выявляться их слабые стороны. Выпускники юридических факультетов зачастую слабо ориентировались в уголовном, гражданском, трудовом, семейном праве и прочих отраслях законодательства; не имели достаточных знаний, позволяющих им расследовать правонарушения и преступления, осуществлять защиту прав и законных интересов граждан, поддерживать государственное обвинение в судах, руководить судебным процессом и т.д. Слабость подготовки юристов была обусловлена рядом объективных и субъективных факторов, в т.ч. и тем, что в вузах из них старались сделать специалистов «широкого профиля», не уделяя внимания специфике той или иной отрасли права.

На эти проблемы неоднократно обращали внимание Президент Российской Федерации, ведущие учёные и руководители судебных и правоохранительных ведомств нашей страны. Для минимизации последствий некачественного обучения юристов предлагалось организовать дополнительные экзамены на знание выпускниками вузов основ юриспруденции при замещении ими должностей, требующих основательных юридических знаний. Это – правильное решение. И оно может быть подкреплено еще одной составляющей: подготовкой юристов «узкого профиля», способных квалифицированно разбираться в какой-то определенной юридической сфере знаний. Этому требованию почти идеально отвечает подготовка магистров права, которая коренным образом отличается от подготовки бакалавров.

Из каких составляющих складывается подготовка юристов-бакалавров в настоящее время? По учебным планам подготовки бакалавров уголовно-правового направления предусматривается изучение методик расследования многих видов преступлений. В вузах МВД России, например, изучают не менее двадцати видов таких методик, в т.ч. расследование убийств, изнасилований, краж, грабежей и разбоев, вымогательства, мошенничества, взяточничества, нарушения правил пожарной безопасности, незаконного оборота наркотиков и оружия, преступлений в сфере компьютерной информации и пр. Как пра-

вило, по окончании обучения будущий бакалавр имеет общее и весьма расплывчатое представление обо всём вышеперечисленном, но конкретно – ни о чем, поскольку он не обладает достаточными знаниями ни об одном из вышеперечисленных видов расследования (и, естественно, не имеет достаточных умений и навыков для того, чтобы на практике воспользоваться своими знаниями).

Такой уровень подготовки юристов до недавнего прошлого соответствовал потребностям общества. Так, выпускники ведомственных вузов МВД России достаточно успешно востребовались не только органами внутренних дел, но и иными органами, где требовались высококвалифицированные юристы, – судами, прокуратурой, ФСБ, органами наркоконтроля, Следственным комитетом, таможней, адвокатурой, нотариатом, учебными заведениями и т.д. Однако в последние годы спрос на наших выпускников существенно сократился. Не секрет, что их всё реже приглашают работать в вышеперечисленные учреждения и органы. Да и в подразделениях МВД России для продвижения по службе от кандидатов на выдвижение нередко требуется более высокий уровень образования. Несомненным лидером получения такого образования является Академия управления МВД России, по окончании которой слушатели получают диплом менеджера-управленца, который наряду с дипломом юриста обеспечивает вполне успешное продвижение по службе. Однако далеко не все сотрудники имеют возможность поступить в данную Академию. Нередко на желание повысить свою квалификацию своё негативное воздействие оказывают проблемы, связанные с занимаемой должностью, семьей, со здоровьем и материальным достатком.

Как поступить в данных ситуациях сотруднику органов внутренних дел, желающему обеспечить себе успешную карьеру? Поскольку большинство вузов системы МВД России не располагает возможностями дальнейшего обучения, в последние годы сотрудники ОВД стали широко использовать возможности гражданских вузов, предоставляющих услуги по подготовке магистров по направлению «Юриспруденция».

Что такое магистратура? В органах внутренних дел найдется немного специалистов, имеющих диплом магистра права. Многие сотрудники полиции, в т.ч. и руководители, слабо ориентируются в особенностях подготовки магистров. А зря! Подготовка магистров права – это веление времени. Помимо того, что магистр права может претендовать на высокую должность, наличие

соответствующего диплома даёт хорошую гарантию найти работу после выхода на пенсию. Как мне представляется, недалеко то время, когда на престижную и ответственную юридическую работу будут принимать только с дипломом магистра права. В этой ситуации выпускники вузов системы МВД России могут «остаться за бортом». Что им останется делать? Один из ответов – своевременно повысить свою квалификацию путем обучения в магистратуре по одному из юридических профилей.

Обучение в магистратуре обеспечивает формирование высококвалифицированного «узкого специалиста», обладающего глубокими знаниями в определенной отрасли юриспруденции. Магистр права способен заниматься не только конкретной деятельностью (например, правоприменительной), как бакалавр, но и участвовать в научно-исследовательской работе и правотворческом процессе. Этим он резко отличается от бакалавра, обладающего широкими, но неглубокими знаниями. Юридические вузы страны в настоящее время предлагают подготовку магистров по конкретным направлениям. Например, по магистерским программам:

- «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза»;
- «Теория и история государства и права, история правовых учений»;
- «Предпринимательское, коммерческое право»;
- «Административное, финансовое право»;
- «Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право» и др.

Независимое руководство гражданских вузов более оперативно улавливает вновь возникающие потребности юридического сообщества и достаточно быстро подстраивает под них свой учебный процесс. И в этой ситуации, по нашему мнению, вузы системы МВД России не должны оставаться в стороне и продолжать готовить «юристов второго сорта», как нередко называют между собой сотрудники кадровых аппаратов юристов-бакалавров. Очевидно, что вузы МВД России располагают достаточным количеством высококвалифицированных кадров, порой превышающем количественно-качественный состав аналогичных гражданских вузов. Не подлежит сомнению, что наш профессорско-преподавательский состав способен осуществлять подготовку магистров права по большинству юридических профилей, включая и достаточно «узкие» юридические специальности. Поэтому они не должны быть отстранены от реформы юридического образования в стране,

иначе все его ниши будут заняты их коллегами из гражданских вузов, которым сейчас отдается приоритет участия в законотворчестве, в результате чего нередко рождаются «мертвые», недействующие законы, поскольку их создатели не знают закономерностей их применения. Как мне представляется, в ведомственных вузах необходимо уже сегодня прорабатывать вопросы овладения новыми учебными программами и переходить к подготовке юристов на более высоком, приближенном к магистерскому уровню, способных решать более сложные задачи, чем обеспечение общественного порядка на уровне участковых уполномоченных (для этого вообще не нужно высшее юридическое образование).

Совершенно понятно, что современная подготовка магистров права еще нуждается в совершенствовании. В частности, даже внедрение в учебный процесс вышеперечисленных магистерских программ не обеспечивает подготовку полноценного «узкого специалиста». Любой практикующий юрист подтвердит, что обучение по любому направлению (уголовно-правовое, гражданско-правовое и пр.) – это только начало освоения будущей деятельности. Для того чтобы стать специалистом, допустим, в сфере расследования преступлений или работы в администрации региона или органах самоуправления, необходимы более узкие и глубокие знания, чем те, которые сейчас предоставляют образовательные учреждения, а также как минимум двух-трехлетняя живая юридическая практика.

Поэтому программы подготовки магистра права должны быть существенно модернизированы. По моему мнению, при подготовке магистра права нужно отойти от шаблона подготовки юриста «широкого профиля» и готовить «узких специалистов». Современный магистр должен мыслить стратегически, обладать глубокими знаниями в достаточно узкой сфере юридической деятельности, которая, во-первых, соответствует потребностям самого будущего магистра, и, во-вторых, актуальна для государства. Будущий магистр не должен быть отягощен избыточными знаниями, не имеющими прямого отношения к его будущей профессии. Иными словами, зачем магистранту, принявшему решение работать после окончания вуза нотариусом, знать об особенностях расследования конкретных видов преступлений? Такие знания явно избыточны для него.

Почему я обращаю внимание на специфику подготовки магистров права? Да потому, что вузы МВД России вскоре могут прекратить использовать свои возможности в виде организа-

ции магистратуры путем обучения желающих на платной основе. Как мне представляется, это явно не отвечает ни потребностям государства и общества, ни потребностям будущих магистров, поскольку именно вузы МВД России в ряде регионов страны являются лидирующими в подготовке юристов, особенно следователей и дознавателей. Для желающих получить магистерское образование в стенах вузов МВД России целесообразно разработать индивидуальные модели подготовки магистра права, в которых следует предусмотреть основные направления их будущей деятельности. Иными словами, учебные магистерские программы должны быть разработаны исходя из потребностей обучающихся в магистратуре, а также из пожеланий руководителей региональных органов власти, правоохранительных органов и общественных организаций, нуждающихся в конкретном «узком специалисте» (желательно, чтобы такие «пожелания» были оформлены в трехстороннем договоре с заказчиком, вузом и магистрантом). Для этой цели необходимо разработать новые классификации профилей подготовки магистров, готовых непосредственно после окончания вуза без привычной переподготовки работать в органах власти и управления, в адвокатуре, в органах предварительного следствия, службе наркоконтроля, таможенных подразделениях, прокуратуре, судах и т.д.

При этом не нужно разрушать фундамент подготовки бакалавра-юриста. В интересах государства и вуза подобная подготовка необходима, кроме того, она менее затратная. Выпускники бакалавриата, безусловно, будут востребованы для работы в органах, где не требуется глубоких юридических знаний. Бакалавр должен быть готов к решению практических задач на тактическом уровне, а магистр права – на стратегическом. Иными словами, бакалавр должен быть готов к расследованию несложных преступлений, а магистр права – не только к расследованию сложных и нетипичных преступлений, но и продумывать вопросы оптимизации и алгоритмизации следственной деятельности, вопросы научной организации труда следователя, организовывать мероприятия по совершенствованию профилактической деятельности.

Подготовка магистра должна учитывать потребности конкретной личности. Будущий магистр должен иметь полное право выбрать ту специализацию, которая интересна именно ему, а не государству в целом. В первую очередь магистр должен учиться для себя. Этим он прине-

сет несомненную пользу всему обществу. Прекрасно, если желания будущего магистра совпадут с желаниями его будущего работодателя. Выражением такого желания могут стать договоры между вузом, организацией и обучающимся о подготовке магистров по конкретным, «узким» специальностям.

Полагаю, что для магистров первого года обучения, избравших один из юридических профилей подготовки, допустимо использовать типовые учебные магистерские программы, которые обеспечивают новый уровень знаний по сравнению с бакалавриатом, т.е. обучать основам методологии науки, основам информатики в юриспруденции и т.д. Но на втором году обучения магистранты должны обучаться уже по индивидуальным программам, позволяющим овладеть всей спецификой будущей профессии.

Будущему магистру, с учётом пожеланий руководителей соответствующих региональных органов власти и управления, иных организаций и общественных сообществ (если таковые проявят интерес к магистратуре), вполне оправданно предложить конкретные направления его магистерской подготовки. Такими направлениями могут быть:

- подготовка менеджеров-управленцев для органов власти и управления;
- подготовка судей и их помощников для судов общей юрисдикции;
- подготовка мировых судей;
- подготовка судей для арбитражных судов;
- подготовка специалистов для осуществления прокурорского надзора и поддержания обвинения в суде;
- подготовка нотариусов;
- подготовка адвокатов;

- подготовка следователей;
- подготовка руководителей следственных органов;
- подготовка медиаторов в гражданском или уголовном процессах и т.д.

Применительно к специфике деятельности кафедр уголовного процесса и криминалистики конкретного вуза МВД России на втором году обучения магистрантов (имеется в виду обучение на платной, возмездной основе) вполне уместно организовать обучение по следующим направлениям-специализациям:

- по проблемам взаимодействия участников уголовного процесса в ходе расследования преступлений;
- по проблемам взаимодействия судьи, прокурора, следователя, защитника со СМИ в ходе расследования преступлений и их судебного рассмотрения;
- по проблемам взаимодействия судьи, прокурора, следователя, защитника с православными, мусульманскими и иными конфессиями при осуществлении профилактической деятельности по делам о преступлениях (особенно по делам о преступлениях несовершеннолетних);
- по проблемам использования криминалистических знаний судьёй, прокурором, следователем, защитником в уголовном процессе;
- по проблемам применения достижений криминалистики в гражданском, арбитражном и административном процессах и т.д.

Соответственно, в дипломе магистра помимо записи «магистр права», профиля подготовки (уголовно-правовой, гражданско-правовой и пр.) должна присутствовать и его специализация (например, «специалист в сфере расследования преступлений»).

УДК 343.13:342.76

М.Ю. Терехов, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

И.Б. Григорьев, канд. юрид. наук

Управление стратегического развития в сфере обеспечения собственной безопасности и противодействия коррупции ГУСБ МВД России

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА КАЖДОГО НА ТАЙНУ СООБЩЕНИЙ: К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена реализации конституционно-правовых норм ограничения права на тайну сообщений в уголовно-процессуальном законодательстве. Показано, что УПК РФ содержит в себе четкий перечень законодательных ограничений конституционного права каждого на тайну сообщений при проведении предварительного расследования по уголовным делам. Это ограничение в целом отвечает общепризнанным принципам и нормам международного права и требованиям Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс, право, тайна, ограничение, контроль, запись, телефонные переговоры.

M.Yu. Terekhov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot;

I.B. Grigoriev, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Administration of strategic development in the sphere of ensuring of private security and combating the corruption of General Administration for Private Security of the MIA of Russia

RESTRICTIONS OF THE COMMON RIGHT TO MESSAGE PRIVACY: ON THE ENFORCEMENT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL NORMS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

The article is devoted to the implementation of the constitutional law of restriction of the right to messages confidentiality in the criminal procedure legislation. It is shown that the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains a clear list of legislative restrictions on the constitutional right to confidentiality of messages in the conduct of preliminary investigation on criminal cases. This restriction is generally consistent with generally recognized principles and norms of international law and the requirements of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of Russia, right, privacy, limitation, control, recording, telephone conversations.

Ключевым вопросом теории и практики обеспечения основных прав и свобод личности, их реализации является «не столько вопрос о том, какие права гарантируются человеку или гражданину, сколько о том, каковы допустимые ограничения данных основных прав» [5, с. 56].

Следует учитывать, что любое ограничение конституционного права каждого на тайну сообщений может быть допущено лишь как временная

мера и подразумевает под собой санкционированное государством законодательное сокращение количества правомочий, составляющих содержание рассматриваемого права (в противном случае такое ограничение приобретает постоянный характер и становится способом отмены тех или иных прав, свобод человека и гражданина, а в соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ «в Российской Федерации не должны издаваться зако-

ны, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина).

При этом, соглашаясь с позицией Л.Л. Беломестных, подчеркнем, что ограничение права – это «действительно законодательно санкционированное государством ограничение условий и возможностей притязать на благо, а не уменьшение самого блага, величина и качество которого представляют величину в достаточной мере постоянную» [2, с. 8-9].

Вместе с тем, по нашему мнению, законодательные ограничения – это не только специально предусмотренные в законе процедуры действительного ограничения тех или иных правомочий лица, составляющих содержание того или иного субъективного права, но и отдельные способы определения этого содержания, это законодательно установленные пределы осуществления конституционных прав и свобод.

Также следует учитывать, что «пределы осуществления конституционных прав и свобод – определенная совокупность критериев и ориентиров правомерного поведения граждан, фиксирующих границы, рамки реализуемых ими прав, в соответствии с требованиями которых граждане обязаны соотносить свои действия» [1, с. 14].

Система законодательных ограничений конституционного права каждого на тайну сообщений, по мнению авторов, в первую очередь состоит из целого ряда положений, предусмотренных самой Конституцией Российской Федерации.

Во-первых, уже упомянутая ч. 2 ст. 55 Конституции РФ содержит в себе общие положения об ограничениях прав и свобод человека и гражданина, объявляя определенного рода ущемления («отмена», «умаление») основных прав и свобод недопустимыми [4, с. 11].

Во-вторых, на основе указанных выше положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предписывает конкретные общие условия, которые должны быть выполнены при ограничении любого основного права личности, в т.ч. и права каждого человека на тайну сообщений. К таковым относятся:

- 1) ограничение должно быть представлено в строго определенной форме – федеральный закон;
- 2) ограничение может быть допустимо, только если оно служит определенным целям, указанным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «...В целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4, с. 11];

3) ограничение допустимо только в той мере, в какой это необходимо для защиты названных ценностей или достижения обозначенных целей.

В-третьих, согласно положениям ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, на взгляд автора, существует еще одно правило осуществления ограничений основных прав и свобод личности общего характера: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [4, с. 6]. В данном случае законодателем предупреждаются ситуации, при возникновении которых уже не государство в лице своих правоприменительных органов и их должностных лиц при наличии совокупности выше названных условий (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а то или иное физическое лицо, используя свое субъективное право, нарушает права, свободы и законные интересы других лиц.

В-четвертых, в соответствии с ч. 1 ст. 56 Конституции РФ в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Согласно же части 3 данной статьи не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ. Очевидно, что предусмотренное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ конституционное право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений не входит в перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению, а значит, Основной закон страны предусматривает потенциальную возможность ограничения анализируемого конституционного права каждого¹.

¹ Учитывая, что ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РФ посвящены введению режима чрезвычайного положения, логично предположить, что перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению, также имеет отношение к этому режиму, т.е. права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ, не подлежат ограничению в рамках режима чрезвычайного положения. Очевидно, что это так. Однако сама формулировка ч. 3 ст. 56 Конституции РФ более категорична: данные права и свободы не подлежат ограничению в принципе, т.е. они не могут быть ограничены не только в рамках режима чрезвычайного положения, но и любого иного. Тогда, по мнению автора, более логичным было бы включить положения, предусмотренные ч. 3 ст. 56 Конституции РФ не в ст. 56, а в посвященную ограничению конституционных прав и свобод личности ст. 55 Конституции РФ, отдельно выделив ее ч. 4, содержащую в себе эти положения.

Примечательно, что Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 № 3 (в ред. от 07.03.2005) в перечне мер и временных ограничений, применяемых при введении чрезвычайного положения, не содержит ни одного упоминания об ограничении права каждого на тайну сообщений, не говорит о тех или иных «чрезвычайных» случаях ограничения самой тайны сообщений [10].

И только постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 895 «Об утверждении положения о приоритетном использовании, а также приостановлении или ограничении использования любых сетей связи и средств связи во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» содержит определенные ограничения самого содержания права каждого на тайну сообщений. В нем предусматривается, что во время чрезвычайных ситуаций право на приоритетное использование любых сетей связи и средств связи, а также приостановление или ограничение использования этих сетей связи и средств связи имеют Министерство обороны РФ, Министерство внутренних дел РФ, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная служба безопасности РФ, Федеральная служба охраны РФ, Служба внешней разведки РФ, Министерство юстиции РФ, находящиеся в их ведении службы и агентства, а также координационные органы всех уровней единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [14]. Словом, в данном постановлении Правительства РФ речь идет не об ограничении права каждого на тайну сообщений, а об ограничении самой коммуникационной возможности личности в сравнении с перечисленными силовыми и иными органами государственной власти, закрепляется право данных государственных органов на приостановление или ограничение использования физическими лицами любых сетей связи и средств связи в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В то же время Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ в ст. 7 закрепляет следующую меру, возможную к применению на территории, на которой введено военное положение на основании указов Президента РФ: *введение военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также контроля за телефонными переговорами, создание органов*

цензуры, непосредственно занимающихся указанными вопросами [12].

Учитывая вышеизложенные аргументы, а также тот факт, что ст. 56 Конституции РФ содержит норму права, при реализации которой в федеральном законодательстве предусмотрены ограничения конституционного права каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, предлагается изложить ч. 1 ст. 56 Конституции РФ в следующей редакции: «В условиях чрезвычайного и военного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия».

Наконец, в-пятых, существует и специальное законодательное ограничение права каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, прямо предусмотренное в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ: ограничение этого права допускается только на основании судебного решения [4, с. 7].

Таким образом, личное право каждого на тайну сообщений, по мнению авторов, имеет трехуровневую систему конституционных ограничений: *пределы первого уровня*, установленные Конституцией РФ абсолютно для всех конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 17, ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ), законодательные пределы *второго уровня*, разделяющие все конституционные права и свободы на подлежащие ограничению и не подлежащие таковым, которые относят конституционное право каждого на тайну сообщений к первой группе (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), и, наконец, специальное конституционное ограничение *третьего уровня*, допускающее возможность ограничения анализируемого конституционного права строго на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Конкретизация обозначенной авторами системы конституционных ограничений происходит *в текущем законодательстве*, куда, по нашему мнению, прежде всего следует отнести: Уголовно-процессуальный кодекс РФ [15], Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], Федеральный закон «О связи» [13], Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» [6], Федеральный закон «О внешней разведке» [8], Уголовно-исполнительный кодекс РФ [9] и др.

Рассматривая в рамках настоящей статьи вопросы реализации указанных выше консти-

туционно-правовых норм в уголовно-процессуальном законодательстве, отметим, что предметом регулирования Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) является ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при расследовании уголовных дел.

По общему правилу следственные действия, ограничивающие право на тайну сообщений, осуществляются по решению суда (ч. 2 ст. 13 УПК РФ).

Наряду с этим УПК РФ определяет возможности эффективного контроля соразмерности ограничения основным конституционным ценностям. Для этого уточняется объект ограничения, закрепляются способы ограничения права на тайну связи, определяется круг уполномоченных должностных лиц и место проведения ограничительных мероприятий (следственных действий), а также процедуры получения разрешения на это ограничение [3, с. 34].

Согласно ч. 2 ст. 13 УПК РФ право на тайну индивидуальных сообщений может быть ограничено только путем законодательно установленных следственных действий. Исчерпывающий перечень этих действий предусматривается в совокупности уголовно-процессуальных норм, закрепленных в ч. 2 ст. 13, п. 8 и 11 ч. 2 ст. 29, ст. 185 и ст. 186 УПК РФ [11]. В их числе наложение ареста на корреспонденцию, ее выемка и осмотр в учреждениях связи.

Наряду с этим в УПК РФ закрепляются способы ограничения права на тайну телефонных и иных переговоров. К ним относятся два вида следственных действий: контроль и запись (ч. 2 ст. 13, п. 11 ч. 2 ст. 29, ст. 186). Данные нормы УПК РФ конкретизируют норму ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет порядок получения решения суда на проведение ареста, выемки, осмотра корреспонденции, контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст. 165 УПК РФ) [11].

Общие процедурные требования по *наложению ареста на корреспонденцию, ее осмотра и выемки* закрепляются в ст. 182, 183 и 185 УПК РФ [11].

Арест может быть наложен согласно ст. 185 УПК РФ на любые почтовые и телеграфные отправления, в т.ч. посылки, бандероли, контейнеры, письма, телеграммы, радиogramмы и др., если есть основания полагать, что в этих отправлениях содержатся предметы, документы или

сведения, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1).

В случае наложения ареста на почтовые и телеграфные отправления копия решения суда о наложении ареста направляется в соответствующее учреждение связи, которому поручается задерживать отправления и незамедлительно уведомлять об этом следователя. При этом задержание производится в конкретном учреждении, а объектом задержания могут быть только персонафицированные отправления (ч. 2-4 ст. 185 УПК РФ) [11].

Задержанные почтовые и телеграфные отправления осматриваются, а при необходимости изымаются либо с них снимается копия. Осмотр, выемка, снятие копий производятся следователем по месту задержания в соответствующем учреждении связи (ч. 5 ст. 185 УПК РФ).

В законе устанавливаются сроки задержания корреспонденции. Максимальный срок определяется окончанием предварительного следствия (ч. 6 ст. 185 УПК РФ). Задержание может быть отменено следователем до истечения этого срока, если необходимость в этой мере отпадает. Арест отменяется следователем с обязательным уведомлением суда, принявшего решение о его наложении, и прокурора.

Более сложные процедуры установлены *при производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров* (ст. 186 УПК РФ) [11].

Во-первых, данное следственное действие может осуществляться исключительно на основании судебного решения (п. 2 ст. 13, п. 11 ч. 2 ст. 29, ст. 165 и 186 УПК РФ). При этом общее требование судебного контроля ограничено как положением ч. 5 ст. 165 УПК РФ, так и особого рода условиями, предусмотренными в норме ч. 2 ст. 186 УПК РФ [11].

Анализ ст. 186 УПК РФ позволяет выделить два этапа рассматриваемого следственного действия:

1) контроль и запись переговоров (проводится оперативными работниками по постановлению следователя, санкционированному судом);

2) осмотр и прослушивание фонограммы (осуществляется следователем с участием понятых).

По российскому законодательству контроль телефонных и иных переговоров представляет собой меру ограниченного применения. Прослушивание допустимо только по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 1 ст. 186 УПК РФ).

Части 1, 2 ст. 186 УПК РФ определяют, чьи переговоры и на каком основании могут быть записаны и прослушаны. Названные в законе субъекты можно разделить на две группы – в зависимости от их процессуального положения и целей, которые ставят при этом органы уголовного преследования:

а) обвиняемый, подозреваемый, иные лица – при наличии достаточных оснований полагать, что их телефонные и иные переговоры могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела;

б) потерпевший, свидетель, их близкие родственники, родственники, близкие лица – при наличии угрозы совершения против них преступных действий.

В первом случае целью контроля и записи переговоров является получение доказательственной информации по делу; во втором – защита перечисленных лиц от преступных посягательств. Различные цели определяют различные формальные основания контроля переговоров. В первом случае следователю необходимо получить решение суда, во втором – заявление указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – решение суда.

В соответствии с УПК РФ ряд следственных действий, связанных с ограничением тайны сообщений, может проводиться только в учреждениях связи и только определенными должност-

ными лицами – следователями. Так, наложение ареста и выемки корреспонденции, в т.ч. осмотр почтово-телеграфных отправок, производятся до получения их адресатами.

Согласно ч. 1-4 ст. 185 УПК РФ в случае наложения судом ареста следователь поручает соответствующему учреждению связи (в лице его руководителя) задерживать конкретно-определенные почтово-телеграфные отправления. При этом по месту задержания, т.е. в определенном учреждении связи, производятся также выемка, осмотр и снятие копий. Данные следственные действия осуществляются самим следователем в порядке, установленном ч. 5 ст. 185 УПК РФ [11].

Особенностью ограничения права на тайну индивидуальных сообщений является также и то, что в отличие от следственных действий, связанных с почтово-телеграфными отправлениями, место проведения контроля и записи телефонных и иных переговоров не ограничивается конкретными учреждениями связи.

Таким образом, УПК РФ содержит в себе четкий перечень законодательных ограничений конституционного права каждого на тайну сообщений при проведении предварительного расследования по уголовным делам. Это ограничение в целом отвечает общепризнанным принципам и нормам международного права и требованиям Конституции РФ.

Литература

1. Астрахань А.А. Гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод советских граждан. М., 1986.
2. Беломестных Л.Л. Ограничение прав человека. М., 2003.
3. Бурылов А.В. Законодательное ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Пермь, 2003.
4. Конституция Российской Федерации. М., 2006.
5. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1996.
6. Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1995. № 15. Ст. 1269.
7. СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349 (в ред. от 21.12.2013).
8. СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143 (в ред. от 23.06.2014).
9. СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198 (в ред. от 08.03.2015).
10. СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
11. СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.
12. СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
13. СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
14. СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 2). Ст. 132.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

УДК 343.1:005.336.4

К.В. Тишкин

адъюнкт Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

e-mail: tishkin_k@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье автор, анализируя мнения учёных, предлагает свою систему основных признаков, которыми характеризуются специальные знания в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: специальные знания, сведущие лица, система основных признаков, уголовное судопроизводство.

K.V. Tishkin

a postgraduate student of Moscow University of the Ministry
of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: tishkin_k@mail.ru

MAIN FEATURES THAT CHARACTERIZE SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The author, analyzing the opinions of scientists, offers a system of main features, which are characterized by special expertise in the Russian criminal trial.

Key words: specialized knowledge, knowledgeable persons, system of main features, criminal proceedings.

Содержание понятия «специальные знания» вот уже более века является предметом исследований, проводимых многими видными российскими учёными-процессуалистами. При этом единого подхода к пониманию сущности основных признаков данного понятия так и не сформировано, в связи с этим мы считаем целесообразным провести анализ всех существующих мнений и предложений с целью выработки системы основных признаков, которыми характеризуются специальные знания.

Первый признак, характеризующий специальные знания, на который указывают учёные-процессуалисты, заключается в том, что эти знания не являются общедоступными. Данного мнения придерживаются А.А. Эйсман [13, с. 91], Ю.К. Орлов [5, с. 6], В.И. Шиканов [11, с. 23].

А.А. Эйсман по данному вопросу писал еще в 1962 г.: «Известно, что граница между общедоступными и специальными знаниями несколько неопределенна, подвижна, оценка её нередко носит субъективный характер...» [13]. Е.Р. Россинская придерживается таких же взглядов и считает, что понятие «общеизвестные познания» носит субъективный оценочный характер, также

как и термин «общеобразовательная подготовка» [6, с. 23-24].

Мы поддерживаем точку зрения А.А. Эйсмана, который справедливо указал, что «решающее слово в отнесении знаний к числу общедоступных на следствии принадлежит по конкретному делу следователю, а в последующих стадиях судопроизводства – суду» [13, с. 39-40], и считаем, что в каждом конкретном случае необходимо проанализировать характер требуемых знаний и решить вопрос, могут ли они считаться специальными.

Второй признак специальных знаний, выделяемый учёными, это знания и навыки, приобретенные в процессе подготовки к определённой трудовой и практической деятельности (наличие профессионального опыта). Данного мнения в той или иной степени придерживаются Т.В. Сахнова [7, с. 10], А.В. Шмонин [12], Ю.К. Орлов [5, с. 6], В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий [2, с. 4], Т.В. Аверьянова [1], Е.В. Селина [8, с. 29], Т.Д. Телегина [10, с. 23].

Третий признак специальных знаний в уголовном процессе, на который указывают большинство учёных, это сфера их приложения и цели использования (использование для целей

уголовного судопроизводства). Данную точку зрения разделяют В.И. Шиканов, Т.В. Сахнова, Ю.Г. Корухов, И.Н. Сорокотягин [9, с. 5], В.Н. Махов [4, с. 77], Л.С. Данилова [3].

Четвёртый признак специальных знаний, который выделяют учёные, связан с тем, что они относятся к какой-либо отрасли знания (определённому виду профессиональной деятельности) (за исключением знаний, являющихся профессиональными для должностных лиц органов, осуществляющих следствие, дознание, оперативно-разыскную деятельность, судей, сторон защиты и обвинения) и позволяют решать поставленные задачи. Данного мнения придерживаются Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, В.Г. Кутушев, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, И.Н. Сорокотягин, В.И. Шиканов, А.В. Шмонин, А.А. Эйсман.

Пятый признак специальных знаний связан с отграничением их от правовых знаний, относящихся к компетенции суда и органов предварительного расследования. По поводу данного признака среди учёных нет единого мнения, но при этом общепринятой считается точка зрения, что знания, используемые в уголовном судопроизводстве, в зависимости от субъекта делятся на два вида: профессиональные знания следователя и профессиональные знания субъектов, которые привлекаются к процессу расследования преступлений. Некоторые учёные выделяют юридические (правовые) знания как самостоятель-

ный вид специальных знаний, используемых в уголовном процессе (Л.Д. Гаухман, Л.В. Виницкий, Е.Р. Россинская, Е.В. Селина, А.В. Шмонин, А.А. Эксархопуло). Другие учёные считают, что юридические (правовые) знания не включаются в объём специальных знаний (Ю.Г. Корухов, А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц, Ю.К. Орлов, Т.В. Сахнова, П.С. Яни).

Из проведённого анализа мы предлагаем свою систему основных признаков, которыми характеризуются специальные знания:

1. Специальные знания относятся к определённой отрасли знаний и виду деятельности (за исключением знаний, являющихся профессиональными для должностных лиц органов, осуществляющих следствие, дознание, оперативно-разыскную деятельность, судей, сторон защиты и обвинения) и позволяют решить поставленную задачу.

2. Специальные знания характеризуются наличием профессионального опыта (владение знаниями основных и смежных наук, навыками и умениями).

3. Специальные знания предполагают в том числе наличие знания системы правил, регулирующих сферу деятельности, относящейся к соответствующей отрасли знаний.

4. Специальные знания используются в целях осуществления установления истины по делу в случаях и порядке, определённых уголовно-процессуальным законом.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2.
2. Арсеньев Д.В., Заблочный В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
3. Данилова Л.С. Формы применения специальных бухгалтерских знаний в уголовном процессе России // Налоги. 2009. № 10.
4. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. М.: Изд-во РУДН. 2000.
5. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995.
6. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
7. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999.
8. Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003.
9. Сорокотягин И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений: монография. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1984.
10. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
11. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978.
12. Шмонин А.В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе // Российский судья. 2002. № 11.
13. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967.

УДК 343.13:340.132.66

С.В. Троицкий, канд. юрид. наук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПРИЗМЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье кратко раскрывается практика Европейского Суда по правам человека по нарушению ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Акцентируется внимание на основных решениях Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: международное право, европейское право, Европейский Суд по правам человека, разумный срок.

S.V. Troitski, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation

REASONABLE PERIOD OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article briefly addresses the Practice of the European Court of human rights a violation of the Art. 6 of the European Convention on human rights and fundamental freedoms of 1950. It focuses on the major decisions of the European Court of human rights.

Key words: international law, European law, the European Court of human rights, reasonable period.

Ратификация Российской Федерацией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), несомненно, стала значительным шагом в деле укрепления и развития в нашей стране международных стандартов прав и свобод человека, признанных в Европе. Будучи одним из наиболее эффективно применяемых на практике международных соглашений, Конвенция в значительной мере способствует совершенствованию отечественного законодательства, а также развитию российских внутригосударственных механизмов в сфере защиты прав человека.

Несмотря на это, в настоящее время существует немало проблем, требующих практического разрешения, одной из которых является соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства.

Как гласит ст. 6.1 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, производство по уголовным делам должно осуществляться в разумный срок [17]. Соблюдение данной нормы является базовой гарантией правосудия, о чем неоднократно подчеркивал Европейский Суд по

правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд).

Однако на практике суды общей юрисдикции часто не соблюдают данную норму и правовые позиции ЕСПЧ, тем самым грубо нарушая права участников процесса, УПК РФ и основополагающие права человека, закреплённые в нормах международного права.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., являющейся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на соблюдение публичного разбирательства дела в разумный срок и нормальную организацию судебной системы, вырабатывая правовые позиции, которые

ми должны руководствоваться государства-участники Конвенции 1950 г. [11].

В своих решениях Суд подчеркивал, что п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [14] признает за каждым лицом, преследуемым по уголовному делу, право получить в разумный срок окончательное решение об обоснованности обвинения, направленного против него [4], а более точно, «имеет в качестве предмета в уголовном деле достижение того, чтобы обвиняемые не оставались в течение долгого времени под тяжестью обвинения и чтобы было вынесено решение об обоснованности обвинения» [1]. Поэтому начало (*dies a quo*) исчисления срока уголовного судопроизводства для оценки его разумности исчисляется со дня, когда лицо становится «обвиняемым» в независимом и фактическом значении, которое следует применить к данному термину [5], его окончание (*dies ad quem*) – в день постановления окончательного обвинительного или оправдательного приговора [7].

При исчислении срока судопроизводства Европейский суд по правам человека учитывает также период фактического исполнения принятого по делу окончательного судебного акта [3].

В постановлении ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. сформулированы основные критерии, руководствуясь которыми можно правильно решить вопрос о разумности или неразумности сроков судопроизводства [6]. Одним из таких критериев является поведение заявителя. Заявитель, участвующий в деле, должен вести себя так, чтобы в нарушении разумного срока судопроизводства не было его вины. Таким образом, у представителя государства, выступающего на стороне ответчика, должны отсутствовать доказательства того, что заявитель не являлся в суд без уважительных причин, заявлял необоснованные ходатайства или иным образом затягивал процесс, злоупотребляя своими процессуальными правами. При этом суд, рассматривающий дело с грубыми нарушениями срока без каких-либо уважительных на то причин, всегда считается виновным в нарушении разумного срока. Также при рассмотрении дела важно учитывать характер процесса и его значение для заявителя. Под характером процесса следует понимать само его течение, т.е. анализ того, как он проходил: сколько раз дело откладывалось или приостанавливалось и по каким причинам; много ли заявлялось ходатайств; были ли со стороны лиц, участвующих в деле, попытки затянуть процесс; пресекал ли суд такие действия и т.п., одним словом, занимал ли суд при рассмотрении дела активную позицию по руководству процессом.

Также критериями определения разумных сроков судопроизводства признаются [8]:

1) сложность дела, при определении которой учитываются характер подлежащих установлению фактов, количество свидетелей, международные факторы, присоединение дела к другим делам, вступление в процесс новых лиц;

2) действия (поведение) заявителя, при оценке которого Европейский Суд указывает, что использование лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, своих прав для защиты от этого преследования не может вменяться в вину лицу [16];

3) действия (поведение) властей, которые, заботясь о быстроте судопроизводства, ответственны за принятие таких мер, «которые бы осветили обоснованность или необоснованность обвинения» [12].

В постановлении ЕСПЧ от 17 декабря 2009 г. указано, что применительно уголовных дел ст. 6 Конвенции о защите основных прав и свобод гарантирует обвиняемому лицу право не находиться длительный период времени в неизвестности о своей дальнейшей судьбе [9]. ЕСПЧ указывает на нарушения положений Конвенции 1950 г. в связи с неявкой истцов в российские суды без уважительных причин («Рыбаков против Российской Федерации», «Зайцев и другие против Российской Федерации»).

Также ЕСПЧ в вопросах поведения потерпевшего отмечает, что за перенос слушаний из-за его неявки как минимум на пять заседаний, неспособность суда обеспечить его присутствие несет ответственность государство (постановление ЕСПЧ от 21 сентября 2004 г. по делу «Кусьмерек против Польши», жалоба № 10675/02, постановление ЕСПЧ от 8 марта 2007 г. по делу «Сидоренко против Российской Федерации», жалоба № 4459/031).

ЕСПЧ подчеркивает, что обоснованность длительности судопроизводства должна оцениваться обстоятельствами дела, в т.ч. и поведением сторон. В этой связи Европейский Суд указывает, что обвиняемому в совершении уголовного преступления должно предоставляться право на то, чтобы его дело рассматривалось с особой тщательностью, а ст. 6 Конвенции – когда речь идет об уголовных делах, разработана во избежание тех ситуаций, когда обвиняемый остается в неведении относительно его дальнейшей судьбы слишком долго. Это приводит к выводу, что органы власти не проявили надлежащего усердия при разбирательстве дела, несмотря на поведение стороны при рассмотрении дела (постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. по

делу «Нахманович против Российской Федерации», жалоба № 55669/00). При этом суд обозначил, что сложность дела сама по себе не обуславливает продолжительность судебных разбирательств (постановление ЕСПЧ от 3 апреля 2008 г. по делу «Головкин против Российской Федерации», жалоба № 16595/02).

Также при необоснованных задержках судебных разбирательств Европейский Суд расценивал периоды, связанные с несвоевременным назначением экспертиз и выбором экспертных организаций или учреждений, чрезмерной продолжительностью проведения экспертиз, отсутствием каких-либо строгих сроков их проведения и соответствующего контроля суда, несвоевременным представлением экспертам необходимых материалов и документов для сравнительного исследования и пр. С учетом приведенных обстоятельств Европейским Судом констатировалось нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства (постановления Европейского Суда по делам «Марченко против Российской Федерации», «Глазков против Российской Федерации», «Кесьян против Российской Федерации», «Маркова против России» (постановление от 08.01.2009), «Вдовина против России» (постановление от 18.06.2009), «Саламатина против России» (постановление от 01.03.2007), «Волович против России» (постановление от 05.10.2006), связанные с контролем за назначением и проведением судебных экспертиз).

Другим не менее распространенным обстоятельством организационно-правового характера, влияющим на длительность судопроизводства, отмеченным в практике Европейского Суда по правам человека, стало отсутствие контроля со стороны суда за проведением судебной экспертизы.

Рассматривая данный фактор, надо отметить, что практика ЕСПЧ настойчиво обращала внимание национального суда «на особую обязанность по обеспечению того, чтобы все стороны, участвующие в судебном разбирательстве, делали все от них зависящее, с тем, чтобы избежать любой неоправданной отсрочки в рассмотрении дела» (дело «Вернилло против Франции», постановление ЕСПЧ от 20 февраля 1991 г.).

Постоянным тезисом Европейского Суда является и то, что ответственность за задержку судебного разбирательства в связи с проведением экспертизы по делу возлагается на власти государства-ответчика. В деле «Марченко против России» (постановление ЕСПЧ от 05.10.2006) подчеркивается, что районным судом не было принято никаких мер для того, что-

бы избежать задержки судебного разбирательства. При этом ЕСПЧ отметил, чтобы воспрепятствовать будущим нарушениям права на судебное разбирательство дела в разумный срок, государство должно принять все разумные меры, предпочтительно путем изменения существующего набора средств правовой защиты или создания новых, для обеспечения реально эффективного возмещения за нарушения, аналогичные настоящему (постановление Европейского Суда от 17.12.2013 по делу «Барта и Драйко против Венгрии», жалоба № 35729/12). Также ЕСПЧ заложил позицию, согласно которой государство должно ввести средство правовой защиты или сочетание средств правовой защиты в отношении неразумно длительных уголовных разбирательств (постановление Европейского Суда от 10.05.2011 по делу «Димитров и Хаманов против Болгарии», жалоба № 48059/06 и 2708/09, «Фингер против Болгарии», жалоба № 37346/05, постановление Европейского Суда от 20 марта 2012 г. по делу «Уммухан Каплан против Турции», жалоба № 24240/07).

Также упоминание о соблюдении разумного срока содержится в положениях подп. «с» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., из которого вытекает, что уголовные дела должны рассматриваться без неоправданной задержки, в строгом соответствии с правилами судопроизводства, важной составляющей которых являются сроки рассмотрения дел [13].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней ратифицированы РФ, вступили в силу на ее территории, следовательно, являются составной частью ее правовой системы. При этом РФ признала юрисдикцию Европейского Суда и обязалась привести правоприменительную, в т.ч. судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней. Обращая внимание на постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации [2]. Конвенция и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховно-

го Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [14], а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской

Федерации». Как следует из положений ст. 46 Конвенции, ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

Литература

1. Вемхоф против Германии (Wemhoff v. Germany): постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 г. (§ 9). Series A. № 7.
2. Галиев Р.С., Васильков К.В. Конституционное право на свободную передачу и распространение информации и проблемы его реализации сотрудниками полиции // Гражданское общество и правовое государство: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.В. Тена, С.Н. Бабурина: в 2 т. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2015. Т. 1.
3. Голдер против Соединенного Королевства (Golder v. the United Kingdom): постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. (§ 32) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1.
4. Джулия Манцони против Италии (Giulia Manzoni v. Italy): постановление Европейского Суда по правам человека от 1 июля 1997 г. (§ 17) // Reports of Judgments and Decisions. 1997-IV.
5. Имбриосца против Швейцарии (Imbrioscia v. Switzerland): постановление Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1993 г. (§ 36). Series A. № 275.
6. Калашников против России: постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2002 г. (§ 125).
7. Калашников против Российской Федерации (Kalachnikov v. Russia) (жалоба № 47095/99): постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2002 г. (§ 124) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 1.
8. Каракая (Ялчин) против Турции (Karakaya (Yalcin) v. Turkey): постановление Европейского Суда по правам человека от 5 июня 2007 г. (§ 30) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 1.
9. Колчинаев (Kolchinayev) против Российской Федерации» (жалоба № 28961/03): постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 17 декабря 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней: принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
11. Леффлер против Австрии (жалоба № 72159/01): постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 04 марта 2005 г.
12. Ноймейстер против Австрии (Neumeister v. Austria): постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 г. (§ 21). Series A. № 8.
13. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // Рос. газ. 2012. 19 дек. № 292.
14. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.
15. О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 // Рос. газ. 2008. 12 янв. № 4.
16. Райнхардт и Слимман-Каид против Франции (Reinhardt and {Slimane-Kaid} v. France) [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда по правам человека от 31 марта 1998 г. (§ 99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гражданско-правовые отношения

УДК 341.9:341.461

Ю.В. Блинова, канд. филол. наук, доцент
Алтайская академия экономики и права
e-mail: jblinova@yandex.ru

НОВОЕ В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЛИЧНОГО ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В статье рассматривается проблема применения для регулирования ответственности юридического лица отдельной привязки, отличной от закона инкорпорации, а также некоторые моменты снятия корпоративной вуали.

Ключевые слова: инкорпорация, международное частное право, личный закон юридического лица.

Ju.V. Blinova, Ph.D. (Candidate of Philological Sciences), assistant-professor
Altai Academy of Economics and Law
e-mail: jblinova@yandex.ru

NEW IN THE COLLISION REGULATION PERSONAL LAW OF A LEGAL ENTITY

This article deals with the problem of application for regulatory responsibilities of the legal entity separate bindings other than the law of incorporation, as well as some moments of lifting the corporate veil.

Key words: incorporation, private international law, private law of legal person.

С 1 ноября 2013 г. вступили в силу следующие изменения ст. 1202 ГК РФ [4]:

1) в личный статут юридического лица введен новый пункт 9 «Вопросы ответственности учредителей (участников) юридического лица по его обязательствам»;

2) появился пункт 4 ст. 1202 «Если учрежденное за границей юридическое лицо осуществляет свою предпринимательскую деятельность преимущественно на территории Российской Федерации, к требованиям об ответственности по обязательствам юридического лица его учредителей (участников), других лиц, которые имеют право давать обязательные для него указания или иным образом имеют возможность определять его действия,

применяется российское право либо по выбору кредитора личный закон такого юридического лица».

О необходимости выделения для регулирования ответственности юридического лица отдельной привязки, отличной от закона инкорпорации, писала еще в 2002 г. О.В. Кадышева в диссертации, посвященной национальности юридического лица, указывая на опыт некоторых зарубежных стран [3, с. 138]. Например, в ст. 159 закона о МЧП Швейцарии 1987 г. говорится, что если деятельность товарищества, учрежденного по иностранному праву, осуществляется в Швейцарии или из Швейцарии, ответственность действующих от имени товарищества лиц определяется по швейцарскому

праву. Российское законодательство, как видно, восприняло зарубежный опыт в более мягкой форме.

Данный вопрос, по словам разработчика новелл А.В. Асоскова, особенно актуален в отношении так называемых «псевдоиностранных» компаний, зарегистрированных преимущественно в оффшорных юрисдикциях, которые лишь формально учреждены в определенной стране, но фактически осуществляют свою предпринимательскую деятельность на территории другого государства. В практике ВАС РФ и доктрине эти разноплановые ситуации зачастую объединяются под единым названием «снятие корпоративных покровов» [1, с. 9].

Важно обратить внимание, что речь идет о возможных случаях ответственности не только тех лиц, которые формально управляют делами юридического лица (акционеры, участники, директора), но и лиц, которые фактически любым образом имеют возможность определять действия юридического лица. При формулировании п. 4 ст. 1202 ГК РФ учитывалось, что во многих ситуациях структура управления и контроля иностранных компаний предусматривает наличие как номинальных (формальных) директоров и акционеров, так и фактических (бенефициарных) владельцев, которые могут быть скрыты путем использования различных видов трастовых и иных конструкций [1, с. 10].

Не решенной по существу осталась проблема, связанная с делимитацией статутов, определяемых с помощью разных коллизионных норм и названная А.В. Асосковым как «наложение коллизионных норм» [2, с. 250]. Речь идет о соглашениях акционеров (ныне корпоративных договорах). Долгое время данный институт прямо не признавался в российском гражданском праве, в связи с чем российские суды занимали резко негативную позицию по отношению к подобным соглашениям и признавали их недействительными в любой части, прямо или косвенно противоречащей российскому корпоративному законодательству или учредительным документам юридического лица [5].

Сегодня с реформированием ст. 1214 ГК РФ формально можно избирать применимое право к подобному договору, однако фактически сторо-

ны связаны императивными нормами страны места учреждения юридического лица по вопросам, указанным в п. 2 ст. 1202 ГК РФ, и в особенности в свете широкого толкования понятия «внутренние отношения юридического лица» (подп. 7 ст. 1202 ГК РФ), потому введенная свобода в отношении корпоративных договоров представляется иллюзорной.

С 1 июля 2014 г. вступили в силу изменения, подготовленные Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [6]. Речь идет еще об одном изъятии из общего правила о законе места учреждения юридического лица: юридические лица, расположенные на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь и созданные по законодательству Украины, могут в период с 1 июля 2014 г. по 1 января 2015 г. обратиться с заявлением о внесении сведений о них в ЕГРЮЛ и приобрести права и обязанности российских юридических лиц. При этом данная процедура не рассматривается как реорганизация указанных юридических лиц, не влечет прекращения этих юридических лиц и не требует применения правил ст. 60 ГК РФ.

Представленная проблема получила наименование в науке МЧП как адаптация юридического лица. В доктрине МЧП возможность изменения национальности юридического лица без его прекращения ставилась под сомнение, хотя в некоторых зарубежных странах и в европейском законодательстве на сегодняшний день это легально закреплено (ст. 161, 163 Федерального закона «О международном частном праве Швейцарии» 1987 г.; ст. 112 Закона Бельгии 2004 г. «О кодексе международного частного права»; ст. 233, 234 Закона Лихтенштейна 1996 г. «Об изменении регулирования о лицах и обществах»; ст. 33 ГК Португалии 1966 г., ст. 8 Регламента Совета Европейского Союза № 2157/2001 от 8 октября 2001 г. «О статуте Европейской компании») [7]. Что касается российского опыта, то данное явление носит разовый характер и связано исключительно с территориальными изменениями.

Литература

1. Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2.
2. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

3. Кадышева О.В. Национальность юридических лиц в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260 // Рос. газ. 2013. 4 окт.
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 г. № Ф04-2109/2005 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2329.
7. Электронная библиотека Научно-учебной группы «Современная конструкция международного частного права». URL: <http://pravo.hse.ru/intprilaw> (дата обращения: 10.11.2014).

УДК 347.211

А.А. Серебряков

Алтайский государственный университет

e-mail: goodwrong@gmail.com

ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования информации в гражданском праве. Высказывается мнение, что с учетом ценности и значения информации для субъектов гражданского права законодатель использует различные правовые режимы при регулировании соответствующих общественных отношений.

Ключевые слова: информация, правовой режим, объекты гражданских прав, ноу-хау, коммерческая тайна, информация, составляющая коммерческую тайну.

A.A. Serebryakov

Altai State University

e-mail: goodwrong@gmail.com

LEGAL REGIMES OF INFORMATION IN CIVIL LAW

The article deals with the problems of legal regulation of information in civil law. It has been argued that the legislator uses different legal regimes for the regulation of corresponding social relations recognition the value of information for the subjects of civil law.

Key words: information, legal regime, objects of civil rights, knowhow, trade secret, information constituting a commercial secret.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10] (далее – ФЗ «Об информации») содержит указание на то, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений (ч. 1 ст. 5). Ранее в Гражданском кодексе Российской Федерации [8] (далее – ГК РФ) в редакции до 1 января 2008 г. в ст. 128 содержалось прямое указание на то, что информация относится к объектам гражданских прав. Однако Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] (далее – ФЗ № 231-ФЗ) из перечня объектов гражданских прав информация была исключена. В юридической литературе по этому вопросу были высказаны различные мнения.

Так, П.В. Крашенинников во вступительном слове к постатейному комментарию к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации отметил, что «информация как объект гражданских прав исключена из ст. 128 ГК РФ, поскольку их объектом может быть лишь такая информация, которая подпадает под признаки секрета производства (ноу-хау), относящегося к

охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» [5].

Е.А. Войниканис обращает внимание на то, что «в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве объекта гражданских прав понятие «информация» так и не прижилось. И хотя исключение информации из ст. 128 Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» является спорным, оно свидетельствует о том, насколько трудно встроить такой объект, как информация, в систему гражданско-правовых отношений» [1].

В.И. Еременко, анализируя ст. 17 ФЗ № 231-ФЗ, указал следующее: «Из ГК РФ исключена также ст. 139, посвященная служебной и коммерческой тайне. Параллельно из перечня объектов гражданских прав, установленного ст. 128, исключена информация. Кроме того, в Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» внесены существенные изменения, полностью преобразовавшие его содержание, полностью преобразовавшие его содержание, связанную сейчас только с секретами производства (ноу-хау), правовая охрана которым предоставляется в режиме ис-

ключительных прав. Упомянутые выше действия законодателя привели к тому, что в отношении других видов информации образовался правовой вакуум» [2].

По мнению Д.В. Мурзина, упомянутый В.И. Еременко вакуум вполне может быть восполнен путем привлечения механизмов охраны, предусмотренных другими отраслями законодательства, в частности антимонопольного [4].

С точки зрения В.С. Толстого, исключение из ст. 128 ГК РФ упоминания информации привело к появлению множества несогласованностей в законодательстве, хотя этого можно было избежать, введя в Гражданский кодекс систему общих норм, признающих и защищающих право на информацию [13].

П.В. Степанов положительно оценил исключение информации из перечня объектов гражданских прав: «Информация исключена из состава объектов гражданских прав, поскольку она входит в содержание различных объектов гражданских прав: услуг, результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации. Информацию можно почерпнуть и из других объектов – из ценных бумаг, имущественных комплексов и т.д. Но сама по себе, не облеченная в форму известного объекта гражданских прав, информация таким объектом не является» [6].

Представляется, что подобная точка зрения является не вполне обоснованной. При данном подходе не учитывается различная ценность и назначение информации для участников гражданских правоотношений. Ценность информации может быть обусловлена необходимостью ее предоставления для надлежащего исполнения какого-либо договорного обязательства. Информация может представлять самостоятельную коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам и может быть передана другим лицам с целью извлечения прибыли. Также информация может представлять существенную нематериальную ценность для субъекта, который не заинтересован в ее распространении и требует от иных лиц сохранения конфиденциальности такой информации.

В описанных выше ситуациях невозможно обеспечить эффективную реализацию и защиту прав и законных интересов обладателей различной информации, используя лишь один правовой режим. Анализ гражданского законодательства показывает, что для этих целей используется несколько правовых режимов, учитывающих, прежде всего, различное назначение и ценность информации для ее обладателей.

Информация, определяемая как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2 ФЗ «Об информации»), может представлять различный интерес для участников гражданских правоотношений. Чаще всего в гражданском обороте предоставление информации одним субъектом другому представляет собой акт исполнения гражданско-правового обязательства. Например, согласно п. 1 ст. 495 ГК РФ продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, соответствующую установленным законом, иными правовыми актами и обычно предъявляемым в розничной торговле требованиям к содержанию и способам предоставления такой информации. В соответствии со ст. 628 ГК РФ арендодатель, заключающий договор проката, обязан в присутствии арендатора проверить исправность сдаваемого в аренду имущества, а также ознакомить арендатора с правилами эксплуатации имущества либо выдать ему письменные инструкции о пользовании этим имуществом. В пункте 1 ст. 732 ГК РФ говорится об обязанности подрядчика до заключения договора бытового подряда предоставить заказчику необходимую и достоверную информацию о предлагаемой работе, ее видах и об особенностях, о цене и форме оплаты, а также сообщить заказчику по его просьбе другие относящиеся к договору и соответствующей работе сведения. Из пункта 1 ст. 894 ГК РФ вытекает обязанность поклажедателя при сдаче на хранение вещей с опасными свойствами предупредить хранителя об этих свойствах, т.е. предоставить информацию об опасных свойствах вещи. Статья 1032 ГК РФ предусматривает обязанность пользователя по договору коммерческой концессии информировать покупателей (заказчиков) наиболее очевидным для них способом о том, что он использует коммерческое обозначение, товарный знак, знак обслуживания или иное средство индивидуализации в силу договора коммерческой концессии.

Предоставление информации контрагенту по договору во всех вышеуказанных случаях и иных, подобных им, не является главной целью, преследуемой при вступлении в соответствующее правоотношение, а представляет собой одну из составляющих механизма исполнения гражданско-правового обязательства по передаче вещи в собственность или аренду, при выполнении работы или оказании услуги и т.д.

В этой связи в юридической литературе высказано суждение о наличии во многих граж-

данско-правовых отношениях, в т.ч. ранее названных, «информационной составляющей». Так, Л.Б. Ситдикова указывает, что «в отношениях, имеющих информационное содержание, информация не является отдельным объектом гражданско-правового регулирования и не становится сущностью подобных отношений, а может представлять собой способ оформления, форму существования определенных отношений» [7].

Таким образом, при регулировании договорных отношений, в рамках которых на одну или несколько сторон возлагается обязанность предоставить сведения, необходимые для надлежащего исполнения обязательства, на информацию распространяется правовой режим соответствующего гражданско-правового договора.

Вместе с тем информация может иметь и самостоятельное правовое значение, а значит, ее можно рассматривать в качестве отдельного объекта гражданско-правового регулирования. Прежде всего, речь идет об информации ограниченного доступа (п. 2 ст. 5 ФЗ «Об информации»).

Анализ гражданского законодательства позволяет выделить два вида информации, имеющей ценность самостоятельного объекта гражданских прав, также в зависимости от применяемого правового режима.

В случае необходимости исключительно охраны информации об определенном человеке, не связанной с его профессиональной или общественной деятельностью и дающей оценку его характеру, облику, здоровью, семейному положению, материальному состоянию, образу жизни, отдельным фактам биографии, а также его отношениям с родственниками, друзьями, знакомыми и т.п., законодатель использует режим личной или семейной тайны [3], т.е. режим, применяемый для обеспечения правового регулирования нематериальных благ. Помимо этого, в гражданском законодательстве содержатся указания на возможность обеспечения охраны информации с помощью правовых режимов банковской тайны, тайны страхования, тайны завещания и т.п.

Общей особенностью информации в приведенных выше случаях является то, что она не представляет самостоятельной коммерческой ценности и неразрывно связана с ее обладателем. Особенно отчетливо данная черта прослеживается, если речь идет об информации, характеризующей физическое лицо (сведения о личной жизни гражданина, о его банковском счете, о состоянии его здоровья и т.п.).

Иной правовой режим установлен для информации, обладающей самостоятельной экономической ценностью. В российском праве она обозначена как информация, составляющая коммерческую тайну.

Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [9] (далее – ФЗ «О коммерческой тайне») определяет информацию, составляющую коммерческую тайну как сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.), в т.ч. о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

Последние изменения гражданского законодательства, в т.ч. и законодательства об интеллектуальной собственности, позволяют сделать вывод о том, что прежнее отождествление значимой для гражданского оборота информации с интеллектуальной собственностью более не прослеживается. Речь идет о том, что с 1 октября 2014 г. информация, составляющая коммерческую тайну, более не охватывается понятием «секрет производства» (ноу-хау). Законодатель отказался рассматривать данные понятия в качестве синонимов, что с очевидностью вытекает из анализа ст. 3 и 4 Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12]. Так, секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности только в научно-технической сфере, в то время как информация, составляющая коммерческую тайну, представляет собой сведения любого характера, в т.ч. о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. В то же время новая редакция ст. 1465 ГК РФ закрепляет правило о том, что обеспечение конфиденциальности сведений, составляющих секрет производства (ноу-хау), может осуществляться не только путем установления режима коммерческой тайны, но и иными разумными мерами.

Исходя из изложенного, возникает угроза появления безобъектных гражданско-правовых

отношений. Это становится возможным в тех ситуациях, когда речь идет о предоставлении информации, составляющей коммерческую тайну, не относящейся к результатам интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и способам осуществления профессиональной деятельности. Отношения без объекта правового регулирования возникнуть не может. Следовательно, обособление информации, составляющей коммерческую тайну, неизбежно приводит к постановке вопроса о возможности ее рассмотрения в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Таким образом, в системе современного гражданско-правового регулирования можно выделить три различных правовых режима информации:

1. Правовой режим информации, предоставление которой осуществляется в рамках исполнения какого-либо гражданско-правового обязательства. В данном случае применяется правовой режим соответствующего гражданско-правового обязательства, т.к. подобная информация самостоятельной коммерческой ценности не имеет.

2. Правовой режим информации, составляющей личную, семейную и иные виды тайн,

также не представляющей самостоятельной коммерческой ценности, но имеющей важное нематериальное значение для соответствующих участников гражданско-правовых отношений. Поэтому к данной информации применяется режим, установленный гражданским законодательством для нематериальных благ.

3. Правовой режим информации, составляющей коммерческую тайну. Данная информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность и не может быть привязана ни к одному из объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ.

Представляя определенный имущественный интерес для участников гражданско-правовых отношений, осуществляющих предпринимательскую деятельность, информация, составляющая коммерческую тайну, в системе современного правового регулирования оказывается в некотором правовом вакууме. Это приводит к возникновению безобъектных, с точки зрения формального подхода, отношений. В связи с этим предлагается дополнить перечень объектов гражданских прав, сформулированный в ст. 128 ГК РФ, указанием на информацию, составляющую коммерческую тайну.

Литература

1. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013.
2. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009.
3. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004.
4. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Норма, 2014.
5. Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009.
6. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011.
7. Ситдикова Л.Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание информационных услуг. М.: Юрист, 2007.
8. Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.
9. СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.
10. СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
11. СЗ РФ. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5497.
12. СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.
13. Толстой В.С. Гражданское информационное право. М.: Изд-во Акад. повыш. квал-ции и профессиональной переподготовки работников образования, 2009.

УДК 343.14:343.535.2

Ю.В. Трунцевский, доктор юрид. наук, профессор
Академия управления МВД России;
А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

В статье рассматривается проблема использования информации о деятельности предприятия в процессе выявления и доказывания правонарушений и иных злоупотреблений в процедурах банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, финансовый анализ, арбитражный управляющий.

Yu.V. Truntsevsky, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
A.A. Chesnokov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior of Russia

SOME ISSUES OF THE USE OF INFORMATION SOURCES ABOUT ABUSES IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

This article considers the problem of the use of information about the enterprise activities in the process of identification and proof of misconduct and other abuses in the bankruptcy proceedings.

Key words: insolvency, bankruptcy, financial analysis, insolvency official.

В результате криминальных банкротств в первую очередь страдает общество и государство, значительно снижается стабильность гражданского оборота. При этом их латентность крайне высока, что вызвано низким уровнем доверия населения правоохранительным органам, нежеланием хозяйствующих субъектов раскрывать свою деятельность, сложностью работы с указанной категорией преступлений.

Хорошо, если есть информация о конкретных сделках, фактах злоупотреблений, направленных на снижение платежеспособности должника, еще лучше, если причастное к правонарушению лицо оказывает содействие следствию. Но большинство ситуаций не позволяет однозначно определить, были ли признаки несостоятельности при фиктивном банкротстве, какие действия и в какой период привели предприятие к несостоятельности, направлены ли действия арбитражного управляющего на восстановление платежеспособности или прямо уничтожают хозяйствующий субъект и прочее.

Главную сложность в выявлении и доказывании нарушений в сфере несостоятельности составляет следующее: административные правонарушения и преступления здесь могут быть совершены только с прямым умыслом, а факт банкротства связан с риском хозяйственной деятельности, т.е. с неосторожностью. Именно поэтому по делам о преступлениях в сфере несостоятельности столь велика доля косвенных доказательств (более 92 %) [3, с. 56].

Очевидно, что сотрудники правоохранительных органов должны обладать теоретическими знаниями и практическими навыками противодействия преступности в сфере несостоятельности. Для этого необходимо иметь представление о сущности, признаках банкротства, порядке реализации его процедур, а также методиках выявления и доказывания правонарушений и иных злоупотреблений в этой сфере.

Субъектами правонарушений здесь, как правило, выступают: руководитель должни-

ка и его подчиненные, собственники, арбитражные управляющие, кредиторы.

Предметом преступного посягательства выступает имущество должника. Часто это наиболее ликвидные и особо ценные активы (здания, земельные участки, ценные бумаги). В целях маскировки следов преступной деятельности возможно не прямое изъятие, а так называемое замещение активов. Здесь можно указать бартерные сделки, приобретение векселей, совершение сделок по нерыночным ценам.

Так, достаточно распространена следующая схема: запасы приобретаются по завышенным, а готовая продукция реализуется по заниженным ценам через фирмы-посредники, принадлежащие аффилированным лицам, через которые и осуществляется постепенное вымывание активов. Само же предприятие не в силах осуществлять конкурентную борьбу на таких условиях, оно постепенно обрастает долгами, становясь несостоятельным.

Способы совершения криминальных банкротств очень разнообразны. К ним, в частности, относятся: уклонение от уплаты долгов, сокрытие имущества и его неправомерное присвоение, фальсификация документов и т.д. Организаторы криминальных банкротств идут на совершение данного преступления тогда, когда юридическое лицо испытывает материальные затруднения, когда кредиторы требуют исполнения соответствующих обязательств от должника, чтобы обеспечить прикрытие.

Достаточно распространена так называемая модель «трехступенчатого банкротства», при которой создается фирма, заключающая с компаниями договоры на поставку товаров. В первый месяц делаются небольшие заказы, которые полностью оплачиваются. Во второй месяц заказы делаются уже больше, но стоимость их оплачивается частично. В течение третьего месяца, используя доверие к фирме, установившееся в результате своевременной оплаты предыдущих заказов, в кредит берутся товары на значительные суммы. При этом приобретается ценное и быстрореализуемое имущество. В других ситуациях созданное предприятие вначале четко выполняет свои обязательства перед партнерами и заказчиками, чем создает авторитет добропорядочной фирмы, но затем, получив значительную сумму денег, распадается.

Интересную схему приводит А.С. Генкин. Он отмечает, что известная рейдерская компания скупала ряд московских универмагов по следующей схеме: отдавали на реализацию жертве, скажем, партию обуви, в обусловленный

день комиссионер пытался расплатиться с комитентом, но указанный в договоре счет оказывался закрыт. Жертва, убаюканная многомиллионными оборотами, не замечала появления крохотного кредитора, но спустя положенный срок кредитор предъявлял в суде соответствующие доказательства задолженности и спокойно банкротил жертву [1, с. 5].

Здесь мы имеем дело с таким явлением, как «банкротное рейдерство». Прежде всего, подыскивается перспективное предприятие, которое имеет долги. Есть коммерческие специализированные фирмы, которые занимаются тем, что отыскивают для заинтересованных лиц такие предприятия и разрабатывают планы их захвата. Операцию захвата начинают с того, что заинтересованные лица скупают у кредиторов долги этого предприятия (не обязательно скупать все долги сразу, достаточно на сумму 300 000 руб., что для юридического лица – цифра незначительная, причем платить можно меньше номинала долгов или с рассрочкой). Таким образом, заинтересованное лицо приобретает статус конкурсного кредитора, т.е. право возбуждения в арбитражном суде процедуры банкротства, причем вполне законно.

Существует также пробельность законодательства, позволяющая аффилированным или входящим в одну группу лицам создавать искусственную задолженность в целях последующего получения финансовых выгод или создания большинства в комитете (собрании) кредиторов для принятия необходимых решений: заключение мирового соглашения на выгодных для должника условиях, замена арбитражного управляющего, введение конкурсного производства при наличии возможности восстановить платежеспособность и прочее. Встречаются случаи включения в реестр требований «дружественных» должнику кредиторов, которые подтверждаются решениями третейских судов.

Таковыми сделками выступают: заключение договора займа, поручительства, выдача должником авала, векселя, приобретение должником векселя по завышенной цене, приобретение заинтересованным лицом прав требования к должнику по договорам уступки у первоначальных кредиторов должника и т.п.

Да и сами арбитражные управляющие на «безрыбье» через подставных лиц скупают долги предкризисных предприятий, инициируют процедуру банкротства, после чего «выбирают» себя в качестве временного управляющего в порядке ст. 39 закона «О несостоятельности...», не забывая потом «перевыбрать» себя на роль кон-

курсного управляющего. В результате временный управляющий получает право на вознаграждение, которое составляет 30 тыс. руб. в месяц плюс сумма процентов от балансовой стоимости активов должника. Очевидно, он не будет заинтересован в восстановлении платежеспособности, введении процедур финансового оздоровления и внешнего управления и скорее постарается перейти к конкурсному производству, где можно неплохо поживиться на распродаже активов.

На сегодняшний день существенно увеличилось влияние и такого фактора, как конфликт интересов собственников и управленцев. Так, менеджеры не всегда заинтересованы в максимизации прибыли и очень часто искусственно завышают административно-хозяйственные и управленческие расходы, подтасовывают экономические показатели. Особенно это касается арбитражных управляющих.

Здесь наибольшую сложность представляет отделение субъективных причин несостоятельности от объективных, а также, при наличии субъективных, доказывание умышленных действий. Следует четко разделять внешние объективные риски и внутренние риски, зависящие от менеджмента.

В любом случае необходима помощь специалиста в сфере финансовой экономики, а часто и проведение экспертизы. Особое внимание следует обращать на время возможного и фактического обнаружения признаков несостоятельности, конкретные действия руководства предприятия, которые были направлены на выход из кризиса или, наоборот, его усугубляли, факты вывода активов или их замещения на менее ликвидные и пр.

На сегодняшний день особую значимость для доказывания по делам о несостоятельности приобрели решения арбитражных судов. Так, арбитражный суд проверяет, действительно ли должник не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, т.е. не имеет ли место фиктивное банкротство. Если арбитражный суд откажет должнику в признании банкротом, это будет основание для возбуждения уголовного дела по признакам ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство), а задачей следователя будет установление формы вины субъекта и размера ущерба. Аналогично в случае преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ). Арбитражный суд должен установить гражданско-правовой факт банкротства и (в идеале) размер ущерба. В случае неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ) арбитражный суд устанавливает факт

банкротства и размер причиненного ущерба, а уже после этого в уголовном процессе определяются конкретные неправомерные действия, время их совершения, их причинная связь с причиненным ущербом, правовая оценка ущерба, а также форма вины субъекта [2, с. 18].

Также следует учитывать, что объективная сторона ст. 195-197 УК РФ предусматривает обязательное наличие крупного ущерба (сегодня это 1 500 тыс. руб.), размер которого может быть установлен окончательно лишь после завершения конкурсного производства (в большинстве случаев не менее чем через 18 месяцев). Поэтому представляется целесообразным исключить из соответствующих составов признак крупного ущерба или замену его на «значительный».

Поэтому часто возбуждение уголовного дела и привлечение лица к уголовной ответственности до соответствующего решения арбитражного суда о факте банкротства означает привлечение лица к уголовной ответственности до появления состава преступления. И наоборот, неожиданное решение суда о прекращении производства может свести на нет все усилия следователя. Так, только актом суда может назначаться, прекращаться и возобновляться любая из процедур банкротства. Поэтому крайне важно исследовать и анализировать акты арбитражного суда, которые выносились в отношении предприятия должника.

Но в зависимости от действий арбитражного суда есть и положительные моменты, в частности существенно упрощается поиск потерпевших (их реестр будет составлять арбитражный управляющий), многие факты, установленные постановлениями суда, носят преюдициальный характер и не подлежат доказыванию и прочее.

В целом источником информации для правоохранительных органов о рисках несостоятельности и связанных с ней неправомерных деяний могут быть:

- сведения, полученные от должника, кредиторов, арбитражных управляющих, поступившие из арбитражных судов;
- версии о незаконных банкротствах при производстве расследования уголовных дел экономической направленности;
- материалы аудиторских проверок, ревизий;
- сообщения территориальных органов Федеральной налоговой службы РФ, Центрального Банка РФ, Росреестра и др.;
- рапорта сотрудников правоохранительных органов, материалы ревизий, документальных проверок, экспертиз;
- публикации в СМИ и т.п.

Но наиболее доступный источник оценки рисков несостоятельности – бухгалтерская отчетность предприятия. В отношении бухгалтерской отчетности нельзя устанавливать режим коммерческой тайны, ее можно истребовать у самого предприятия, запросить в территориальных налоговых органах и органах государственной статистики. Кроме того, ряд организаций (публичные акционерные общества, кредитные, страховые, клиринговые организации, биржи, фонды, управляющие компании, организаторы лотерей и азартных игр и т.д.) в обязательном порядке бухгалтерскую отчетность публикуют.

Все формы бухгалтерской отчетности тесно связаны между собой и представляют единое целое, т.е. систему финансовых показателей, характеризующих условия и результаты работы организации за отчетный период. При этом исправления в одной форме неизбежно влекут искажения других, что усложняет их фальсификацию.

Достоверная финансовая отчетность организации и индивидуального предпринимателя, раскрывающие ее материалы аналитического учета и первичные документы являются важнейшим средством выявления и доказывания не только преступлений в сфере несостоятельности, но и различного рода хищений на предприятии.

Следует обратить внимание, что ряд предприятий и индивидуальных предпринимателей, использующих упрощенную систему налогообложения, могут не вести бухгалтерский учет и, соответственно, составлять бухгалтерскую отчетность. В этом случае учет ведется в порядке гл. 26.2 Налогового кодекса РФ в форме Книги учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения. Это значительно усложняет анализ признаков несостоятельности.

Самостоятельный анализ отчетности достаточно сложен и требует глубоких экономических познаний, поэтому следует обратиться к специалистам. При этом, используя количественные методы анализа несостоятельности, определяются периоды резкого ухудшения показателей предприятия, прежде всего, повышение риска несостоятельности.

Определив период негативного воздействия, следует, применяя качественные методики анализа несостоятельности, выявить причины кризиса, после чего на основе документов бухгалтерского учета определяются конкретные действия, сделки, приведшие к банкротству, собираются доказательства вины работников фирмы и контролирующих ее лиц. Даже если неплатежеспособность наступила не по вине управляющих лиц, они, узнав о кризисе, часто совершают различного рода злоупотребления, которые можно квалифицировать как неправомерные действия при банкротстве.

При этом, как показывает практика, среди экспертных подразделений отсутствует единый подход к экспертизе несостоятельности, выводы часто носят противоречивый и взаимоисключающий характер, что связано с отсутствием четких требований к экспертизе несостоятельности, наличием огромного количества зарубежных и специализированных отечественных методик анализа несостоятельности, легко можно подобрать ту, что даст заранее желаемый результат. Это подразумевает необходимость обоснованного выбора экспертом методики, разработанной именно для этого вида предприятий. Наиболее же оптимальным представляется разработка и закрепление на федеральном уровне единых методик выявления и анализа несостоятельности предприятий, которые могли бы иметь полноценное доказательственное значение.

Литература

1. Генкин А.С. О некоторых экономических аспектах совершенствования законодательства в области несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2010. № 3.
2. Колб Б. Злоупотребления при банкротстве // Законность. 2002. № 5.
3. Курилюк Л.С. Проблемы выявления и расследования криминальных банкротств в России и в республике Беларусь // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 1.
4. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Юриспруденция: имена, события, даты

60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ДАВЫДОВА

В текущем году юридический мир отмечает знаменательную дату – 60-летний юбилей известного ученого-юриста, доктора юридических наук, доцента, заслуженного сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, полковника милиции в отставке С.И. Давыдова.

Сергей Иванович Давыдов родился в 1955 г. в посёлке Троицкое Троицкого района Алтайского края. После окончания средней школы в г. Барнауле поступил в Омскую высшую школу милиции МВД СССР, которую успешно окончил в 1976 г.

С 1976 по 1998 г. Сергей Иванович работал на различных должностях в УВД Алтайского края (инспектор отдела профилактической службы (1976-1980); инспектор уголовного розыска (1980-1986); начальник отделения (1986-1989); начальник отдела (1989-1996); заместитель начальника Управления уголовного розыска УВД края (1996-1998). Он имеет большой опыт организации деятельности оперативных подразделений ОВД регионального уровня по раскрытию преступлений.

В 1998 г. С.И. Давыдов был назначен на должность начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних

дел Барнаульского юридического института МВД России, которую возглавлял 11 лет. Сергей Иванович внес большой вклад в ее становление, повышение научно-педагогического потенциала, укрепление связей с другими учебными и научными учреждениями системы МВД.

Под руководством С.И. Давыдова кафедра стала одним из заметных центров развития оперативно-розыскной науки. Сотрудниками кафедры проведен ряд исследований по актуальным проблемам противодействия преступности оперативно-розыскными средствами и методами, результаты которых были внедрены в практическую деятельность органов внутренних дел более 20 регионов Российской Федерации.

Многие издания, подготовленные на кафедре непосредственно с участием С.И. Давыдова, получили гриф МВД России, изданы централизованным тиражом и активно используются в учебном процессе в ведомственных вузах при

подготовке специалистов для оперативных подразделений ОВД. Среди них «Организация работы криминальной милиции по делам оперативно-розыскного производства» (2001, 2004), «Оперативно-розыскные ситуации в деятельности сотрудников уголовного розыска» (2005), «Оперативно-розыскные мероприятия в деятельности органов внутренних дел» (2009), «Оперативно-розыскная деятельность» (2009). В составе авторского коллектива С.И. Давыдов участвовал в подготовке учебника «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: особенная часть» (2008).

Высокую оценку со стороны специалистов-практиков получили подготовленные на кафедре ОРД Барнаульского юридического института учебные пособия «Основы оперативно-розыскной деятельности» (2003, 2007), «Предупреждение и раскрытие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью» (2005), «Оперативно-поисковые мероприятия» (2005), «Организация борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (2006) и другие.

По инициативе С.И. Давыдова в институте было организовано ежегодное издание межвузовского сборника научных трудов (закрытого) «Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции». Периодически издавался и вызывал большой интерес у ученых и практиков научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», авторами которого являлись ведущие специалисты в области ОРД.

В 2002 г. С.И. Давыдов под научным руководством профессора А.Е. Четчина подготовил и защитил в диссертационном совете при Омской академии МВД России кандидатскую диссертацию по проблемам организации агентурной работы уголовного розыска. В 2003 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

С 2009 по 2011 г. С.И. Давыдов работал профессором кафедры оперативно-розыскной деятельности Омской академии МВД России.

В 2010 г. Сергей Иванович в диссертационном совете при Волгоградской академии МВД России успешно защитил докторскую диссертацию

на тему «Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел».

С июля 2011 г. после увольнения из органов внутренних дел на пенсию С.И. Давыдов работает профессором кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, а с сентября 2014 г. – профессором кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В настоящее время С.И. Давыдов продолжает активную научно-педагогическую деятельность. Сфера его научных интересов – проблемы применения ситуационного подхода в оперативно-розыскной теории и практике; проблемы теории оперативно-розыскной методики; проблемы соблюдения прав личности в оперативно-розыскной деятельности.

Сергей Иванович имеет более 120 публикаций, в т.ч. 6 монографий, 16 учебных пособий, 15 научных статей в журналах, включенных в Перечень ВАК. Ученый публиковался в Казахстане, Украине.

К наиболее значимым научным работам следует отнести монографию «Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел», в которой получили развитие идеи ситуационного подхода как методологической основы развития оперативно-розыскной науки и совершенствования практики применения оперативно-розыскных средств и методов в раскрытии преступлений.

С.И. Давыдов осуществляет научное руководство аспирантами и адъюнктами.

Указом Президента РФ в 2003 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации». Сергей Иванович награжден медалями «За доблесть в службе», «За безупречную службу» трех степеней, знаком «Отличник милиции», неоднократно поощрялся МВД России.

Поздравляем уважаемого Сергея Ивановича Давыдова с юбилеем! Желаем ему крепкого здоровья, счастья, больших творческих успехов в научной и педагогической деятельности.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10-ти машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице: слева и снизу – 25 мм, сверху – 20 мм, справа – 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применения вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая библиографическая ссылка. Затекстовая библиографическая ссылка оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа.

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Литература» приводится после основного текста в алфавитном порядке (один пункт списка – одно наименование). Оформляется он по ГОСТу Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

- код универсальной десятичной классификации (УДК) (размещать перед статьей в левом верхнем углу листа);
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова² на русском и английском языке.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, ФИО руководителя, его подпись.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

К статье прилагается:

- рецензия с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук, научным званием доцента или профессора);
- подписанный лицензионный договор о предоставлении права на использование материалов в двух экземплярах (договор подписывают все авторы статьи).

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте altvest@buiimvd.ru, nauka_bui@mail.ru.

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49,

Барнаульский юридический институт МВД России,

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел,

журнал «Алтайский юридический вестник».

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов материалы не публикуются.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте antiplagiat.ru

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону. Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел БЮИ МВД России.

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

«__» _____ 2015 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Андреева Александра Александровича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

_____ , именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

656038 г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО

Адрес

Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

_____ / А.А. Андреев /

м.п.

_____ / _____ /